

81.2

К В97

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ХМАО – ЮГРЫ
«ОБСКО-УТОРСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК»

Юрий Вэлла

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

*Опыт топонимического словаря
Бассейн реки Аган*

Часть третья

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Бюджетное учреждение ХМАО – Югры
«Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»

Юрий Вэлла

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

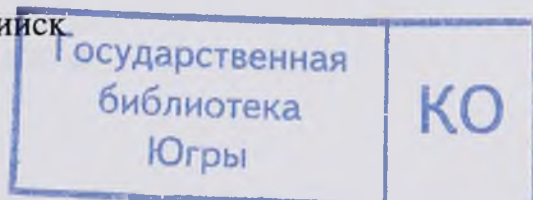
**Опыт топонимического словаря
Бассейн реки Аган**

**Часть третья:
дороги, населённые пункты, святилища,
аномальные места в бассейне реки Аган.
Справка об информантах**

ЮгР^ХФика
ТИПОГРАФИЯ • ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ханты-Мансийск
2012

- 0162343 -

УДК 811'373.21
ББК 81.2-3
В 97

ISBN 978-5-905751-18-9

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Рецензенты:

Ева Тулуз, доцент Института восточных языков и культур, Париж,
Сергей Луцкий, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, дважды лауреат премии губернатора ХМАО по литературе.

Юрий Вэлла

В 97 РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ, Опыт топонимического словаря, Бассейн реки Аган, Часть третья / Вэлла Юрий. – Ханты-Мансийск : Изд-во Юграфика, 2012. – 150 с.

В книге представлена топонимика коренных жителей реки Аган.
Рабочие языки: хантыйский, ненецкий, русский.

Часть первая: *топонимика вдоль русла реки Аган.*

Часть вторая: *топонимика притоков реки Аган.*

Часть третья: *дороги, населённые пункты, святылища, аномальные места в бассейне реки Аган. Справка об информантах.*

УДК 811'373.21
ББК 81.2-3

ISBN 978-5-905751-18-9

© БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», 2012
© Юрий Вэлла, автор, 2012
© ООО Издательство Юграфика, издание, 2012

«Вправе ли мы бездумно лишать наших
потомков будущего, не признавая
очевидную необходимость сохранения
эталонов живой природы в ее пусть
относительно целостном, но все еще
диком состоянии? В чем тогда смысл
существования человека, если не в
заботе о благополучии своего рода?»

Алексей Зименко,
генеральный директор
Центра охраны дикой природы,
2005 год

Как литератор, не могу не сказать еще об одном достоинстве рукописи Юрия Вэллы. То, что она написана литературно одаренным человеком, делает «Реку Аган...», как говорится, читабельной и интересной не только для специалистов. Язык рукописи – живой, непринужденный, зачастую образный. Сведения, таким языком изложенные, легко входят в память. По своей стилистике рукопись – развернутое эссе с вкраплением точных деталей, поэтических преданий и легенд ханты и лесных ненцев. Чувствуется уважительное внимание автора к ранее жившим и ныне живущим на берегах Агана людям, их быту и образу жизни.

На мой взгляд, рукопись остальных частей книги «Река Аган со притоками» Юрия Вэллы вполне заслуживает издания. Она станет заметным вкладом не только в науку, но и в культуру нашей малой родины.

Сергей Луцкий,
член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской премии
им. Мамина-Сибиряка,
дважды лауреат премии
губернатора ХМАО по литературе

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЕ ДОРОГИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ	7
НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ.....	26
СВЯТИЛИЩА.....	108
АНОМАЛЬНЫЕ МЕСТА.....	111
КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ ИНФОРМАНТАХ.....	140

ГЛАВНЫЕ ДОРОГИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

ТЁТТУ' ҲОТУ – *дорога рода Тётт*. Вампу'тахана Ҳоту татя. Тё'тту Ҳотум ними'җа. Ма'ай понантуң Тё'тту' Пюлэ няҗат не'шай' тямта'ма Ҳоту. Ҳахаҗкай' Тё'ттэ'эй' чики Ҳотуң кысумна томы'. Чикехет таҗняң чики Ҳоту Тё'тту' Ҳотум ними'җа.

Этой дорогой Р. П. Митусова уехала с Агана на Пур зимой 1924–1925 года.

ВОНТ-ЛЕВК – Качиң вонт явун лувнам вонт-левк тойял. Ахын оҗ палыкнэ волты ях вонтнам ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР кохет вонтнам нориплэт. Ярхан ях МЫККЫН КУТ ЕНЫК вонтэтнам нориптилнэ, АНЫС ЛЕВК КОР кохет мэнлэт пан ТЁТТУ' ҲОТУ кохет. Ахын той ях Ахын той вонтэтнам КОЛЫҢК ВУН ЯХ ЛЕВК КОР кохет менлэт. Энэл уриа конэн Айпин ях АЙ ВОНТ ЯВУН поңэли ВАЧИМ ЯХ КУРЫҢ ЛЕВК КОР кохет яҗкилтэ вэр тойлэт.

ПЯ'КУ' ҲОТУ (КÄХЕ ТЯХАҢ ҲОТУ) – ТИТУМО'МА ВЫҢкат КÄХЕ ТЯХАҢ кавмана КÄХЕҢ ТОМ (КÄХЕ ТЯХАҢ ТОМ) матанаҗан, чикехет нелняң тя ци'т тапатаны ПЯ'КУ' ТОҢ тет.

Перевод дословный:

ДОРОГА РОДА ПЯК – из ТИТУМО'МА ВЫҢ вдоль КÄХЕ ТЯХА, далее через озеро КÄХЕҢ ТО (КÄХЕ ТЯХАҢ ТО) пересечёшь, а далее до озера ПЯ'КУ' ТО земля тебе сама дорогу подсказывать будет.

Дополнительная информация:

Сейчас на этой дороге стоит город Ноябрьск (ЯНАО).

В районе КÄХЕҢ ТО, что вблизи Ноябрьска, жила со своими родителями Ша'ма Вэ'ла – моя прабабушка – мать моего дедушки Хопли. Отсюда она вышла замуж за моего

прадеда Анета Тё'тт. Похоронена вблизи Новоаганска на юго-западном берегу озера Магилор.

ЊАЛКА ЊОТУ (ТЮ'ЩИ' ЊОТУ) – Вың кысумана ПЯЩИТА
ЛАПКАхат ВАМПУ'ТАҢ кавмана КУЛЫ'Т ВЫҢ тет. Чуки
њотохот маханятем ТЁТТУ' ЊОТУҢ талка, шат нятем –
ЧУНЧИ' ТЯХАҢ ЊОТУ, җыди' чу'увня'кут шат нятем МАЛ
ВЫҢ тет ТАЛЈАХУ' ТИҢ тайвутана' кантяни' кантялама ъоту,
маха нятем – КУЛЬТСТАН ъут талка, чикехет шат нятем тата
маха нятем КУЛЫ'Т ВЫҢ кысумана ЧУ'УВНЯҢИ МЮТУ'
ЊОТУМ матанаҗан ВАМПУ'ТАҢ кавмана ШИПУ МАЛ
ВЫҢ тет танам сэхэмана потамант недня.

Дополнительная информация:

В книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«Интересен и сам посёлок, где совместно проживают аганские ханты и лесные ненцы. Здесь происходит интенсивное взаимодействие двух основных этносов, характеризующееся, как правило, повышенным процентом смешанных браков, двуязычием или многоязычием при сохранении этнического самосознания.

От посёлка до верховьев реки Хаплиуты протянулась на многие десятки километров *налка ъоту* – древняя оленная дорога рода Иуси. Тогда, в начале ноября 1990 года, мы даже и не подозревали, что эта живая карта земли так сильно пронизет сердце и душу, свяжет всех участников экспедиции на долгие годы сотнями невидимых нитей.

В далекое прошлое увели нас легенды и предания, рассказанные о своём народе Юрием Кылевичем. И вот уже слышны звуки ожившего бубна, с вешалок снимаются и примеряются меховые одежды. Бери и смотри любой «экспонат». Здесь нет витрин, нет замков, нет той нарочитой парадности, которая отличает традиционную музейную экспозицию...

На встречу с ребятами Юрий Кылевич пригласил своего земляка Аули Кольчевича Иуси. Старик спел древнюю ненецкую песню, а потом ещё одну, и ещё...

Затаив дыхание мы слушали протяжные, идущие из глубины души незнакомые завораживающие звуки. Их не хотелось прерывать, они входили в гармонию с душой слушателя, и в сердце рождались добрые, благодарные чувства к этому спокойному неторопливому человеку с приветливым лицом, светлыми глазами, вдохнувшему в нас вековую мудрость своего народа»...

«Первую остановку сделали на озере *Тя'ламаң-топяй* или «Озеро людей, вылавливающих ершей» («*Ершарей озерище*»). И хотя озеро маленькое, именно оно имеет большое значение для варьёганцев. Здесь всегда останавливаются, проверяют упряжь, вспоминают, всё ли взяли в долгий путь. Ведь ещё не поздно вернуться обратно!

Из этого озера вытекает небольшая речушка *Еганишко*. Она впадает в Аган в конце поселка и кормит рыбой всех его жителей.

Сибирь по праву называют страной рек и озёр. Сколько их мы пересекли на своём пути! И у каждого своя отметина. В этой своеобразной карте земли – собственное представление народа о мире, его окружающем, о его прошлом и настоящем. Названия – это такие же памятники старины, как древний курган или белокаменный собор. Они нужны человеку, потому что создают и сохраняют тот мир, что зовётся Родиной.

Нял найта вытю – «Поперёк (дороги) расположенная (болотная речка)» По-ненецки речка тяхку, но этого слова в названии нет, оно лишь подразумевается. Когда-то Аули Кольчевич здесь потерял свою жену. Случилось это несколько лет назад. Возвращались Аули с Раей со своего стойбища в Варьёган. Было уже темно, нарты сильно подбрасывало на кочках. При очередном ударе Рая выпала из саней в снег. Делать нечего, отряхнулась она и пошла по следу мужа.

А у Аули через 5–6 километров сломался снегоход, и он занялся его починкой. Рая, нагнав мужа, молча села на нары. Только в посёлке Аули узнал, что по дороге потерял жену.

Слушая рассказ Юрия Кылевича об этом случае, я невольно посмотрела на Аули Кольчевича, который в это время был занят своим делом и вроде бы не слышал, о чём

идёт речь. Но по его просветлённому лицу и промелькнувшей улыбке я почувствовала, что он гордится своей женой.

Снегоход бежал ровно и неторопливо. Полозья прицепленных сзади нарт проворно съедали сажени пути. Мы выехали на озеро *Кысуй-то* – «Сухое (т. е. мелкое) озеро». Считанные минуты, и оно осталось позади. Аули с Раей уехали намного вперед. Видно было, как старик радовался дороге и движению, ибо в этом – вся жизнь охотничьего рода.

Мы остановились на озере *Чонь-то*. Многие варьеганцы называют его *Чонь тотяй* – «Озерище лис». Место это – родина настоящих ненцев Айваседа. В бору по берегам озера всегда были стойбища людей, которые выращивали лисят. Чуть в стороне от дороги еле заметно просматривается шестиногий ненецкий лабаз. Принадлежал он деду Олега Панкчевича Айваседы. Заглянув внутрь обвалившегося лабазы, мы увидели оставленную берестяную колыбель, крепко примерзшую к земле. Рядом, из-под снега Юрий Кылевич извлек неприглядную деревянную палочку. Но через мгновение она превратилась в любопытное орудие труда – рубанок.

Ненецкое его название *нелшан* – «тоненькую, нежную, хрупкую (стружку) производящий». Кстати, тоненькая стружка произносится как «*нела'ку*». Так же называют и грудного ребёнка, и вылупившегося из гнезда птенца, и маленького оленёнка».

ЛОХОЙТЯ'АЙ ҢОТУ – Ңоп тямп мюҗ кун ЩЕЛҘЯЛҘхыҗ МАЛҘ ВЫҢ
ТЯХАхыҗ поҗкна җайта җачалҘ КУЛҘ'Т ВЫҢ лохойтя'ай.
Не'шай' тятынлама җоту Вампу'таҗ малҗхай Шипу малҘ выҗ
тет. Шипу малҘ выҗкат шатнятём Кыҗкулахаҗ кысумана
Титумо'ма выҗ тет, тюп маханятём – ЛҘхи тяхаҗ кысумана
ТЁТТУ' ПЮЛЭҢ тет.

КАХЕТЯ'АЙ ҢОТУ (ПЯ'КУ' ҢОТУ) – ТИТУМО'МА ВЫҢкат
ПАЙТЯ'АЙ ВЫҢ тет кукаҗхена' ма'ай' чуки тяҗ каҗем не'ша'
мютхана тамня канамай'.

ВАХАНТЯ' ЏОТУ (КУЛЫ ТЯХАҢ ЏОТУ, КОЛЫҢК ЯВУН ЯХ ЛЕВК КОР) – дословно: *ваховских людей дорога (колекъёганская дорога, колекъёгнских людей дорожный створ)*.

Этой дорогой проезжал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году с Агана на Колекъёган и далее на Вах, а потом на Пур.

Обратно он ехал другой дорогой – ЧУ'УВНЯҢИ' МЮТУ' ЏОТУ, часть этой другой дороги тоже пролегает через бассейн Агана. Этой дорогой, со слов Иуси Аули, один из моих дальних родственников ходил пешком с Пура на Сургут с нарточкой за мукой и табаком. В первой половине зимы он отправлялся на Сургут, а во второй половине зимы, ближе к весне, он возвращался обратно на Пур. На ненецких и хантыйских стойбищах за ночлег и кормёжку он рассчитывался сказками, песнями, загадками – перед сном забавлял хозяев стойбища и других гостей. Эту дорогу у нас называли ЧУ'УВНЯҢИ' МЮТУ' ЏОТУ – *ВЕРХНЯЯ (по верховьям рек) АРГИШЕЙ ДОРОГА*.

ЧУ'УВНЯҢИ МЮТУ' ЏОТУ (*Дорога записанная А. А. Дуниным-Горкавичем*): – «Дорога отъ мѣстожительства Василія Еушита до Сургута пролегаеть слѣдующими мѣстами. Съ р. Катуты до материка, который проходитъ отъ вершинъ р. р. Тромъ-Югана и Надыма до вершинъ р. р. Ехту-Пыримъ и Агана, она идетъ на протяженіи 1 дня ѣзды на оленяхъ болотомъ. Ширина этого материка по дорогѣ 2 версты; лѣсъ на немъ состоить изъ сосны до 4 вершковъ и лиственницы до 9 вершковъ толщиною. Далѣе, на протяженіи 2 дней дорога идетъ до материка, который подходитъ къ ней съ правой стороны чистымъ болотомъ. Этотъ материкъ соединяется съ указаннымъ выше материкомъ, протянувшимся отъ вершины Тромъ-Югана до вершины Ехту-Пырима. Здѣсь онъ идетъ островами, на которыхъ лѣсъ состоить изъ березы и лиственницы до 3 вершковъ толщины; изрѣдка встрѣчается сосна до 4 вершковъ. Материкъ этотъ тянется съ правой стороны дороги на протяженіи $\frac{1}{2}$ дня ѣзды. Затѣмъ, отъ этого послѣдняго материка до вершины р. Вать-егана (притока Агана) дорога на протяженіи одного

дня идетъ болотомъ. На болотъ встрѣчается дровяная сосна до 4 вершковъ толщины и молоднякъ березы. При вершинѣ р. Вать-еганъ, съ лѣвой ея стороны находится лѣсная грива, на которой произрастаетъ кондовый кедръ до 8 вершковъ толщины и березнякъ. Невдалекѣ отъ дороги, съ правой ея стороны находится вершина р. Инкъ-егана, окаймленная съ обѣихъ сторонъ незначительными борами сосны 3 вершковъ толщиною и березы. Отъ вершины р. Инкъ-егана болотомъ 5 дней до юрты Игнатія Павлова Сопочина, расположенной въ бору, на правомъ берегу р. Ортъ-егана; лѣсъ въ этомъ бору состоитъ изъ кондовой низкорослой строевой сосны до 6 вершковъ толщиною. Далѣе, отъ юрты Сопочина болотомъ 1 день пути до р. Инкъ-еганъ; здѣсь ширина этой рѣчки равна 20 саж. По обѣимъ сторонамъ она окаймлена небольшими сосновыми борами, на которыхъ лѣсъ высокій, кондовый, до 8 вершковъ толщины. Отъ р. Инкъ-егана до ю. Ермаковыхъ на р. Тромъ-Юганъ болотомъ 1 день пути. Здѣсь ширина Тромъ-Югана составляетъ 40 саж. Наконецъ, отъ ю. Ермаковыхъ до гор. Сургута 1½ дня пути».

КОН ЛЕВК КОР (здесь пересекает реку Аган) – Ахын кохет ар соңи ях яңкилты энэл тулұх левк кор. Па левкыт кинча энэл волтал пэтан Кон левккэ тойли. Па ях ястылұт, мытты ый мыта латны тем левк кохет Кон яңкилұх. Чопың яңкилұх кунти, товапэ Ахын лопкаха (Интлетовы) лахытлұх, чет волым ях сáмат вуй.

Перевод:

Дословно – *Царская дорога*. Самая большая зимняя оленья дорога, поэтому ее называют Царской. Некоторые жители реки Аган говорят, что по этой дороге когда-то проехал Царь. Если это действительно так, то жизнь здешних людей Он видел.

КАҢ ҢОТУ – Ңахаң кáв кану'талма, выңняңи пейламна. Ңалка ңоту ңайтаханта ними'па'та чики нимча, ңай неныша тамня

Каң җайталҗе'ку'махат ними'па'та? (Дословно: *царская дорога*.)

Этой дорогой проезжал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году, и в своей книге «Тобольский Север, том второй», описал расстояния между зимними стойбищами на этой дороге в верстах.

Сейчас на этой дороге стоят города: ПОКАЧИ, НОВОАГАНСК, РАДУЖНЫЙ.

Я этой дорогой ездил неоднократно и на оленьей упряжке, на лошади в санях, на снегоходе, и даже один раз из Варьёгана на Аган и обратно на мотоцикле «Восход» с накрученными на колёса велосипедными цепями. Дважды этой дорогой я прошёл пешком: один раз один из Агана на Варьёган, другой раз с Покачевым Алексеем Галактионовичем из Варьёгана в Аган.

Створ дороги в 60–70-е годы просматривался хорошо, и заблудиться даже иноземцу без проводника просто невозможно. Сейчас в лесу много профилей-просек геофизиков-сейсмиков, прочих разных дорог-зимников, поэтому проследить *царскую дорогу* будет нелегко. А ещё через 20–40 лет найти дорогу будет просто невозможно.

ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР – дословно: *в Небесный Дом дороги створ*. Небесным Домом называется церковь. Церковь, которую посещали коренные жители реки Аган, находилась в Локосово.

Топоним ЛОКОСОВО, я считаю, произошёл от хантыйского слова *дохус* – *друг, нужный человек*.

ХАНЫ' СЭХЭ – дословно: *болотный проход (узкий створ)*. Этот створ разделяет ХАНЫ' ВЫҢ от ТИТУМО'МА ВЫҢ. Этот створ является проходом из ХАНЫ' ВЫҢ в ТИТУМО'МА ВЫҢ. Здесь ходили аргиши местных жителей, варьёганских колхозных охотников и оленеводов, здесь я сам несколько раз проезжал на снегоходе во времена моей госпромхозовской охоты.

ТЯДАЙТИҢКУҢҢОТУ – дословно: *песчаного борика дорожный створ*. Здесь переправа через ВАТЬЁГАН. Через ВАТЬЁГАН «где попало» в зимнее время переезжать очень сложно или вовсе невозможно. То берега высокие и крутые, то лёд на реке очень слабый или вовсе отсутствует. А здесь берега низкие и пологие, лёд на реке всегда прочный и пойма реки узкая, почти просвечивает. Я и раньше здесь ездил, и сейчас этой дорогой через ВАТЬЁГАН переправляюсь, когда еду на снегоходе к стойбищам Сопочиных.

КЫҢИМКАНАҢНЯ'АВҢОТУ (КАПИ ТЯХАҢҢОТУ) – Большая ненецкая дорога из ПЯКУ ТО через КАПИ ТЯХАҢ ТО, ВАРЬЁГАН, вдоль АГАНА, на КОЛЕКЪЁГАН.

Там, где была переправа через ВАТЬЁГАН, сейчас вахтовый посёлок ПОВХ. В десяти шагах от конторы ЦИТС (ЛУКОЙЛ) раньше было главное святилище реки ВАТЬЁГАН. Здесь зимой 1946 года (два года до моего рождения) Тяпча (Айваседа Янча) шаманил и предсказал моим родителям моё рождение и смерть моего отца. Он сказал дословно: «У вас будет мальчик. А дальше я вижу только женщину с люлькой. А потом мальчик будет кормовым (рулевым) в лодке красных». Я несколько лет был секретарём комсомольской организации и членом райкома комсомола, вероятно, он это и имел в виду.

На жертвоприношения сюда съезжались и ненцы, и ханты, и проездом жители ПЯКУ ТО и жители КОЛЕКЪЁГАНА.

Я и сейчас, когда проезжаю через вахтовый посёлок, здесь тайком бросаю монетку. И даже если эта монетка случайно падает со звоном на холодный асфальт, в моём воображении она падает на тёплый ягель священного холма. И тогда я ясно слышу звон шаманского бубна Янчи. И тогда я мысленно запеваю его шаманскую песню:

«Мухомориха – Мать-Мухомориха!
На единственную ногу –
На устойчивую Ногу
Встанешь.

И на Посох свой обопрясь,
Будешь нам предсказывать
Про Завтрашние Дни.

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!..

Мухомориха – Мать-Мухомориха!
Под подол священного чума
Этого Сохо-Святилища
Сама втиснешься,
И на Посох свой обопрясь,
Семь своих священных Детей-Мухоморят
За собой проведёшь,
Чтоб они тоже ведали этим Святилищем
Во все времена.

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!

Мухомориха – Мать-Мухомориха!
Указала ты мне Мальчика
В тёплой люльке с матерью
До самой старости
Вместе рядом идти будут.
Лодкой красных правит Мальчик
Вдоль трудной реки жизни
Кормовым веслом нелёгким.
Только рядом нет мужчины,
Что помог бы иногда...

Про плохие дни я перескажу тихонько,
Про хорошие дни – торжественно!»

КЫҢКУДАХА (КЫҢКУДАХА ҢОТУ) – дословно: *горловина*
(*дорожный створ-горловина*). ШИПУ МАЛҢ ВЫҢКАТ
кантялама җоту ТИТУМО'МА ВЫҢ тет.

Я предполагаю, что именно этой дорогой мой прадед Анет, сосватав, увёз мою прабабушку Ша'му на стойбище своих родителей, которое в то время находилось на реке Тё'тту'пюл (Етыпур).

Во времена «начала колхозной жизни» мои прадед Анет и прабабушка Ша'ма переехали на реку Пящита (приток Агана) и последнее их стойбище было там, где сейчас находится поликлиника г. п. Новоаганск. Похоронены они в разных концах озера МАГИЛОР, на окраине Новоаганска.

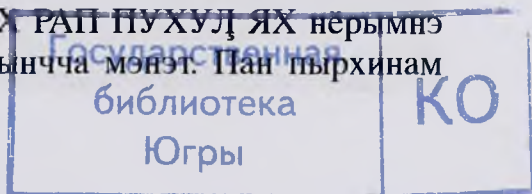
Ненецкое название этого озера ПУНСЫ' ТО – *озеро волока*. В сентябре 1924 года Р. П. Митусова именно с этого озера отправилась по волокам (по перетаскам) «к варьявунским самоедам».

КАНУ' ПУНСЛЕ'МЯ НОТУ – ТУ'ПКА НАТхат хаймэхэ'т кунпёта' капити' ноту, канутуң ви'имня пунсле'мя ноту. Чета' КАПИТИ' КАТАЛА'МА ТИҢКНЯ тытуң патилта' Тё'тгат КАНУ' ПУНСЛЕ'МЯМ тамня пултамытуң.

ВАЧИМ ЯХ КУРЫҢ ЛЕВК КОР – дословно: *ватинских людей пешей дороги створ*. Во времена охоты на АЙГУНЬЁГАНЕ мы этой дорогой ездили на оленях и на снегоходах, а ватинские ханты ходили на АГАН на лыжах пешком. На переправе через реку АЙГУНЬЁГАН на той стороне у дороги на скорую реку построенная скамейка раньше стояла. Так эту скамейку ватинские ханты построили, чтоб не замёрзнуть во время привала.

НЁРЫМ ЯХ ЛЕВК КОР (НАЙВАШАЧИ' НОТУ) – МАЛЛҢ НАЙВАҢ ТО'ТЯИҢ тет ПЯЩИТАҢ кавмана Пящита лапкахат вэналёта ноту.

НЁРЫМ ЯХ ЛЕВК КОР – ВОНТ ЯХ РАП ПУХУЛҢ ЯХ нёрымнэ волмил латнэ вонтнам войех кынчча монэт. Пан пырхинам

ютил сахет АХЫН рапа волмыхтэт. ВАН ВОНТ ЯВУНнам
левк корил НЁРЫМ ЯХ ЛЕВК КОРхи яхнэ тойли.

ЯРХАН ЯХ ЛЕВК КОР (АНЫС ЛЕВК КОР) – перевод с ханты:
*большая ненецкая дорога (створ дороги для аргишей, для
обозов).* Дорога из Сургута и Локосово через Интлетовы,
Йимың лор, через Ватьёган, Егурьях, Варың явун, Ампуту,
Тё'тту' Пюл на Халесовую, оттуда дорога налево на Тарко-
сале и далее до Обской Губы и направо через Тольку за реку
Таз на ЛУССА ТЯХА (Мангазею).

Эта дорога по-ненецки называется МЮТУ'ЏОТУ или
ЃАЛКА МЮТУ'ЏОТУ – *большая дорога для аргишей.*
Только в середине, в бассейне Агана, эта дорога имеет дубль
(копию, близнеца, попутчика) и называется ЧУ'УВНЯЃИ
МЮТУ'ЏОТУ – *верхняя (северная) дорога для аргишей.*

Этой дорогой по моему предположению и проезжал
А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году, возвращаясь с Пура на
Сургут.

ҢАДКА МЮТУ' ҢОТУ – большая дорога для аргшшей.

Литературное отступление:

Дедушка-Хопли

Дед мой Калы из рода Вэлла (Вэ'ла, Вы'ли, Вэ'лай, Вы'ле'ей) во времена своей молодости вместе со своим родом бежал и от красных, и от белых. В этих бегах, по воле случая, менялось название рода (фамилия). Почти такая же история случилась и со вторым моим дедом Хопли. И поэтому к первой советской переписи населения они из рода Вэлла и рода Тётт (Тё't, Тё'tат) стали Айваседами. Только старшая – Бабушка-Ненги – была настоящая Айваседа (Ңайвашата, Ңайващета), а младшая – Бабушка-Нева – Иуси (Тюху'щи). (Из автобиографии)

Помню рассказ младшего – Дедушки-Хопли из рода Тётт:

«Однажды в наше стойбище приехали на загнанной упряжке два белых офицера. Они, может, и не были вовсе офицерами, но тогда все военные в шинелях и с винтовкой нам казались офицерами. Они приказали запрячь для них лучших оленей в две упряжки и везти в Сургут для соединения со своими. Там в это время белые били красных. Старый-Анет, так звали моего отца, поручил везти непрошенных гостей мне и моему другу Кисамы.

В те времена дорога до Сургута всегда была бойкой и накатанной, потому что мы, ненцы с Водораздела и ханты с Агана и Торум-Явуна, постоянно торговали с сургутскими купцами.

Олени бежали ходко по накатанной дороге. Я цепко сидел на нарте и всюю спиной чувствовал ненавистного мне седока. Ненавидел я его не потому, что он белый, какие тогда у меня могли быть политические взгляды, а потому, что

в любое время он мог застрелить меня из своей винтовки и сбросить в снег. Я ощущал это каждой своей мышцей.

Так мы ехали несколько дней. Уже недалеко от Сургута, возле маленькой речки Мавк, мы кормили оленей ягелем, не выпрягая их из упряжей. Вчетвером мы сидели у костра и, словно братья, уплетали наш нехитрый ужин.

Наши седоки уже совсем привыкли к нам и потеряли бдительность. Я поднялся от костра и подошёл к упряжке, чтоб передвинуть оленей на свежий, невытоптаный снег, на не сбитый копытами тёплый ягель. Беляки даже головы не повернули ко мне, ибо так было на каждой остановке.

Незаметный знак, одними бровями, я сделал товарищу. Когда и Кисамы отвязал от нарты вожжу, я запрыгнул в упряжку и всю пустил оленей в сторону родного стойбища. Винтовки наших обманутых седоков лежали на нартах, и поэтому вслед мы слышали только отчаянные крики, но не прозвучало ни единого выстрела. Так мы оставили двух белых офицеров в одних шинелях наедине с тайгой.

На их несчастье, поднялась пурга, метель замела все дороги.

Проезжая через стойбища, мы оповестили о случившемся всех, кто жил вдоль зимника. После ненастья наши сородичи проложили другую дорогу в Сургут и стали объезжать это место. Они и говорили позже, что эти белогвардейцы никогда больше не вышли к людям. Винтовки мы выкинули в снег – вдруг нас искать станут? Да и оружие, осквернённое на убийстве людей, не годится для охоты. Приехав в стойбище, мы сняли чумы и ушли на новое место.

Душу мою часто терзает наш поступок...

Но другой случай не выходит из головы. Однажды Альчота повёз красных, дорогой встретили белых, белых оказалось больше, и Альчота домой на стойбище не вернулся...»

ПЫЛЧИ'ТЯХАҢ КАНУ'ТАЛМА – ТЯ'ЛАМАҢ кавмана
КАНУ'ПУНСЛЕ'МЯҢтетТЁТЫ'ТОҢчемнаПЫЛЧИ'ТЯХАҢ
ТИНЬ'ТЯМНА ненсамана ПЫЛЧИ' ТЯХАҢ тет.

ВАМПУ'ТАҢ (ТЮ'ЩИ') КАНУ'ТАЛМА – ВАМПУ'ТАҢ кавмана
тиңу' кысумана малта тёлша'т җайта җоту.

Этой дорогой проезжала Р. П. Митусова осенью 1924 года по первому снегу. Вот что она писала в записках своего «путевого дневника», опубликованных в журнале «Вокруг света. 1929 г. № 12»:

«Ну, вот я и на зимней квартире, среди невысокого соснового леса – «урмаша»! Сюда перекочевали третьего дня. Переезд вышел для меня неожиданным. Всё произошло очень быстро. Утром, после чая мужчины начали ловить оленей, а женщины стали разбирать осенние чумы и складывать вещи. Я ещё успела перед отъездом в последний раз сбегать на реку – проститься. С высокого берега видна была даль и извилистость речки. С шумом тёрлись льдины друг о дружку, уходя на юг; высокие сосны качали верхушками, как бы прощаясь со мной...

Ехали сосновыми борами да болотами полдня и к вечеру стали на место. С восхищением я следила за женщинами, как быстро и ловко они ставили чум: утоптали снег, отметили место костра, положили около него доски, набросали сосновых веток и на них положили оленье постели и свою рухлядь. Сверху чум в два ряда покрыли оленьими шкурами... Часу не прошло, как жилище было готово, и весело запылал костёр...

Кругом лес да болотца, реки нет, уныло и однообразно – не на чём остановить взгляд. Вчера было пошла в лес, – куда тут! Разве можно ходить пешком, когда олени есть, – хозяев обидишь. И версты не прошла, как оленей за мной прислали, пришлось вернуться. Зато сегодня обрадовали. Женщины по-моложе собрались за брусникой ехать и меня с собой взяли. Мужчины отправились за рыбой.

Как только скрылась последняя мужская нарта, все самоедки сразу развеселились. Начали петь песни и весело смеяться. Особенно одна, Мячинсый, вторая жена Пенелю, отличалась. («Мячинсый» – по-самоедски «подарок»). Ещё совсем девочка, всего тринадцати лет, с миловидным, смуглым оживлённым личиком, она звонко пела песенки, тут

же сочиняя их. Больше других понравилась всем маленькая песня... Я даже её заучила. Русский перевод приблизительно такой: «Лохматая собака бежит за санями, а я еду на нарте и песню пою».

Остановились мы на горушке у соснового бора. Раскопали снег под одной из сосен. Там, хорошо укрытые берестой, стояли куженьки с брусникой, набранной ещё летом и припрятанной. Сверху ягоды заледенели, внизу же мягкие, сочные, крупные. Мы тут же полакомились ими, усевшись на снег. Разговаривали больше жестами и мимикой, смеха было много. Одеты все женщины по-зимнему: одни в тёплую шубу «понней» из оленьего меха, украшенную узорами, другие – в шубы на птичьем меху, а у Мячинсый – шубка из лебяжьего меха с синим и жёлтым суконным верхом. Головы не покрыты – мороз небольшой. Волосы у висков сзади скручены и туго перевиты синим и жёлтым сукном в виде двух жгутов. Длинные серьги из медяшек и пуговиц весело звенят, вторя смеху. Раскрасневшиеся, с чёрными, косо поставленными блестящими глазками с белыми зубами из-под ярких губ – они мне показались хорошенькими. Чтобы не оставаться в долгу, и я спела несколько простых песенок и протанцевала тут же на снегу краковяк, имевший необыкновенный успех. От восторга они хлопали друг друга, кричали, прыгали сами и просили меня не ездить на реку Пур, а остаться с ними.

Совсем подружившиеся, мы вернулись в чум. Проголодались дорогой, и я с удовольствием принялась уплетать из одного корытца вместе с женой Нотю и Мячинсый довольно оригинальную пищу – «дя». Это густая каша из икры, пузырей, печени, внутреннего жира свежих рыб, варёная без соли. Сняв «дя» с огня, к ней примешивают сырой брусники. Получается чуть горьковатое, но довольно острое кушанье.

На десерт мне преподнесли желудок белки, запеченный со всем содержимым. Тоже немного горчит, пахнет орехами, но вкусный. Это – большое лакомство для ребят.

Воспользовавшись отсутствием мужчин, после обеда я решила вымыться. Сами-то самоеды никогда не моются. Впрочем, по утрам в этих чумах взрослые всё

же «умывались»: возьмут в рот воды, поплюют на руки и вытрут лицо, даже намылив предварительно. Но мыться по-настоящему не решались, как я их ни уговаривала, хотя мыло брали с удовольствием.

Смотреть на моё мытьё собрались все женщины, – ещё бы, невиданное зрелище! Костёр жарко горит, и я всё время верчусь, умываясь, потому что с одной стороны печёт, а с другой холодно. Некоторые женщины не выдерживают и прикасаются к моей коже, восклицая:

– Хэлаку! (белая).

Белый цвет в большом почёте у лесных самоедов. Вообще они довольны моей внешностью, особенно нравится им мой нос, вздёрнутый кверху; нос пуговкой – верх красоты в представлении самоедов.

Рассказываю им о наших причёсках, платьях, показываю открытки и картинки из журналов. Вытащила свои платья, в которых ехала на пароходе, и оделась в белое платье, белые чулки, белые туфли.

– Чупе хытля! (совсем, как снег), – восклицали женщины.

Тонкие чулки привели их в восхищение, а Мячинсый целовала их и прикладывала к щеке. Я тут же подарила ей эти чулки. Вероятно, никогда ни один подарок не принимался с таким восторгом...»

ЧУНЧИ' ТЯХАҢ ҢОТУ – ПЯЩИТАҢ выҥкат КЫШ ВЫҢтет
ЧУНЧИ' ТЯХАҢ ТЁШАЛЕ'ЕЙ мана, ЧУНЧИ'ТЯХАҢ
ТИҢУ' ПОТ нял'танҥан. Щеҥкалман ха'пты, чики тиҢу' потан
щеҥкалтин. Нятата хома, тыт таҥкны'.

КЫШ ВЫҢ ҢОТУ – ЧУНЧИ' ТЯХАҢ ТИҢУ' ПОТ ченяна
КЫШ ВЫҢТ ка'амнатян. Кыш выҥ кысумна ТИТУМО'МА
ВЫҢ тёлшат КЫШ ВЫҢ ҢОТУМ нётанаҥан. Мылчуй
няҥи нумкна, кантясамэ', ТЯ'ПТА ТЯХАҢ ня'кумна тиҢу'
кāvмана минтҥан; хивҥ нала няҥа Хапли'ҥутыҥ' кāvмана выҥ
кысумна пуняҥ минтҥан. Канал хылҥа нявмана пон щемпяны.
КЫШ ВЫҢ нала няна ХАПЛИ'ҢУТЫҢ няҥи пейлата хылата

щемпяшту; ТЯ'ПТА ТЯХА няңи пейдата нада няна җайталә'
кайняна ни'шту җа', пон төля хылам вельпётҗан.

ТЮЙТЯХАҢ НЯ'АВ ҖОТУ – КЫШ ВЫҢ кысумана чу'увня
минш КЫ'ЫМКАНАҢ СЕЧЕ'ЕЙ матанаңан, маханяни
каймяң шел җайта җотуманна' нинюн тана'. Шат ня'кумна вың
телня җамчута тиң, чики тиң телня тоң лохой'ку татя җайты,
тиңкат тя'пчота, тамня танатин. Тин тамня тятпа, МАТАЛИ'
ТОН ка'амнатян. Татняни маханта каймяң шел җайта җачал
пен, тамня кәпа'т, ту'ты'т ка'амнатян, чике' ХЫПИТОССТАҢ
ТУ'ТЫТ. Чу'увняни тоң пе'емхана ня'кле'ей җачты, тамня
тяхаң кәвмана маня'а' кәштума' недня'куй тон. Чики то
ХЫПИТОССТАҢ ТОМ ние'е. Ту'тытхың тохоң поңки
пучу НЯ'КЛЕ'ЕЙ ние'е. ХЫПИТОССТАҢ ТОҢ ченяна
тяхаң пе'ем шатня'кумна каймяң шел җайта пучум матанаңан
тямппой велдәлт ка'амнатян, щичахат халя'кота татя җайты.
Чики велдәлкат ТЯ'ПТА ТЯХАҢ няңитәм пейдан җотунта лыда
хомана җачашту, чики җотум нәтатин. АПЫТЮ' ТЯХА'КУМ
ту'тыту'увтемнанта матанаңан, тинт ка'амнатян. Налу'ку'увтиң
ченяна тиң телня җамчута таңавс, телнянта нултытил. Кататей
ла'кхи чикехена тяля няңитәм таңавс лаңкхана хинты,
шун'утитамта катитин. Чики таңавскат недняң җотунта лыда

җачашту, тата' җотуу кӑвхай' пяха'на шапма' татя җа'ш. ТЯ'ПТА
ТЯХАМ мата'махатант ХАНЫ' ВЫНТ ка'амнатян.

ДАПЫТ ЛУҢК КУХЛЫМ ЛЕВК – *Дорога, которой бежали
семь Лунгов – семь божеств.*

ХУЛИҢУ' ТЯХАҢ КАНУ'ТАЛМА – ХУЛИҢУ' ТЯХАҢ кӑвмана
ва'таконлма, ненсалтаха'на кантялама җоту. Мань җу' Ынипу-
нилий маха няна җайталё' тамня тятэлштутамш.

ПЫЛЧИ' ТЯХАҢ КӑВКАНУ'ТАЛМА – ПЫЛЧИ' ТЯХАҢ кӑвмана
ня'авхатта малта тёлшат шелнант җайталётҗан ва'такопа'т,
ненсалтаха'на кантяпа'т. Тат җу' ТАП ТЯХАҢ кысумана малта
тёлшат тяхаҗ щича кӑв те'т кану'талма.

КАТЯЛҢИ' ТО'ТЯ'АЙ НЯҢИ ҖОТУ – Нилче'ей выҗ няҗ
тямта'маханана' КӑХЕ ТЯХАҢ ТОХОТ шат нямна КАТЯЛҢИ'
ТО'ТЯ'АЙ нямна тятэлштума'ш. Чета' маха нямна ЛА'Т
ТО'ТЯ'АЙ нямна тятэлштума'.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

Вот что писал А. А. Дунин-Горкавич в 1900 году:

Статистическія свѣдѣнія объ остякахъ, населяющихъ берега
рѣки Агана.

(По даннымъ 1900 года).

Наименованіе населенныхъ пунктовъ.	Число юртъ.	Число хозяевъ.	У нихъ имѣется.			
			Оленей.	Собакъ.	Неводовъ.	Сѣтей.
Юрты Левкины	2	3	11	6	4	12
„ Сидоркины	1	2	2	2	2	2
„ Епаркины	2	2	100	1	3	8
„ Наги-еганскія	2	2	15	5	2	•
„ Могуть-еганскія (Тигилинка)	2	2	13	4	2	•
„ Сумъ-урей-пуголь (Могуть-ег.)	2	4	23	6	3	2
„ Карамкины	2	3	18	3	3	3
„ Варъ-урей-пуголь	1	2	10	3	2	2
„ Вать-еганскія	2	5	16	3	2	3
„ Рапъ-пуголь (Лейковы)	1	1	4	1	1	1
„ Южконъ-еганъ-пуголь	2	2	11	2	2	3
„ Пеу-пуголь (Айпины)	1	4	15	6	3	1
„ Сынкъ-урей-пуголь	1	1	15	1	1	•
„ Сардаковы	3	3	47	4	3	2
„ Сай-Мынь-Рапъ-пуголь (Варъ-еганск.)	1	1	13	2	1	1
„ Монъ-Кунь-Рапъ-пуголь	1	1	30	2	2	•
„ Вонъ-Яхъ-Рапъ-пуголь	2	2	58	3	3	3
„ Пуглонъ-еганъ-пуголь	1	1	27	3	1	2
В с е г о , . . .	29	41	428	57	40	45

АГАН – Национальное сельское поселение на реке Аган. В 1957 году переименовано из деревни ИНТЛЕТОВЫ. Деревня ИНТЛЕТОВЫ была центром Аганского сельского Совета и рыбартели «Имени 1 Мая». До конца семидесятых годов в селе Аган был рыбоучасток Сургутского рыбокомбината и пушно-меховой приёмный пункт Сургутского коопзверопромхоза.

В д. ИНТЛЕТОВЫ одним из последних председателей рыбартели «Имени 1 Мая» был Епаркин Василий, а председателем сельсовета – Айваседа Пантали (Пантали) Иванович.

В селе Аган начальником рыбоучастка длительное время был Сайгатин Алексей Петрович, а председателем сельсовета Айваседа Леонид (Ляху) Соболевич (Хопливич). Заготовителем-приёмщиком пушно-мехового пункта бессменно был Панкин Александр Яковлевич.

С 1982 по 1984 годы я (автор) исполнял обязанности председателя исполкома сельского Совета, а начальником рыбоучастка был Соколов Георгий Георгиевич.

Сейчас Главой администрации сельского поселения Аган является Г. Г. Соколов, а перед ним – Шинкаренко Виктор Степанович, а ещё ранее – Панкин Александр Александрович.

АЙКАЯВУН ОҢ ЯХ – дословно: *устье-айкаёганские люди*. Здесь издавна компактно проживали несколько родственных ненецких семей. Они не жили на одном стойбище, но расстояния между их стойбищами были минимальны (по нормам коренных жителей) – от двух до пяти километров.

Здесь жили семьи: Айваседы Нэхэли (Нэхэли), Усти (Ысчи) Иванович, Оттом (Хомтамы), Пантали (Пантали) Иванович, Котя (Кочи) Иванович, Пенча Оттомович, Вера (Лёля) Оттомовна, Надежда Устевна с мужем Покачевым Алексеем Галактионовичем.

Сейчас здесь живут сыновья Надежды и Алексея и Айваседа Иосиф Котевич.

АЙПИНСКИЕ – Айпинские юрты, что были на Агане, пустуют. Жители переселились в протоку **АЙ РӀП ПЫХЭР МАХИ**.

СЫККЫҢ ПАЙ ОҢ ПУХУЛ – тыт водым ях:

- Казамкин Антон,
- Казамкин Никита Антонович (Копаҗ-Чан),
- Казамкин Алексей Антонович (Лэшта),
- Казамкин Андрей Антонович (Андри-Ики)...

Лабаз Никиты с этого стойбища перевезён в Варьёганский музей.

АНДРИ-ИКИ КОТЫҢ СЫЙ – (нёрым палык). Здесь жили:

- Казамкин Андрей Антонович,

Его сыновья:

- Казамкин Сергей Андреевич,
- Казамкин Егор Андреевич

Дом Андрея Антоновича с этого стойбища перевезён в Варьёганский музей.

ВАМПУ'ТАҢ МАЛҢ ТЁТЫ' – Когда началась промышленная добыча нефти на Западно-варьёганском месторождении, Иуси Ойся был вынужден покинуть места жизни его отца Пеналю, и уехал жить на те места, где последние 70-100 лет его род охотился, но не жил постоянно.

Сейчас здесь два стойбища вблизи друг от друга: Иуси Геннадий (Тыльу) Ойсевич с семьёй и Айваседа Вера (Поту) Ойсевна с семьёй.

ВАРЬЁГАН – В Варьёганском музее имеется документ (квитанция) датированная 1926 годом. Вероятно это и есть дата рождения селения ВАРЬЁГАН.

Р. П. Митусова проходила по Агану и далее по Ампуте в 1924 году, но ни разу не упомянула о деревне Варьёган. (Но см. **Юрты Варь-еганскія** – Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова) – из записей А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года.)

Но в местах, где Дунин-Горкавич обозначил **Юрты Варь-еганскія**, есть множество археологических памятников. Археолог Глушков из Тобольского пединститута в 90-х годах самому раннему памятнику присвоил возраст «раннего железного века», т. е. 2,5 тысячи лет назад здесь было селение из трёх жилищ.

Может, это и есть настоящий возраст ВАРЬЁГАНА?

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (члена туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«01.08.2011.

День начался не как обычно – с завтрака, а с экскурсии в музей Вар-Ёгана. Там было очень интересно. Оказывается, все мои познания о жизни коренных народов Севера были почти полностью ошибочными! Поразило особенно то, что легенду о медведе я знаю полностью наоборот, хотя всю жизнь я была твёрдо уверена в обратном. Вот её примерный сюжет:

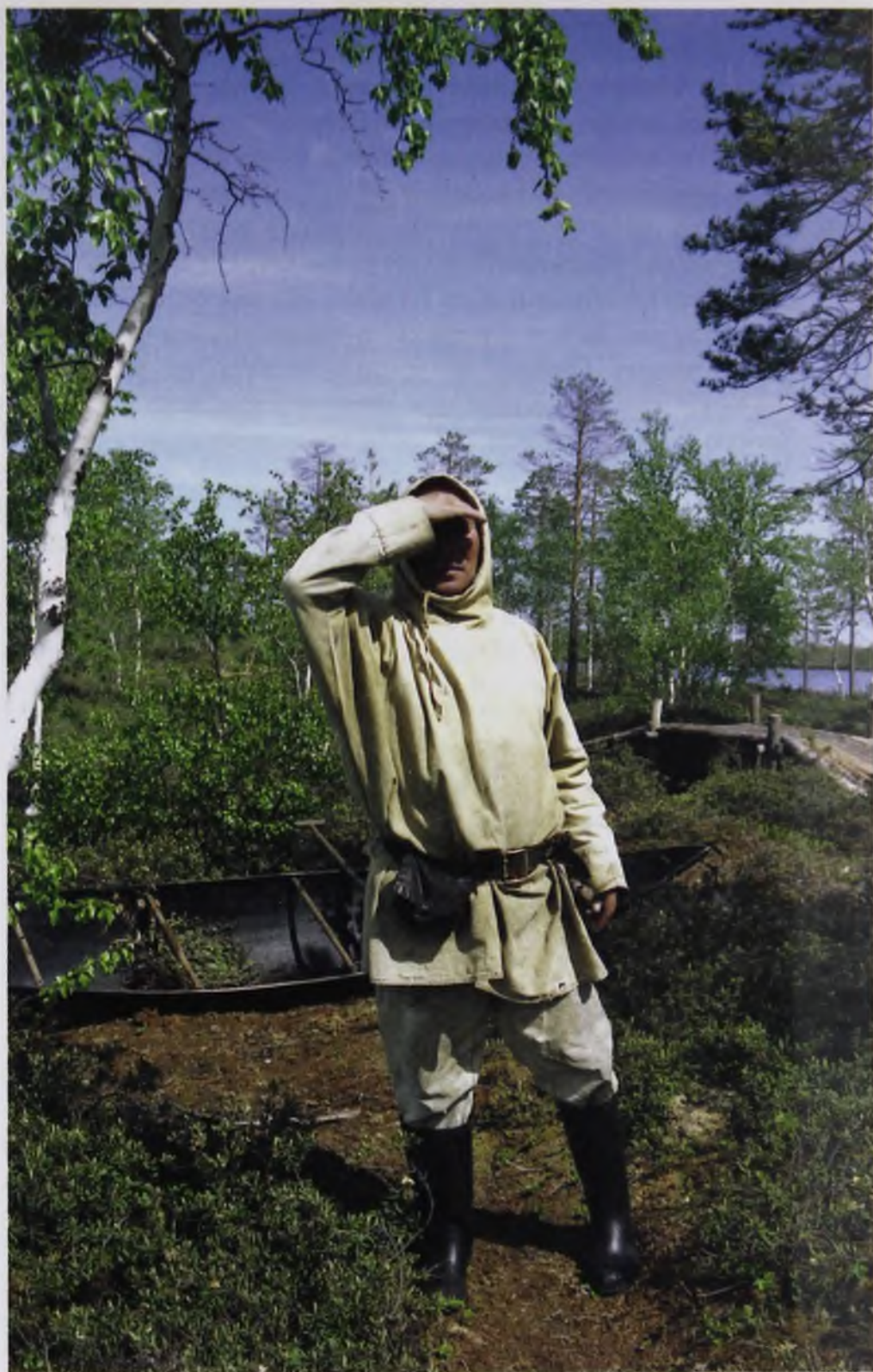
«Раньше Медведь был младшим братом Торума, имел человеческий облик и жил на небе. Но вёл он себя крайне неподобающе. За все его грехи, в наказание, Торум сбросил его на землю. Однако на землю медведь не упал – он зацепился за ветку сосны. Так он провисел очень много лет и порос мхом. Наконец Медведь не выдержал и обратился с мольбами к Торуму. Брат ответил ему:

– Обратно на небо я тебя не возьму, но свободу тебе дарую. Оставайся на земле. Будешь ты хозяином тайги, люди и звери будут тебя бояться. А когда ты умрёшь, они будут воздавать тебе почести и просить прощения.

...Так и остался Медведь на земле, только мох прирос к его телу, превратился в шерсть и навсегда скрыл его человеческий облик».

Конечно, это не единственная хантыйская легенда, у каждой вещи есть своя история. В музее я наконец узнала, почему у хантыйских и ненецких кукол не бывает глаз, носа и рта. Этот вопрос мучал меня на протяжении многих лет. Оказывается дело в том, что если нарисовать кукле глаза, нос и рот, в неё может вселиться злой дух. И вообще, это тогда уже не кукла, а идол... А идолами не играют. Самое интересное то, что у каждой куклы можно определить возраст по лицу. Если оно из тёмной однотонной ткани, то эта кукла – дедушка или бабушка. А если из белой – младенец до года.

Первая часть экскурсии закончилась отзывом, который мне, Лиле и Татьяне Владимировне пришлось писать. Писала я. Не успела я позвать музу, как Лиля вздохнула: «Курочку бы сейчас... Жареную!». Моему голодному воображению этого вполне хватило (и ещё как!), чтобы невовремя отвлечься и пропустить целое слово в первом

же предложении. Вставлять было уже некрасиво – это же не школьная тетрадь, где можно черкать и рисовать чёртиков. Смысл написанного полностью изменился, а Эвтерпа мгновенно упорхнула, прихватив с собой моё вдохновение. Дописала отзыв кое-как, под диктовку Татьяны Владимировны. Но зато дописала.

И тогда началась вторая часть экскурсии – её проводил Павел Янчевич под открытым небом. Шёл дождь, мы все промокли и набрали полные кеды воды, но так было даже интересней. Мы словно прикоснулись к жизни Вар-Ёгана.

...Когда мы вернулись в лагерь, то с удивлением обнаружили, что у местных представителей молодого поколения неожиданно проявился к нам интерес. Гостей напоили чаем, но всё-таки мне показалось, что чай интересовал их меньше всего. ... Заинтересовался им только Владимир Толёвич, бывший мэр Вар-Ёгана. Он проезжал мимо на лодке, лихо ошвартовался у берега по всем правилам корабельной науки и предложил помочь напилить дров. Это было очень кстати – с нашими тупыми топорами и пилами много не напилишь.

Владимир Толёвич рассказал, что версию расшифровки названия села Вар-Ёган, которую нам предложили в музее, можно забыть и не вспоминать. По той версии Вар-Ёган переводится как «запор-речка». Но он заявил, что «вар» – это вовсе не речка. Цитирую его слова: «В названии города Нижневартовск тоже есть «вар». Но там нет хантов и ненцев, значит, это русское слово... Первыми переселенцами Вар-Ёгана были русские, это они дали селу такое название».

...Признаться честно, сначала это меня сильно удивило. И... разочаровало. Хантыйскому селу дали название русские! Ну уж нет, тут определённо что-то не так. Не вяжется это с историей!

Послушав бывшего мэра ещё минут десять, я была совершенно сбита с толку. К тому же вещи, которые он говорил, были не из приятных. Узнав о том, что до стойбища Юрия Вэллы мы будем добираться пешком, он снова уверенно заявил, – мы туда ни за что не дойдём. В лесу медведи и волки. Они, – сказал Владимир Толёвич, – нас разорвут.

– Все жители Вар-Ёгана вас обманывают. – продолжал гость. – Правду знаю только я!

Я журналист, человек демократичный. Многого могу выдержать. Но когда наш гость начал цитировать и критиковать поэзию Юрия Вэллы, я решительно встала и ушла от костра.

Когда он уехал – я не видела. А потом Павел Янчевич рассказал, что никто в Вар-Ёгане не любит бывшего мэра».

02.08.2011.

День начался с радостного осознания того, что сегодня мы наконец-то увидимся с Юрием Кылевичем. Подгоняемые нетерпением, ребята вылетели из палаток пулемётной очередью, услышав команду «Подъём!». Дежурные, удивлённые такой скоростью, едва успевали раздавать ребятам тарелки с кашей.

Лагерь скорее напоминал огромный муравейник, в котором целый час можно было наблюдать ребят, пытающихся одновременно поесть, почистить зубы (что само по себе уже невозможно) и собрать палатку. Это, конечно, трудно, но для туриста, как известно, нет ничего невыполнимого. И поэтому у некоторых получалось делать десять дел одновременно. После завтрака вещи были погружены на своих хозяев и отнесены в автобус...

...Там-то мы и увидели Юрия Вэллу. Признаться честно, таким я его и представляла – невысоким и коренастым, плотного телосложения.

...Автобусная экскурсия растянулась на весь день. Мы познакомились с лесными археологическими памятниками, местами, на которых находились средневековые стойбища, и мамой Юрия Кылевича – сухой старушкой с точёным личиком. В её исполнении ненецкие песни становились легендами и оживали на глазах. В Новоаганске она показала место возле поликлиники, где в 1942 году было последнее стойбище её дедушки Анета и бабушки Шаамя.

На одном из памятников мы узнали, кто такая была Раиса Митусова, и какой маршрут она проложила, изучая жизнь коренных народов севера. Вера Алексеевна даже

выразила желание пройти по этому маршруту, на что Юрий Кылевич охотно отозвался и предложил воплотить эту мечту в реальность, мы побывали на месте бывшего стойбища Казамкина Антона, где Митусова почти месяц жила перед путешествием к «лесным самоедам» на Ампуту. Юрий Кылевич даже показал полусгнившие останки лабаза, в котором предположительно ночевала Митусова...

03.08.2011.

Несмотря на то, что спали мы в доме Павла Янчевича, ночь ничем не отличалась от проведённой в палатке. Мы точно также не выспались и замёрзли. Наши будильники сработали безотказно и разбудили нас ровно в шесть часов утра. Девочки быстро вскочили и через пять минут были полностью готовы к выходу. Во всех их действиях легко прочитывались точность и автоматизм – последствия справедливой требовательности руководителей.

Однако подойдя к дому Юрия Кылевича, в котором вчера расположились на ночь мальчики, мы стали невольными свидетелями картины, которая сразу напомнила мне полотно «Последний день Помпеи». Ребята бегали, натываясь друг на друга, с зубной щёткой в одной руке и ложкой в другой. На полу лежали наспех застёгнутые спальные мешки, а на маленькой кухне только что проснувшиеся дежурные самоотверженно пытались приготовить завтрак. Стены дома поминутно оглашались криками, от которых закладывало уши как в самолёте: «Толя, достань молоко, оно в красном рюкзаке. Да не в этом! У нас один красный рюкзак!! ВИТЯ, ТЫ НЕ ВИДЕЛ КРАСНЫЙ РЮКЗАК????!!! Да не этот, другой... Где молоко лежит!!! Что говоришь, не слышу? Ты что так кричишь-то, я не глухой! Как выглядит? Ну как обычно... Да ты что, молоко ни разу не видел????!!!»

ВОТШ УРИ ЯККЭН – дословно: в урье города двое людей. Речь идёт о сыновьях Покачева Константина Кирилловича. Их зовут Павел и Виктор. Только Павел записан по матери Сопочин Павел Константинович, а Виктор записан по отцу –

Покачев Виктор Константинович. У них здесь на старице стойбище рыбацкое.

Согласно легенды, здесь был «вотш – *город*», и отсюда пошёл род Покачевых на Агане.

ВАЧЬЯВУН ОҢ ПУХУЛҔ (ТЫЛЧИНСКИЕ ЮРТЫ) – летник ТЫЛЧИНСКИЙ (тундровая сторона) – Из дневника Аэлиты:

«На стойбище проживают:

- Тылчин Спиридон Николаевич с семьёй,
- Тылчин Василий Антонович с семьёй,
- Тылчин Роман Антонович,
- Тылчин Степан Спиридонович,
- Айпин Василий Николаевич,
- Айпин Дмитрий Иванович с семьёй,
- Лейков Сергей Галактионович.

Проживали последние 30 лет:

- Покачев Григорий Иванович (мохтикеганский) – умер,
- Тылчин Антон Захарович – умер,
- Тылчин Анатолий Антонович – умер,
- Тылчин Ефим Антонович – жил здесь до совершеннолетия, сейчас живёт в Ватьёгане» – запись от 06.08.1996.

ВАЧЬЯВУН ОҢ ЛАПЫТ КО ПУХУЛҔ – (ВАЧЬЯВУН ОҢ ЛАПЫТ КО ЛОҢ КОТ ВОЛАТ) – Вачьявун оҢ «лапыт ко» (устьеватьёганские «семь мужичков»:

- Айпин Пётр,
- Айпин Дмитрий Петрович (Митри-Ики),
- Айпин Николай Петрович (Пылдых-Ики),
- Айпин Фёдор Петрович (Вечки-Ики),
- Айпин Андрей Петрович (Ыльпи),
- Айпина Анна Петровна (Кыңлю),
- Айпин Григорий Петрович (имил Мавк-ими),
- Кошпи-ики чечч-чечи,

- Айпин Иван (Калс йих – токкахэ «Калс»).
Это стойбище существовало задолго до 1900 года.

ТЫЛЧИНСКИЙ ПРИЁМНЫЙ ПУНКТ – (таёжная сторона) здесь была организована государственная приёмка рыбы для Сургутского рыбозавода. До 1957 года здесь работали приёмщиками Найданов Иван Агафонович и Белкина Евдокия Александровна.

Здесь же было стойбище Тылчина Захара.

ПУХЛЭҢ УРИ ОҢ ПУХУЛ – ури оҥ алымпалыкнэ Тылчинэт пухул волэ. Здесь до 1950 года было стойбище, на котором жили семьи:

- Тылчина Захара,
- Тылчина Николая,
- Тылчина Антона Захаровича,
- Айпина Григория Ивановича (Калс).

Сейчас внутри этой старицы летнее стойбище Тылчина Василия Антоновича. У него здесь олений дом для дымокура.

ВОНТ-ЯХ-ПУХУЛ (ВОНТ ЯХ РӀП ПУХУЛ) – Сейчас это стойбище люди называют ПРИЧАЛ. Живёт здесь семья Казамкина Тихона. ВОНТ ЯХ РӀП – дословно: *яр таёжных людей*. В 40–50 годах на этом яру проживали семьи:

- Казамкин Иосиф Иванович,
- Казамкин Михаил Иванович,
- Казамкин Фёдор Иванович (Кор-коныҥ-Ики).

Последнее время здесь живёт Казамкин Дмитрий Иосифович со своей семьёй и обитают у него братья:

- Казамкин Виктор (Пират),
- Казамкин Леонид Михайлович.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Он-рях-рэп-пугол» Александра Казамкина

юрты. 2 юрты, 3 сына живут на болоте и не выезжают на Аган. Количество населения: всего 26 человек вместе с детьми».

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «*Юрты Вонъ-Яхъ-Рапъ-пуголь 1* (Александръ Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны, въ 2 верстахъ отъ Агана. Эти юрты отстоятъ отъ юртъ Варъ-еганскихъ въ 20 верстахъ (по зимней дорогѣ). Противъ юртъ ширина Агана 40 сажень, глубина – 1 саж., въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ – 1 арш. Подъемъ воды весною бываетъ до 3 сажень.

Лѣтнія юрты Вонъ-Яхъ-Рапъ-пуголь находятся на правомъ берегу Агана на 1 версту выше юртъ зимнихъ 1».

Дополнительная информация:

Часть членов родовой семьи Вонт-Ях, которых ещё называли Нёрым-Ях, жили внутри ВОИТ ЯВУН ОИ – дословно: *устье урман-реки (таёжной реки)*. Внутри этой реки жили семьи:

- Казамкин Аристарх Иванович,
- Казамкин Данил Аристархович,
- Казамкин Михаил Иванович.

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «*Устье рѣчки Вонъ-егана* лежитъ выше лѣтнихъ юртъ 1 (Александра Казамкина) на 4 версты и выше предыдущей рѣчки Кавва-еганъ на 11 версть. Ширина Вонъ-егана 10 саж., глубина – 1 саж., протяженіе – 30 вер. Лодкою проѣздъ возможенъ на протяженіи 25 вер., гдѣ ширина рѣчки 7 саж., далѣе идутъ заломы. По рѣчкѣ опушкой служитъ ель; встрѣчается годная и на постройку избы.

Изъ рыбъ здѣсь попадаются щука, язь, окунь, сорога и рѣдко налимъ. Промышляютъ ее въ августъ-сентябрь при помощи запора мордами».

ВЫНГОПУРОВСКИЙ – вахтовый посёлок Ноябрьскнефтегаза. Находится рядом с озером КАЛЯТА ТЯХАҢ ТО. Сюда раньше приезжали на рыбалку и охоту жители реки Пур и жители реки Аган. Прямо на берегу ставили свои чумы и по вечерам рассказывали друг другу сказки. Здесь были места сезонного промысла (зимнего).

ЗИНТАРС (ДЗИНТАРИ) – посёлок латышских строителей рядом с вахтовым посёлком **ВЫНГОПУРОВСКИЙ**. Коренные жители в 70–80 годах так искажённо произносили это латышское название.

ПОДБАЗА ВТОРАЯ – подбаза Мегионнефтегазгеологии возле КАЛЯТА ТЯХАҢ ТО.

ЕПАРКИНСКИЕ – Епаркинские юрты сейчас нежилые. Хантыйское название СОРТЫҢ УРИ ПУХУЛ.

ЖАРЕНЬКОМАРИК – Посёлок строителей железнодорожного моста через Аган. Сейчас посёлок нежилой.

ЗАПАДНЫЙ ВАРЬЁАН – вахтовый посёлок на первом куполе Западноварьёганского нефтяного месторождения. (Нефтяная компания «Белые ночи»).

ИНТЛЕТОВЫ – Стойбище Мохтикьёганское, превратившееся в посёлок в начале советской власти – центр Аганского сельсовета и после 1957 года – нежилое. В записях А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года значится под названием **Интле**.

КАВ АХЫН ПУХУЛ (ЛУХ КОПЛ ЯХ) – Явун йемат лухкэң, рытнат мэнтэ тахи энтэ тоял, чутат тохун намти. Казамкин Андрей (Андри) Антонович тыт вол, яхнэ Лух-Копл-Икехы тойи.

НЁХ ТОЙ ЯХЫМ ВАНТЫҢ ПУХУЛ (КАВ АХЫН ПУХУЛ) –
тыт волым ях:

- Казамкин Антон,
- Казамкин Никита Антонович (Копан-Чан),
- Казамкин Алексей Антонович (Лэшта),
- Казамкин Андрей Антонович (Андри-Ики)...

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Каван-яун-пугол» Касамкин Антон. Количество населения: всего 9 человек с детьми».

Литературное отступление:

«...Вот бежит «Ауля», дочка остяка Антона, 11 лет, шустряя девочка. Приветливо улыбается. Иду устроиваться

к себе в «лабаз» – «избушку на курьих ножках» на опушке дремучего смешанного леса. В юрте-то боюсь еще спать, там много блох, пока тепло – хочется обособиться.

Лабаз – это маленький амбарчик, лесенка приставная, столбы от мышей высокие. И чувствуешь себя в нем, как в неприступной крепости. Знакомлюсь с детьми. Особенно приглянулся мне хорошенький Андрейко, двух лет мальчишка, с лукавой, смеющейся рожцей.

Вдруг тревога – Антон едет с неводьбы. Хозяйка с Аулей бросилась за большими коробами и к реке. Смотрю – и Андрейко, схватив берестяной коробок, бежит, торопится к реке. И я за ними с записной книжкой. Полную лодку, «неводник», привез Антон с двумя старшими сыновьями.

На берегу суета. Чайки кричат, чуть на борт лодки не садятся...»

Р. П. Митусова // Год среди лесного народа //
Вокруг света. – 1929. – № 9. – Стр. 6–9.

СЫККЫҢ ПАЙ ЯВУН ПУХУЛ – СЫККЫҢ ПАЙ ОҢ ПУХУЛ –
ТЫТ ВОЛЫМ ЯХ:

- Казамкин Антон,
- Казамкин Никита Антонович (Копан-Чан),
- Казамкин Алексей Антонович (Лэшта),
- Казамкин Андрей Антонович (Андри-Ики)...

Лабаз Никиты с этого стойбища перевезён в Варьёганский музей.

СУВЫС КОТЫҢ ОҢНЫҢ – здесь было осеннее стойбище
Казамкина Галактиона Никитовича.

ДАРЫКҢИ УРИ – дословно: урий ершовой реки. Здесь было
стойбище Казамкина Тихона Михайловича.

КАРАМКИНЫ – Стойбище Карамкиных сейчас нежилое. Ещё недавно (лет 25 назад) был жилым КУТХИН УРИ – Дословно: *попутный, промежуточный урий*. Здесь в этом ури было весеннее и осеннее стойбище Карамкиных:

- Тырлин Никита Семёнович,
- Тырлин Егор Семёнович.
- Их мать Тали (Энэл Тали),
- Покачев Николай
- и его мать Мария (Ай Тали).

Здесь весной принимали от Карамкиных ельца и прямо здесь вялили:

- Покачев Алексей Галактионович с женой Надеждой – до 1973 года,
- Айваседа Юрий Кылевич с Еленой 1973–1975 гг.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище Карымкины юрты Тырлины: 4 юрты, одна юрта с железной печкой и 5 окнами, крыта тёсом, 6 лабазов.

Летник КАРАМКИНА (тундровая сторона) – КАРАМКИНЫТ ЛОҢ ПУХУЛ – дословно: *Карамкиных летнее стойбище*. Оно находилось на песке КАРАМКИНЫТ ЛОҢ КОТЫҢ СЫЙ – дословно: *песок летнего стойбища Карамкиных* (Неводной песок).

Здесь на Агане рыбачили неводом. Но с первой половины 60-х годов, по Агану стали ходить катера с баржами – подвозили грузы для геологов Новоаганска и для нефтяников Радужного. Катера причаливали к стойбищам для приобретения рыбы, мяса, ягод, орехов, пушнины. Часто это обменивалось на водку. И в это время люди стали убегать с реки в старицы и на притоки. Тех, кто не успел убежать, сожрал Его величество Алкоголь.

Так и Карамкины – бежали с Агана в старицу напротив стойбища через Аган, а весной и осенью стали жить в старице в конце этого песка.

Дополнительная информация:

ОЧАҢ ЛОХ – вонт палык Карамкиныт ури. Карамкиныт пухул (до 1985 г.). Контшаҥ кудэп явун дор корнам охут. Тыт волым ях:

- Тырлин Никита Семёнович,
- Тырлин Егор Семёнович,
- Покачев Николай.

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Юрты Карамкины 1 или Пеу-пуголь расположены съ правой стороны и въ $\frac{1}{2}$ вер. Отъ Агана, а отъ р. Пеу-егань съ правой стороны и въ полуверстѣ. Юрты Карамкины 1 отстоятъ отъ юр. Могуть-еганскихъ 1 на 7 верстѣ (по зимней дорогѣ)»...

«Пртивъ юртъ Карамкиныхъ на материкѣ – сосновая грива, имѣющая въ ширину $\frac{1}{2}$ версты, а въ длину, поперекъ материка, до 10 верстѣ; на ней строевая сосна отъ 3 до 8 вершковъ.

Лѣтнія юрты Карамкины находятся на правомъ берегу Агана, выше юртъ зимнихъ 1 на 3 версты».

«Юрты Карамкины 2 (Никита Осип. Тырлинъ) расположены съ лѣвой стороны и въ 7 верстахъ отъ Агана, противъ лѣтнихъ юртъ».

КОШ-РАН-ПУГОЛ – от хантыйского КОНТШАҢ-РАП-ПУХУЛ – дословно: *стойбище пёстрога яра*. Здесь жила семья:

- Казамкина Василия (Чачи-Ики).

Его дети и внуки:

- Казамкин Илья Васильевич,
- Казамкин Григорий Васильевич (Масвуй-Ики),
- Казамкин Константин Васильевич (Калвос-Ох-ко),
- Казамкин Василий Васильевич (Ай-мони),
- Казамкин Александр Васильевич (Сащи),
- Казамкин Ефрем Ильич (Епи),
- Казамкин Семён Ильич (Семан),
- Казамкин Леонид Константинович.

Кроме того у Казамкина Василия (Чачи-Ики) была дочь Арина (Аринэ).

Ещё у Казамкина Василия (Чачи-Ики) был побочный сын Казамкин Роман Васильевич, он жил с матерью. А став самостоятельным, жил на соседнем стойбище ПУХУЛ ОЛДЭН ЯВУН ПУХУЛ.

Казамкин Григорий Васильевич последнее время перед переездом в село Варьёган жил на Ампуте недалеко от Устья его и у него сын:

- Казамкин Роман Григорьевич – его стойбище возле МАВҢККЫҢ РАП.

Казамкин Ефрем Ильич последнее время жил в селе и женившись на моей матери, стал отцом моих братьев:

- Казамкина Алексея Ефремовича,
- Казамкина Владимира Ефремовича.

Литературное отступление:

Глава семейства стойбища КОНТШАҢ-РАП-ПУХУЛ Казамкин Василий (Чачи-Ики) является прототипом главного героя моего рассказа «Шай-Ики».

Из рассказа «Шай-Ики»

...Жильё Шай-ики, огороженное оградой из жердей – коралем, куда по утрам загоняют оленей, стояло в густом сосняке. Сам моховый дом казался снежным холмом среди высоких сосен, а позади возвышался на четырёх ножках с зарубинами большой крепкий лабаз. Возле зимовья ровными рядами стояли нарты, каждая из которых имеет своё название и назначение. С краю поставлена мужская повседневная рабочая нарта. Следующая за ней – для выезда в гости, в посёлок сдавать пушнину или для участия в состязаниях. Упряжь её отделана резными костяными украшениями. Она стройная, высокая, аккуратная. Носы её были капризно вздёрнуты, но в фигуре нарты чувствовалась достаточная прочность, чтобы при сильных раскатах выдерживать боковые удары. В её очертаниях словно звучала весёлая праздничная песня рыбака-охотника и звучные крики погони

на соревнованиях. И я чувствовал голос нарты: «Садись, прокачу!»

С другого края стояли две женские нарты. Сделаны они попроще, но обе прочные, устойчивые и ходкие. Но когда взглянул на следующую, тоже женскую, я чуть не ахнул. Два передка её – словно пара первых весенних лебедей, тревожно вглядывающаяся в снежную круговерть капризного северного мая. Четырнадцать ножек из прочной берёзы – тонкие, стройные, похожие на ножки молоденьких оленят. Впереди две поперечины – выгнутые спины двух соболей. Мне захотелось подойти и погладить их ладонью. Нарта была застелена белой, как туман, оленьей шкурой. На ней должна сидеть только красавица. И тогда, кажется, не нужно будет впрягать в нарту оленей, кажется, она сама способна сорваться с места и унести в лесотундру вслед за вьюгой. Попробуй, догони!

Рядом с девичьей нартой хозяйственные: шипу, нгутту, пйякан выглядели убогими и неуклюжими...

ЛЕЙКОВСКИЙ – (приёмный пункт) – **ЛЕЙКОВ СЫЙ** (таёжная сторона) – Тем сыйнэ маки приёмный пункт вол. Ледниккың, холодильный камерахың, лапкахың. Приёмщик намыл ый мыталинэп тем нопэтнэ энтэ вуди. Лейков Ощип пахлалнат тем сыйнэ сойпалых. Кутыл-пэ тем палыкнэ вол.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище Лейковы юрты, Ивана Лейкова. 1 летняя, 1 осенняя «мых-кат», 2 лабаза.

ЛЕЙКОВЫ – **ЛЕЙКОВО** (тундровая сторона) – Здесь было летнее стойбище с оленьим домом для дымокура. Проживали:

- Лейков Иосиф с сыновьями:
- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Кроме того у Лейкова Иосифа было ещё несколько дочерей.

Дополнительная информация:

В конце шестидесятых годов здесь на этом яру выгрузилась сейсмопартия. У Лейковых как раз тогда умер отец, и они ушли со своего яра. Но новый жилой посёлок сейсмиков всё равно стали называть ЛЕЙКОВО. Я когда шёл пешком из Агана на Варьёган, ночевал здесь у сейсмиков. Хоть я и предупредил работников сейсмопартии, чтоб не прикармливали мою собаку, но ночью кто-то кормил мою молодую спутницу. И назавтра, когда я уже далеко ушёл от посёлка, собака моя вернулась туда, где её вкусно покормили. Я уже не стал возвращаться за ней. Я думаю, что у неё появился новый хозяин.

СТОЙБИЩЕ ЛЕЙКОВЫХ (тундровая сторона) – Лейковы после смерти отца, яр свой оставили и переселились в старицу выше Чистоборска. Это стойбище просуществовало до 1974–75 гг. Здесь жили:

- Лейков Галактион Иосифович,
- Лейков Леонид Иосифович,
- Лейков Яков Иосифович.

Эта старица на ханты языке называется: ПЫХЭР МАХИ, или ещё называют ЛЕЙКОВСКИЙ УРИЙ.

ЛОЛНЭ ЯВУН ИКИ ПУХУЛ – Здесь жила семья Казамкина Петра. Это его называли Лолнэ-явун-Ики.

«Мочаном-пугол» – Левкины юрты

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь были: «Левкины юрты, «Мочаном-пугол», Покачевы. 2 юрты, кр.

тёсом, 1 окно, стол, стул, 1 лабаз. Всего население 8 человек с детьми».

МÄВҢККЭҢ РÄП КОНЭҢ ЯХ – Есть легенда или быль о том, что под этим бором ещё до прихода сюда Казамкиных жила семья местных жителей. (Потомков от них на Агане не осталось). Им не нравилось, что Казамкины (пришедшие с Казыма) поселились от них слишком близко. Вели себя недружелюбно.

И вот когда Казамкины на лодках проплывали мимо их стойбища, на лёгких обласах догоняли, запрыгивали к ним в лодки и очень сильно щекотали.

Казамкины вынуждены были проезжать этот яр ночью, очень тихо, чтоб не было ни единого всплеска, чтоб даже собаки не просыпались.

В первой половине XX века здесь жил со своей семьёй Казамкин Пётр.

Некоторые жители реки Аган называют это место Филькин Яр. Я считаю, это от имени Казамкина Филипа. Стойбище его располагалось ниже по течению, а сюда он ездил на рыбалку. Возможно, здесь у него была временная стоянка.

Сейчас здесь стойбище Казамкиных Романа Григорьевича и его жены Агафьи Дмитриевны. (Агафья – внучка Казамкина Петра).

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище: «Мэн-коноп-рэп-пугол» великан-большое-брюхо. Петра Касымкина юрта. 1 юрта, 2 лабаза. Количество населения: муж с женой, сын и дочь. Всего 4 человека.

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (член туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

29.07.2011.

Днёвка была запланирована, но если бы в этот день мы гребли, то она обязательно стала бы вынужденной: ветер был

настолько сильным, что сдувал всё на своём пути – и палатки, и дрова, и даже нас. За весь день дождь шёл шесть раз, мы едва успевали надевать дождевики.

Но нам, туристам, холод нипочём, для нас нет плохой погоды. И поэтому наш физрук Сергей с добровольцами относительно быстро соорудил походную баню из подручных материалов. Желающих стать первыми её посетителями было много, но после мытья некоторые ребята крепко «подружились» с насморком. А каждый знает – насморк – плохой товарищ, особенно в походе. Пока заболевшие отчаянно пытались от него избавиться, (а дело это непростое), у костра образовалась целая художественная школа.

...Татьяна Владимировна собиралась начать с малого – научить ребят рисовать цветочки и грибы, но оказалось, что грибами никто не интересуется. Природные биологические ресурсы несколько не вдохновляют художников. Закончилось это доброе намерение тем, что Татьяне Владимировне пришлось объяснять нам технику рисования и пропорции портрета. И портреты получились на удивление неплохими.

После вчерашней встречи с медведем ребята осмелели, и походы в лес возобновились. А на соседнем берегу оказались целые брусничные плантации! Мало того, нашлись добровольцы туда съездить и привезти грибов и ягод.

Когда солнце ушло за горизонт, облака разошлись, и мы стали свидетелями прекрасного заката. Последние лучи переплетались с лиловыми облаками и пробивались сквозь чёрную полосу леса... Они указывали на верную перемену погоды».

МОХТИКЁГАНСКИЕ – МАВУТ ЯВУН ЯХ ЛОҢ ПУХУЛ
(тундровая сторона) – Ты'т волым ях:

- Покачев Григорий Иванович,
- Покачев Павел Иванович,
- Покачев Спиридон Иванович,
- Покачев Никита Иванович,
- Покачев Степан Петрович,

- Покачев Михаил Павлович (и Галина Васильевна – Кузьма аңки),
- Покачев Галактион Павлович.

Павел Иванович ими ма имем опи. Чит ма килдехыдам.
Спиридон Иванович ими ма имем аиңки.

Дополнительная информация: Ещё одно название «летник **МОХТИКЪЁГАНСКИЕ ЮРТЫ**» – Здесь рыбоучасток ставил для приёмки рыбы плашкоут. Одно лето в качестве приёмщика и я (автор) здесь стоял с плашкоутом. В начале лета помощником у меня был Айваседа Андрей Маттелевич (Ма'чалю), во второй половине лета – моя жена Елена. Летник просуществовал до 1975 года.

Здесь я в свободное время ходил под парусом вверх по течению до летника **ПОКАЧЕВА**.

Здесь я впервые самостоятельно изготовил облас.

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Устье *рѣчки Могуть-егана* лежитъ съ правой стороны Агана, противъ лѣтнихъ юртъ Могуть-еганскихъ, выше предыдущей рѣчки Наги-еганъ на 15 верстъ. Ширина ея 4 саж., глубина $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ арш., протяженіе – 20 верстъ. Здѣсь водится рыба: мохтикъ, сорога и ершъ. Добываютъ ее мордами въ запорахъ...

Юрты Могуть-еганскія 1 или Тигилинка (Ив. Ѳедор. Покачевъ) расположены съ правой стороны и въ 3 верстахъ отъ Агана, по лѣвой сторонѣ отъ р. Могуть-егана, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ послѣдней...

Лѣтнія юрты Могуть-еганскія находятся на лѣвом берегу Агана, противъ юртъ зимнихъ 1 и противъ устья р. Могуть-егана...

Юрты Могуть-еганскія 2 или Интле (Сем. Ѳед. Покачевъ) расположены на 2 версты западнѣ первыхъ, съ правой стороны р. Могуть-егана, въ $1\frac{1}{2}$ верст. отъ послѣдней...

Юрты Могуть-еганскія 3 или Сумь-урей-пуголь расположены съ лѣвой стороны отъ Агана, въ бору, между лѣтними Тигилинка и зимними Наги-еганскими 2».

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Маут-яун-пугол, Покачевы. 5 юрт, 2 без окон, две с сениями, у 3 крыши крыты тёсом, одна юрта нежилая, 11 лабазов. Всего население 30 человек с детьми».

НАДЫМСКИЙ ЯР – (Сортың ури рӑп) – Надымским стали называть после того, как здесь стоял строительный участок трубопроводчиков нефте-газопровода на Надым.

СОРТЫҢ УРИ РӐП – (Надымский яр). Сортың ури ими котың рӑп.

Дополнительная информация:

Ури коныңны волым ях Епаркиныт чи урины сорт вӑлты вэр тойет. Чутат чи ури тохун нӑмти. Епаркиныт аңки Сортың-Ури-Имехы яхнэ тойи.

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Устье *курьи Сартамъ-урей* лежитъ съ правой стороны Агана, противъ зимнихъ юрты; на 1 версту выше курьи расположены лѣтнія юрты Епаркины 2».

ЕПАРКИНСКИЕ – Епаркинские юрты сейчас нежилые. Хантыйское название **СОРТЫҢ УРИ ПУХУЛ** (см. выше).

НОВОАГАНСК – посёлок геологов.

Здесь было стойбище Айпина Фёдора Петровича (Щётал, Вечки-Ики). Семья вымерла «во времена плохих болезней». Все похоронены тут же рядом на семейном кладбище возле старицы.

Кроме того здесь же был «Рэп-пугол» – Прокопия Сартакова юрта, где 11 сентября 1924 года этнографом

Р. П. Митусовой, был проведён сход, на котором самоеды (ненцы) избрали старшиной Кольчу вместо больного Илюко.

А также здесь жили и похоронены мои прадедушка Анет с прабабушкой Ша'ма. Чум их стоял там, где поликлиника, а похоронены они в разных концах озера Магилор, на окраине бора.

Здесь, в дальнем конце бывшего аэродрома, в самом начале 50-х годов мой дед Хопли, защищая колхозное стадо оленей, был покалечен медведем.

Где-то тут же недалеко жили их родственники Тёттат Пыли с сыном Патята (Паята, Пандята, Лэпа).

НУМ ТЯХАҢ КАПИТИ' ҢИСЫ' (ТОРУМ ЯВУН ЯХ) – в бассейне реки Аган с семидесятых годов живут тромаганские жители (ТОРУМ ЯВУН ЯХ). Эти люди были вытеснены при строительстве города КОГАЛЫМА и железной дороги: семья Ермаковых на ТЛОКТЫЁГАНЕ, семья Рускиных на НЮЧА-КОТУХТАТО и семья Кечимовых на реке НЮЧА-КОТУХТА.

Дополнительная информация:

НЮЧА-КОТУХТАТО оз. – 62°43' СШ / 75°45' ВД – озеро. До 1950-х годов здесь жила семья Иуси: Каңки, Майсу, Оны, Кольчу: их дети Кули Каңкивич, Пыртена (Пыли'ку) Каңкивна, Амальку Каңкивна, Нева Оновна (моя бабушка по матери), Мария (Маку) Оновна, Аули Кольчевич, Альта Кольчевич, Нёню Кольчевна, Людмила (Ңай'та) Кольчевна, Ун'и Кольчевна, Каилю Майсувич: Валентина (Тумаля), Леонид (Маҗа), и Лидия (Акача) – эти дети Майсу родились возле деревни Варьёган. Эти семьи занимались охотой, рыбалкой и оленеводством. От этого озера вниз по реке до самого Сургута ходили на лодках. До сегодняшнего дня вокруг озера сохранились остатки их жилищ. В период с 1950-х до 1980-х сюда приезжали наездами Варьёганские охотники. Чаще всех здесь бывал Кули Каңкивич и Сардаков Михаил.

С 1979 года это официальные охотугодия механизированной бригады, которую я возглавлял (приказ

ГЛАВОХОТЫ РСФСР). С конца 1970-х годов здесь поселилась хантыйская семья Евдокии Русскиной, ранее жившая в районе, где сейчас г. Когалым. В 1993 г. документ на родовые угодья вокруг этого озера получили ее сын Дмитрий Рускин и зять Иосиф Кечимов. Легенды говорят, что когда-то возле этого озера жил Капи. Поэтому ненецкое название этого озера Капитяхаңто.

Название от ненецкого, но сильно напутано. В начале 1950-х годов, с картографами ездил ненец Айваседа Ханя: местность он знал плохо. Поэтому на картах прослеживается его почерк – ошибки и в других названиях.

Дополнительная информация:

КАПИТЯХАҢТО – Нючатём Капитяхаң то. Понанта ма'ай капиң тиди'мя тя. Калясамы то. Чукан тавмы не'шаң мынчихина ни кан, пон һамулты. Чахатанта кахана тюню'та то. Кукәхена' Пюлэ няңат не'ша' каличалмантуң мэт чуки тон туля'ш. Кольчуң пэвнтта' чуки тоң тидня Тя'пта тяхаң кавхана ца.

Дополнительная информация:

КОНТЭКОЯВУН-ДОР – (ханыйское название этого озера я считаю дословным переводом с ненецкого языка) – ит Рускин Митри дор коныңнэ кул кынччи кот тоял. – Контэкоявун-дор (Айконтэкоявун-дор).

ТЁТЫ' ТО'ТЯАЙҢ ТЁТЫ' – «На **осеннее кочевье Вар-яунских самоедов** надо ехать не речкой, а прямыми путями, через озёрки и болота, в маленьких «обласках»...

...На берегу озера среди безнадежного болота стоят три самоедских берестяных чума. Мне предложили поселиться в центральном чуме. Толстая хозяйка стоит в отверстии – «двери» и кивает мне, лопоча что-то по-своему...

...Сажусь к костру поближе. Костер разложен посреди чума, но стряпают на другом костре, рядом с чумом. В дымовое отверстие падает дождь вперемежку со снегом, но это не мешает сухому кедру весело гореть...

...Набился народ. Раздаю мелкие подарки: иголки, ленты, бусы, что осталось от схода. Шум, говор, смех. Подали вареных уток, ну, их можно есть и без соли. Разговор становится более серьезным. Вынули самоеды деньги: «царские» и «керенки». Жалуются, что их не берут у них ни остяки, ни русские. В 1918 году они вышли на ярмарку, продали пушнину, получили эти деньги да малость хлеба и припасов, а теперь, оказывается, что деньги не настоящие. Объясняю им, как могу. Дала им рубли серебряные с пятиконечной звездой. Пробуют на зуб, понравились. Объясняю, что теперь торговля лучше, что в Сургуте есть много товаров. Двое самоедов бросили свои «керенки» в огонь, а остальные не решились...»

Р. П. Митусова // Год среди лесного народа //
Вокруг света. – 1929. – № 9. – Стр. 6–9.

КАНУ' ПУСЛЕ'МЯҢ ТЁТЫ' ТО'ТЯАЙҢ ТЁТЫ' – У этого озера множество названий. То, что я сейчас перечислю, возможно, это не полный перечень: **КАЛҢАҢ ТО'ТЯ'АЙ, ПАҢКЧУҢ ТО'ТЯ'АЙ, АНОШКАҢ ТО'ТЯ'АЙ, КАНУ' ПУНСЛЕ'МЯҢ ТО'ТЯ'АЙ, УЛЬКИНО ОЗЕРО.** Большинство названий происходит от человеческих имён рода Айваседы. Потому что на бориках вокруг этого озера жили члены рода Айваседы. Последние годы здесь жила семья Улька Айваседы и его потомки.

Сейчас здесь стойбище Айваседы Павла Янчевича.

В 90-х годах здесь построили небольшую лисоферму Айваседа Борис Халович и Айваседа Пётр Ныневич.

В 80-х годах мы с женой и детьми несколько лет весновали здесь.

КАТАТЯҢ ТИҢ'КУ – Мань Неҗи-катай немям чикен хинта'махат чики тиҗ'ку чики нимча ними'җа. Чета' Пашка (Айваседа П. Я.) чикен мят шелтамай.

Толкование:

Моей Бабушки-Ненги маму похоронили на этом маленьком борике и с тех пор этот борик именем моей прабабушки так называется. Звали её Кататя. Сейчас здесь стойбище Павла Янчевича.

ПЕВ-ОҢ-ЯХЫМ-ВАНТЫҢ – Старые Покачи. Промысловая (поселковая) часть города Покачи (ТПП Покачэвнефтегаз). Раньше здесь было кладбище Карамкиных.

ПОВХ – Первоначальное название «Пионерный». Вахтовый посёлок Повховского нефтяного месторождения (ТПП Когалымнефтегаз). Расположен на берегу Ватьёгана. Раньше здесь было главное ватьёганское святилище.

ПЕРВАЯ ПОДБАЗА – подбаза Мегионнефтегазгеологии. Находилась на берегу реки ХЫПИТОССТЫ (приток ВАТЬЁГАНА).

ПОКАЧЕВСКИЕ – (юрты) – (Луңк-ури-пухул). Проживали Покачевы и Сопочины. Стойбище просуществовало до середины 70-х годов. На некоторых картах называется: летник ПОКАЧЕВА (таёжная сторона):

- Покачев Илья Иванович,
- Покачев Александр Иванович (Охур ко),
- Покачев Николай Иванович (Вихты Ко),
- Покачев Архип Николаевич,
- Покачев Николай Александрович,
- Покачев Николай,
- Покачев Антон Николаевич,
- Покачев Максим Ильич.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Тумуры-пугол, Покачеевы и Ивана Сопыча юрта. 4 юрты, одна нежилая, 3 досчатые «уотль» (вотл), им. сени, крыты тёсом, у Ив. Сопыча крыльцо высотой 67 см., 4 лабаза, 2-3 окна. Всего население 13 человек вместе с детьми».

«Тумуры-пугол» – Покачеевы и Ивана Сопыча юрта (см. выше)...

ПОКАЧИ – город нефтяников ЛУКОЙЛа вблизи реки Ватьёган у яра ЧОМЛЭН РАП (*яра с зарубкой*) – *верхний конец этого яра по форме напоминает огромные ступеньки, словно специально вырубленные.* В нижнем конце яра несколько лет по-осени жил Айпин Григорий Иванович (Калс) с женой в палатке. Они здесь собирали бруснику для сдачи на приёмный пункт.

ПРИЧАЛ – ВОНТ ЯХ РАП ПУХУЛ – Стойбище Дмитрия и Галины Казамкиных сегодняшние наши родственники называют ПРИЧАЛом. На самом деле этот яр называется ВОНТ ЯХ РАП, а стойбище предков Дмитрия – ВОНТ ЯХ РАП ПУХУЛ. А наши сородичи ПРИЧАЛом стали называть с тех пор, как в первой половине семидесятых однажды посреди лета по малой воде баржа с грузом для будущего города Радужного села на мель. Потом груз выгрузили на берег, проложили дорогу грунтовую и увезли груз машинами. Потом эту площадку стали часто использовать в засушливые летние навигации. Только после строительства асфальтированной дороги эта площадка перестала быть запасным причалом, только за этим яром осталось название ПРИЧАЛ.

ВОНТ ЯХ РАП ПУХУЛ – дословно: *стойбище яра таёжных людей*. В 40–50-х годах на этом яру проживали семьи:

- Казамкин Иосиф Иванович,
- Казамкин Михаил Иванович,
- Казамкин Фёдор Иванович (Кор-коның-Ики).

Последнее время здесь живёт Казамкин Дмитрий Иосифович со своей семьёй и обитают у него братья:

- Казамкин Виктор (Пират),
- Казамкин Леонид Михайлович.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Он-рях-рэп-пугол» Александра Казамкина юрты. 2 юрты, 3 сына живут на болоте и не выезжают на Аган. Количество населения: всего 26 человек вместе с детьми».

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Юрты Вонъ-Яхъ-Рапъ-пуголь 1 (Александръ Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны, въ 2 верстахъ отъ Агана. Эти юрты отстоятъ отъ юртъ Варъ-еганскихъ въ 20 верстахъ (по зимней дорогѣ). Противъ юртъ ширина

Агана 40 сажень, глубина – 1 саж., въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ – 1 арш. Подъемъ воды весною бываетъ до 3 сажень.

Лѣтнія юрты Вонь-Яхъ-Рапъ-пуголь находятся на правомъ берегу Агана на 1 версту выше юртъ зимнихъ 1».

ВОНТ ЯВУН ПУХУЛ (ЛИСТАРКА ПУХУЛ) – дословно: *урман-реки стойбище*. Внутри этой реки жили семьи:

- Казамкин Аристарх Иванович,
- Казамкин Данил Аристархович,
- Казамкин Михаил Иванович.

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Устье *рѣчки Вонь-егана* лежитъ выше лѣтнихъ юртъ 1 (Александра Казамкина) на 4 версты и выше предыдущей рѣчки Кавва-еганъ на 11 версть. Ширина Вонь-егана 10 саж., глубина – 1 саж., протяженіе – 30 вер. Лодкою проѣздъ возможенъ на протяженіи 25 вер., гдѣ ширина рѣчки 7 саж., далѣе идутъ заломы. По рѣчкѣ опушкой служить ель; встрѣчается годная и на постройку избы.

Изъ рыбъ здѣсь попадаютъ щука, язь, окунь, сорога и рѣдко налимъ. Промышляютъ ее въ августъ-сентябрь при помощи запора мордами».

САП УРИ ПУХУЛ – дословно: *стойбище урия с живуном*. Сап и нѣх – это разновидности живунов. Рыбный неводной урий. Здесь, в последние годы советской власти, жили семьи:

- Казамкина Спиридона Фёдоровича,
- Казамкина Сидора Фёдоровича.

Во времена войны 1941–45 годов и около пятнадцати лет после войны здесь жил их отец Казамкин Фёдор (Фёдор-Охотник) – соболятник, медвежатник.

Сейчас здесь обитают «бичи».

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (член туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«28.07.2011.

Аган преобразился под солнечными лучами, отражая чистое небо и зубчатые вершины леса. Мы решили выйти пораньше, пока тучи не передумали, не вернулись и не закрыли серыми боками солнце. Но как только это решение прозвучало вслух, на небе стали появляться рваные облака, и вскоре посыпал мелкий дождь.

Позавтракав манной кашей, мы приступили к сборке палаток. Вскоре наш бивак принял прежние компактные очертания и был погружен на катамаран. Когда все были готовы к отплытию и уже собирались оттолкнуться вёслами от берега, выяснилось, что многие не выспались и теперь просто засыпают на ходу... Это и неудивительно! Что ещё можно было ожидать от команды, которая отправилась спать во втором часу ночи.

Часа через полтора обнаружился ещё один сюрприз: как бы сытна ни была манная каша, а всё-таки мы так и не наелись. Её едва хватило на всех. И поэтому в первой половине дня с греблей было неважно. Сонные и полуголодные гребцы по очереди бросали вёсла, а потом и вовсе заставили катамаран дрейфовать, как будто на борту прозвучала команда выспаться прямо на воде.

Однако после обеда ситуация изменилась. Мы пошли быстрее и даже обогнали второй катамаран. К вечеру мы сравнялись с ним, может быть потому, что желание поскорее выйти на берег не давало ребятам опускать вёсла. Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы причалили к берегу.

Ночевать мы решили на отмели, за которой неприступной стеной возвышался лес. Пока разгружались катамараны, я отправилась в этот лес за дровами. Там меня заинтересовала черника. Минут через десять я услышала треск ветвей в глубине леса, и среди деревьев замаячил красный спасжилет. Значит, наши. «Кто-то из ребят» – подумала я. Треск становился всё сильнее. Я озадаченно шагнула в направлении странных звуков. Была ещё мысль пошутить: «Кто там ломится, медведь, что-ли?» И моему взору предстала следующая немая картина: Марина Владимировна – руководитель вартовских ребят – стремительно мчится к лагерю, – молча и не разбирая

дороги, с диаметром зрачков в три сантиметра. А ей вслед несётся дикий рёв медведя.

И я, – человек, который никогда не был спринтером, сорвалась с места и тоже молча побежала сквозь ветки и острые сучки – напролом. На берег мы выскочили одновременно и тут же столкнулись нос к носу. (Хорошо ещё, что друг с другом, а не с медведем!)

После этого охотников идти в лес не находилось, зато руководители могли быть спокойны.

...Наш второй катамаран героически упустил в реку целый мешок сахара. Так что теперь – шутит Серёжа – осталось отправить за сахаром и заварку, чтобы чай не заваривать, а набирать вёдрами из реки. Когда про это вспомнили вечером у костра, прозвучало замечание: «Продуктов и так мало, а мы их топим», на что послышались предложения утопить колбасу или сгущёнку...»

ПРИЧАЛ СУ-920 – Посёлок строителей покачёвского моста. Посёлок просуществовал только на период строительства моста.

ПУХУЛҫ ОЛҫЭҢ ЯВУН ПУХУЛҫ – дословно: *стойбище реки, впадающей на окраину стойбища*. Второе название стойбища: СОЛЬНИК. (См. СОЛЬНИК на Ватьёгане)

ПУХУЛҫ ОЛҫЭҢ ЯВУН ПУХУЛҫ – дословно: *стойбище реки, впадающей на окраину стойбища*. Так называется стойбище Казамкина Степана Ивановича и его детей:

- Казамкин Кузьма Степанович,
- Казамкин Егор Степанович (Егор Большой),
- Казамкин Антон Степанович,
- Казамкин Иосиф Степанович,
- Казамкин Ефим Степанович (Епи).

Здесь же невдалеке жила семья Казамкина Афанасия, его сыновья:

- Казамкин Николай Афанасьевич,
- Казамкин Олег Афанасьевич.

Здесь же жили семьи:

- Казамкина Романа Васильевича,
- Казамкина Григория Ивановича (детей нет).

ВОТШ ВОЛҘАҢ ТОХ – дословно: *озерко городища (места, где возлежал город)*. Сегодняшние Казамкины не смогли рассказать о тех, кто здесь жил.

КОТЫҢ УРИ (ПУХУЛҢ ОЛҘЭҢ ЯВУН ОҢ УРИ) – дословно: *домашний (стойбищный) урий*. Со слов Егора Степановича здесь всегда в разные времена были стойбища. Последним здесь было стойбище Казамкина Романа Васильевича.

В начале 90-х годов я был проводником археологической группы Тобольского пединститута (руководитель Глушков). Мы исследовали здешние места. Оказывается, здесь множество памятников, подтверждающих, что в различные эпохи здесь жили люди. Здесь и средневековый городок, и отдельные жилища «эпохи раннего железа».

В эту старицу впадает река ПУХУЛҢ ОЛҘЭҢ ЯВУН.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Ивана Касаткина юрты. Количество населения: от 14 лет возраста: муж. – 5, жен. – 3; до 14 лет (дети): муж. – 6, жен. – 5; всего – 19».

Дополнительная информация:

По записям А. А. Дунина-Горкавича от 1900 года «Юрты Пуглонь-Егань-пуголь (Василий Ивановъ Казамкинъ) расположены съ правой стороны и въ 5 верстахъ отъ Агана. Юрты эти отстоятъ отъ юртъ Вонь-Яхъ-Рапъ-пуголь 1 въ 9 вер. (по зимней дорогѣ)».

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (член туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«27.07.2011.

Небо хмурилось с самого утра, где-то даже раздавался глухой рокот грома, но дождя не было. Нельзя сказать, что мы ждали этот дождь, наоборот – и ребята, и их высушенные у костра вещи были только рады сухой погоде. Но всё-таки тучи...

На всякий случай мы решили не убирать далеко дождевики, чтобы не повторилась вчерашняя история с промокшей насквозь одеждой.

...Ветер обещал быть попутным. Однако спустив катамараны на воду, мы сразу же убедились в обратном: он оказался встречным и довольно сильным. Изредка сквозь свинцово-сизые тучи пробивались яркие солнечные лучи, но тут же скрывались, лишая ребят надежды согреться до привала... Впрочем, замёрзших и промокших было относительно немного.

На одном из привалов произошёл смешной случай. На привязанные к катамаранам рюкзаки мы садимся, и поэтому в шутку называем их «конями». И вот Снежана вышла на берег, утопая в иле, разговорилась с гребцами соседнего катамарана... А потом, видимо, решила вернуться обратно, и, со словами: «ГДЕ МОЙ КОНЬ» полетела в воду, не устояв на ногах. С тех пор мгновенно ставшее крылатым выражение «сесть на коня» у нас означает свалиться в воду. «Поискать коня» уже успели ребята из Н-Вартовска, я, и даже Вера Алексеевна – абсолютный рекордсмен по «конному» виду спорта. Мокрые штаны, правый бок, и «булькнувший» телефон – этот рекорд ещё никому не удалось побить.

Тучи так нависали над Аганом и лесом, что казалось – высокие сосны вот-вот заденут острыми верхушками небо, проткнут тёмный купол небесной тверди, и в этот прокол ударит солнечный луч... Но чудо не происходило. Мы продолжали сплав, наблюдая за отражением туч и деревьев в зеркальной глади реки. Чистое небо мы смогли увидеть только к шести часам вечера, когда наше дневное

путешествие по Агану подходило к концу, но несмотря на это норму – 20 км – мы выполнили.

...Звёзд и месяца мы так и не дождались: с наступлением сумерек тучи снова плотно затянули небо».

ПЯЩИТАҢ КÄВ НЕ'ША' – Когда с Пура сюда на Аган пришли ненцы из рода Тётт, они для жизни облюбовали нижнее течение реки **ВАРЬЁГАН – ПЯЩИТА**.

Здесь стал жить Айваседа (Тётт) Анет с сыновьями:

- Айваседа Собо́ль (Хопли) Анетович,
- Айваседа Аля (Альчи) Анетович,
- Айваседа Талё (Талю'ку) Анетович,
- Айваседа Топа (Топалю) Анетович,
- Айваседа Тайпо (Тайпы) Анетович.

Здесь родились внуки Анета:

- Айваседа Леонид (Ляху) Соболевич,
- Айваседа Василий (Кыльчи) Соболевич,
- Айваседа Павел (Ха'мальта) Алевич,
- Айваседа Александр (Мантна) Алевич,
- Айваседа Леонид (Ляна) Алевич,
- Айваседа Качау Алевич,
- Айваседа Владимир (Валё) Талёвич,
- Айваседа Юрий Талёвич,

сын Тайпо Айваседа Юрий родился и живёт в одном из городов СССР.

Кроме того здесь обитала семья Айваседы (Тётт) Пыли и семья его сына Айваседы Пандяты (Патята, Лэпа) Пыливича.

РАДУЖНЫЙ – город нефтяников Варьёганнефтегаза на берегу Агана.

Здесь было зимнее стойбище Казамкина Константина Васильевича, а рядом возле устья реки **АХЫРНАҢ ЯВУН** было его последнее весеннее стойбище. Жители города Радужного сейчас эту реку называют **ХАНТЫЙКОЙ**.

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (члена туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«25.07.2011.

Прибыли в Радужный. Лагерь разбили на пляже, рядом с небольшим лесом. Ребята познакомились быстро. Видимо, походные условия и осознание того, что дальше мы пойдём одной командой сделали своё дело. Уже через полчаса от неловкости не осталось и следа: ребята вместе готовили обед, весело переговариваясь и изредка бросая взгляды на пологий пляжный берег – всем хотелось купаться.

...С берега доносилась музыка. Конечно, музыка – это хорошо, но мне показалось всё-таки, что нашему лагерю больше подходит шум леса, чем поп-ритмы. Молодёжь, правда, думает по-другому, – подумала я, – но лес был бы со мной согласен.

Первый день экспедиции – всегда самый интересный. Каждую минуту ты узнаёшь что-нибудь новое, даже то, что кто-то не взял с собой ложку или нож, а в рукаве твоей любимой футболки зияет огромная, прожжённая угольком дыра...

После обеда в наш лагерь наведалься Николай, руководитель прошлой экспедиции. Он деликатно расспросил о планах на завтра, а потом всё-таки привёз старую, выдавшие виды гитару. Лагерь возликовал, и ребята бросились наперебой благодарить смущённого Николая. ... Впрочем, кончилось это бурное веселье так же неожиданно, как и началось, причём кончилось грустно: не успела я настроить инструмент, как прозвучавшая в воздухе пустая звонкая квинта оповестила всех о лопнувшей струне. Николай печально осмотрел её и пообещал заменить, но пообещал как-то неуверенно. Наверное, что-то подсказывало ему, что в походе гитара погибнет героической смертью...

«Нелёгкого дня отгремели раскаты, и ночь на стеклянную бухту упала, храня под опущенным флагом заката непрочный покой бастионов и палуб» – эти строчки вспомнились мне поздно вечером, когда ребята уже ложились спать, а собранные катамараны смутно напоминали в темноте корабли с опущенными парусами. И верёвки – как оставленные юнгой стаксель-шкоты.

26.07.2011.

Сплав начался в 16:35. Переждав небольшой дождь и промозглый холод, мы спустили катамараны на песчаный берег и начали привязывать рюкзаки. Тут – и это надо признать – ребята из Н-Вартовска заметно опередили нас. Конечно, можно сказать, что у них было меньше вещей, но факт остаётся фактом: некоторым из нас, и мне в том числе, не мешало бы научиться фиксировать рюкзак на катамаране, – именно из-за отсутствия этих навыков погрузка растянулась почти на три часа.

Когда катамараны плавно отошли от берега, дала о себе знать небольшая заминка, мы обнаружили её почти сразу. А именно: рулевой наш, упрямо сопя и нахмутив брови, пытался развернуть катамаран, но его отчаянные попытки либо заставляли катамаран вращаться, либо вообще сводились к нулю. Нам понадобилось немало времени, чтобы добиться результата. Но оно того стоило – оставив позади два поворота, наш катамаран шёл уже более-менее уверенно.

Аган прекрасен в безветренную погоду. Зеркальная гладь воды. Отражение неба. Нависшие над рекой сосны и кедры...

И вдруг подул ветер, сбежались тучи... И ударили по воде отвесные струи! Река буквально вскипела, взрываясь звонкими, обжигающими брызгами. Дождь... нет, ливень, – бешеный ливень лупил по воде под отдалённые как эхо раскаты грома. Эх, как же сильно мы ошибались, снимая утром дождевики, складывая их в рюкзаки на соседний катамаран и уверенно говоря: «Дождя больше не будет»...

(Не подумайте только, что туристы из нас никудышные: когда мы убирали подальше дождевики, в каждом всё ещё скреблось сомнение. Просто нам совершенно нечего было возразить против такой решительной метеосводки).

...Когда мы причалили к берегу, нас трудно было узнать. Промокшие насквозь ребята отвязывали рюкзаки, с которых ручьями текла вода. Интересно отметить и то, что мокрыми рюкзаки были только снаружи, до вещей в герметичных пакетах вода не добралась. Зато в боковых карманах вкладышей не было, и всё, что там находилось, (самое необходимое и боящееся водных процедур) нуждалось в длительной сушке.

Что касается нас, то мы были готовы буквально прыгнуть в огонь, чтобы высохнуть и согреться... Но огня не было, и все, как один, бросились в лес за хворостом. На этот раз Вере Алексеевне и Марине Владимировне не пришлось надрывать горло и наши уши командой: «ВСЕ ЗА ДРОВАМИ!»

В свете последних событий, а именно: ливня и сырости, мы не надеялись увидеть хворост сухим. Так оно и оказалось, через десять минут ребята уже поджигали огромной спичкой мокрые дрова.

...На берегу пылал костёр. Мы сушили вещи и разбивали лагерь... Нет, только в походе, и больше нигде можно понять, что костёр – это действительно заветная мечта туриста».

САРДАКОВСКИЕ ЮРТЫ – Сейчас юрты Сардаковские нежилые. Потомки Сардаковых сейчас живут на реке ЕГУРЬЯХ в разных местах – хантыйское название ПОПЭЛХЭН УРИ ОҢ АЛЫМПАЛЫК СЫЙ – Авус-ики (Сардаков Василий) котың сый.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Сартаковы юрты. 2 юрты, живут в чумах, 4 лабаза. Количество населения: старше 14 лет – муж. 7, жен. 7; младше 14 лет – муж. 4, жен. 4. Всего 22 человека».

Дополнительная информация:

До 1963 года здесь прямо на стойбище Сардакова Василия (Ващи, Авус-Ики) был **САРДАКОВСКИЙ ПРИЁМНЫЙ ПУНКТ** – рыбо-приёмный пункт. Кроме того, что здесь принимали рыбу от рыбаков, сушили, солили и морозили её, ещё здесь был магазин-ларёк или пункт приобретения продуктов. Приёмщиками в разное время здесь работали Кугаевский Борис Васильевич и Суровцева Лидия Петровна.

Дополнительная информация:

Я был в Московском Кремле в так называемом «рабочем кабинете» В. И. Ленина. На стене висит огромная карта.

Экскурсовод сказала, что Ленин довольно часто пользовался этой картой. Я переспросил, действительно ли это так. Она ответила: «Да, действительно».

На этой карте в районе реки Аган было помечено только два населённых пункта: Варьёганская и Сардаковская.

НАТТАРМА – название хантыйское, но происхождение его от ненецкого, только сильно искажено. Ненецким названием сегодня никто не пользуется, но совершенно очевидно, что оно звучало так: **НАЛТАНЛМА** – *весновка, место весеннего стойбища оленевода*. Сейчас постоянно здесь никто не живёт, но осенью сюда съезжаются многие семьи для сбора клюквы.

КОЛЭК ЯВУН ПУХУЛ – дословно: *река халея, чайки*. Здесь Сардаков Андрей Егорович построил себе стойбище.

Напротив, на другом берегу Егурьяха было стойбище его покойного отца Сардакова Егора Иосифовича.

КУЛ ЛОХУЛТЫТЫ ЛОР ПУХУЛ – На восточной стороне этого озера Сардакова Ивана Михайловича новое зимнее стойбище.

Через это озеро проходила оленья дорога **ТЮ'ЩИ' ЂОТУ**, соединяющая **КАПИ ТЯХАҢ ТО, ТЯ'ПТА ТЯХА, КЫ'ЫМКАНАҢ НЯ'АВ КАЙТА СОХО, КАТУ'ТА, ХАНЫ' ВЫҢ**, через **ХАНЫ' СЭХЭ** на **ТИТУМО'МА ВЫҢ** и далее на северо-запад через **КÄХЕҢ ТО** на **ПЯКУ ТО** и **НУМ ТО** – с другой стороны **МАЛЛ ҢАЙВАҢ ТО, ПЯЩИТА, КАНУ' ТО**, и далее по **КАҢ ЂОТУ** на восток через **ВОНТ ЯХ РÄП, КОНТШАҢ РÄП ПУХУЛ, ТЫҢК УРИ, ЛОЛНЭ ЯВУН КОТ МЫХ, МАВҢК АВИ САВ ЭМТОР** и **ВАХАНТЯ' ЂОТУ**, дальше до **КОЛЕКТЬЁГАНА** и на юго-восток до **ЛАРЬЯКА** или до **АЛЕКСАНДРОВСКА**, что в Томской области.

Кроме того, через это озеро проходила оленья дорога **ЯРХАН ЯХ ЛЕВК КОР (АНЫС ЛЕВК КОР)**. На юго-запад через **ВАТЬЁГАН, СОЛЬНИК, ЙИМЫҢ ЛОР, МАВУТ**

ЯВУН МЫЛЫҢ, КОН ЛЕВК КОР и далее ИНТЛЕТОВЫ, АГАН; далее через ЯВУНДИ по ТОРУМ КОТ ЛЕВК КОР до ЛОКОСОВО и УРЬЕВСКА, или через НАҢК ЯВУН ПУХУЛ и ЕРМАКОВО по КОН ЛЕВК КОР за ТОРУМ ЯВУН; далее пересекая МӒВК и ПОЧАКУЙКУ на СУРГУТ и вдоль Оби по обозной дороге на САМАРОВО (Ханты-Мансийск) или на ТАПАЛЕ'ЕЙ (Тобольск) – с другой стороны на северо-восток через АМПУТУ, через МУ'ЛУ ВЫҢ вдоль ТЕТУ ТЯХА и ТЁТТУ' ПЮЛ на ХАЛЕСОВУЮ и далее на север через ТАРКО-САЛЕ до ОБСКОЙ ГУБЫ, или из ХАЛЕСОВОЙ на восток через ТОЛЬКУ, через ТАЗ и на северо-восток до ЛУССА ТЯХА (Мангазея).

Здесь, вокруг этого озера жил Сардаков Александр (Сӓм Тойты Ко) – последний шаман реки Аган, сумевший выйти живым из Сургутского следственного кабинета НКВД. Умер в Варьёгане своей смертью. Сейчас в Варьёганском этнографическом музее хранится лесенка для лабаза Сардакова Александра.

ЛУП ЯВУН ПУХУЛ – дословно: *вёсельной реки стойбище*. Здесь последнее стойбище Сардакова Михаила Александровича. Сейчас здесь живёт средний сын Михаила Константин (Коска), у него дефект речи – почти немой.

НЕВИ РӒП ПУХУЛ – тем рӒпнэ Сардаков Никита (Законник) тудых кот волы.

ВАРЫҢ РӒПЫТ ПУХУЛ – (колым рӒп). Анчал (Сардаков Александр Никитович) пан Семан (Сардаков Семён Никитович) веди кот волы.

Сейчас здесь автомобильный мост на Рославльское нефтяное месторождение.

ВЕЛІ КОТЫҢ ЯХЫМ – дословно: *бор оленьего дома*. Сардаков Константин (Ай Пулыли, Капи Пусску), Сардаков Демьян (Чими) и другие их родственники здесь в летнее время держали оленей под дымокурором.

ПОТЫНЭ РАП ПУХУЛҫ – Тем рапнэ Икыли кот волы, до 1950–52 годов.

- Сардаков Андрей,
- Сардаков Сидор,
- Сардаков Александр – уехал на Егурьях до рождения сына Михаила.

Здесь родовое Сардаковское кладбище.

ЯВУРЬЯХ ОҢ АЛҫЫМПАЛЫК СЫЙ – Тэм сыйнэ Энэл Егор пан Апынаси 1950 оди кот волы. (Казамкин Егор Степанович, Казамкин Афанасий Наумович).

САРТ-УРЕЙ-ПУГОЛ – (название условное, взято мной из записок Р. П. Митусовой,) – Стойбище вымершее «во времена плохих болезней» – (со слов Епаркина Антона Еремеевича) – остатки стойбища находятся в изголовье верхнего от СОРТЫҢ-УРИ-ПУХУЛҫ песка, на тундровой стороне, останки семьи непохоронены и должны быть внутри жилища. Я туда не ходил, мне только с реки показали точное место, где было стойбище. Туда никто из коренных жителей не ходит.

САРТЫМ-УРИЙ-ПУГОЛ – карта: «НОЯБРЬСК», *Генеральный штаб*», 16-43-1.2 Р-43-А,Б. Издание 1983 г. (Составлено по карте масштаба 1:200 000 созданной по материалам съёмки 1967–1969 гг. Издано с оригинала ГУГК при СМ СССР).

Данное стойбище обозначено на устье реки ПУХУЛҫ ОЛҫЭҢ ЯВУН – *река, впадающая в окраину стойбища*. (См ПУХУЛҫ ОЛҫЭҢ ЯВУН ПУХУЛҫ – стойбище Казамкиных).

СЕВЕРНЫЙ ВАРЬЁГАН – вахтовый посёлок Северо-варьёганского нефтяного месторождения.

СИҢК ОҢ ПУХУЛ (СИҢК УРИ ОҢ ПУХУЛ) – Стойбище Айпина Николая Дмитриевича (Нюр-Ох) до 1985–87 гг. Здесь же жили семьи:

- Айпина Петра Николаевича (Петы, Петрушка),
- Айпина Виктора Романовича (Зять Сардаковский),
- Айваседа Антона Панкчевича (Аношка).

Это стойбище также называли ГОРЕЛЬНИК.

Вокруг этого стойбища археологические памятники от III–V века до н. э. – до прошлого столетия. Это значит, что здесь всегда жил человек.

СИҢК ОҢ АЛЫМПАЛЫК ПУХУЛ (СИҢКИ УРИ ОҢ АЛЫМПАЛЫК СЫЙ ПУХУЛ) – здесь было стойбище Айпина Романа Дмитриевича (Паки-Ики, Пакитя'ай) до 1974 г. Здесь также жили семьи его сыновей:

- Айпина Дмитрия Романовича,
- Айпина Александра Романовича,
- Айпина Виктора Романовича.

Некоторые постройки этого стойбища можно и сейчас найти в густых зарослях между рекой Аган и старицей КОТЫҢ ЛИКУП.

СИҢКИ ПЫХЫР МАХИ ОҢ ПУХУЛ – Айпин Дмитрий Петрович (Митри-ики) веди котыҗ пухул волы. (До 1940 года).

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было стойбище «Синко-пугол» Дмитрия Айпина юрта. 1 юрта «парт-кат».

МЫЛЬНИ – В разное время здесь были стойбища: Айпина Виктора Романовича, Айваседы Антона (Аношки) Панкчевича, Айпина Ефима Андреевича, Покачева Сергея Владимировича, Лисина.

Из дневника Аэлиты:

Заехали по пути к Покачевым. Пообедали. Жарится подавушка из щуки. Стойбище ещё расстраивается. Строится 3 новых избушки: хозяев – Владика и Лисиных. Погода стала жаркая. У Каролин загорело лицо. Особенно сильно покраснел нос.

Папа, Виктор Романович, Штефан, Каролин и ребята с телевидения уехали смотреть археологические памятники. Заехала незнакомая шлюпка. На ней оказались ребята из п. Аган. Мы выехали со стойбища в четвёртом часу.

МЫЛЬНИ ЯХЫМ ВАНТЫҢ – Айпин Ефим Андреевич (Седой, Щимка) тудых кот воды. До 1977 года.

КОТ ПЫРЕҢ ЛИКУП – нёрым палык. Митри-Ики ве́ди-кот волы.
(До 1930 года).

КОТ ПЫРЕҢ СЫЙ – сойеп кораң сый. Айпин Дмитрий Петрович
(Митри-ики) ве́ди котың пухул волы. (До 1940 года).

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году здесь было
стойбище «Синко-пугол» Дмитрия Айпина юрта. 1 юрта
«парт-кат».

ПОПЭЛХЭН ЛИКУП – Айпин Дмитрий Петрович ве́ди кот волы.
До 1930 г.

ЛУККЫҢ СЫЙ – Лук сасыхкың сый. Сый лойекнэ Андри-ики
кот волы.

Айпин Андрей Петрович (Ыльпи) – до 1961–63 годы.
Тыт пы суралэх.

ЯР СЕДОГО (ЩИМКИН ЯР) – название недавнее. Здесь было
стойбище Айпина Ефима Андреевича (Щимка или Седой),
жил с семьёй до 1983–84 годов. Однажды во второй половине
семидесятых годов мы с Айпиным Виктором Романовичем
на моторных лодках заехали на стойбище. Щимка добыл
медведя и с членами своей семьи играют Игрище. Мы
присоединились, и участвовали в некоторых сценах.

ЫМЛЫҢ УРИ ПУХУЛ – Сойеп кораң ури. Тэм ури дыхпин Айпин
ях кул-войех кынччи пухул.

Дословно: *илистого урия стойбище*. Здесь внутри старицы до
1950 года было сойбище Айпина Андрея Петровича (Ыльпи)

и Айпина Романа Дмитриевича (Пакитя'ай). Здесь в 1948 году родился мой одноклассник Айпин Воктор Романович. Это нас директор школы-интерната Виктор Яковлевич называл «пахшивцами».

НАҢК ЮХИ КОТ ВОЛЫ – Юх чуккың сый алымпалык улэк онтнэ Сиңк оң йис ях йимың пухул. (Древнее кладбище. Около XVIII века).

Здесь невдалеке в шестидесятых годах похоронен Айпин Дмитрий Романович.

Вонт явун оң алымпалыкнэ йис ях Наңк юхи кот волы. (Здесь было стойбище в XVIII–XIX веке). Брѣвна одной из избушек этого стойбища сохранились до сегодняшнего дня, потому что она срублена была из лиственниц.

СОЛЬНИК – приёмный пункт на Ватьёгане, здесь было стойбище Покачева Петра (Петрушка) – дедушка Павла Ивановича, пра-пра-дедушка Кузьмы Михайловича. Здесь также жили ныне покойные Айваседа Максим Устевич, Покачев Михаил Павлович и Тылчин Ефим Антонович.

Сейчас здесь живут три семьи: Тылчина Ивана Антоновича, Айваседы Веры Николаевны (Вера-рыбачка) и Айваседы Юрия Андреевича.

Здесь несколько лет в начале 70-х Аганский рыбоучасток в качестве эксперимента устанавливал электрозапор для рыбалки.

Здесь в 80-х годах мы с моим сокурсником Шараповым Юрием зарабатывали на учебную сессию на сборе брусники.

СОРТЫҢ-УРИ-ПУХУЛ – иное название **ЕПАРКИНСКИЕ** – Епаркинские юрты сейчас нежилые

СОРТЫҢ-УРИ-ПУХУЛ – иное название **ПУХУЛ ОЛДЭҢ ЯВУН**

ПУХУЛ – стойбище Казамкиных. Сейчас они не живут на Агане, а переселились вглубь реки ПУХУЛ ОЛДЭН ЯВУН.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (ТЮЙТЯХАҢ ТЁТЫ') (*первое летнее стойбище*) – между первым и вторым озёрами на реке ТЮЙТЯХАҢ ТЁТЫ' ТЯХА. Стойбище существовало с 1993 года как весеннее и летнее. Потом, когда на бору построили отдельное летнее стойбище, эту стоянку несколько лет использовали как весеннюю.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (ТЮЙТЯХАҢ ТЁТЫ') (*второе летнее стойбище*) – Стойбище нашей семьи существует с 1994 года. С этого времени наша семья постоянно живёт здесь с оленями. Стойбище состоит из шести стоянок: две летних, одна зимняя, одна осенняя, две весенних – это стоянки, где построены бревенчатые постройки. Кроме того, есть ещё две весенних стоянки, где мы живём в чумах, и там построены только корали из жердняка.

Летнее стойбище сначала было возле озера ТЮЙТЯҢ ТО. А в 1994 году мы обустроились на бору напротив этого же озера, но ближе к реке ҢАЛКА ТЮЙТЯХА.

- Айваседа (Вэ'ла) Юрий Кылевич – это я,
- жена – Елена Фёдоровна,
- мать – Атени Соболевна (Хоплевна),
- брат – Казамкин Алексей (Дядя Лёша).

Семья Карымовых:

- Эдуард Романович (Рахимчанович) – зять,
- Тайна Юрьевна – дочь,
- Женя (Евгеша, Анет) – внук,
- Лена (Утулу) – внучка,
- Фёдор (Щётал) – внук,
- Слава – сын Утулу, мой правнук.

Семья Лады:

- Айваседа Лада (Лату) Юрьевна – дочь,
- Иуси Кольчу Тимофеевич – внук,
- Иуси Антон (Тоша) – внук,

- Айваседа Николай (Хопли) – внук,
- Туркова Александра Петровна – внучка,
- Турков Макар (Макале'ей) – внук,
- Турков Пётр Евдеевич – зять.

Семья Аэлиты:

- Сафиулова Аэлита (Ымчи) Юрьевна – дочь,
- Эльвина (Неңи) Наилевна – внучка,
- Рамис (Лами) Наилевич – внук,
- Данил (Танни) Наилевич – внук.

Семья Сёмы:

- Лялькина Сёма (Шомя) Юрьевна – дочь,
- Неттина Мария (Маня, Маруся, Катали) Андреевна – внучка,
- Лялькин Игорь – зять,
- Ликр (Альчи) Игоревич – внук,
- Атэй Игоревич – внук.

Здесь с 1996 до 2009 года была стойбищная школа.

До этого здесь было охотничье угодье наше (моей бригады, моего отца, его братьев и других родственников), и мы сюда приезжали на сезонную охоту.

Во второй половине XIX века здесь жил Вэ'ла Ваңкуде'ей. От него в бассейне реки Аган потомков не осталось.

В первой половине XX века здесь жила моя бабушка Неңи с родителями. Отсюда её сосватал мой дед Вэлла Калы. После смерти моего деда, она вместе с детьми вернулась сюда на свою родину к родителям.

Здесь похоронены: её отец Хэша (Мылы), Ывы – её тётка и старший брат (имя не помнит никто). Бабушка Ненги (Неңи) рассказывала, что раньше одна из невесток их рода была хантыйка по имени Ави (*девочка*). (Не являлась ли она родственницей того Капи, который жил на другом берегу Ватьёгана, на озере КАПИ ТЯХАҢ ТО?) Так вот, её тётку якобы называли её именем, только исказив её имя на ненецкий лад – Ывы.

Вблизи устья ТЮЙТЯХИ похоронен Иуси Кольчу Талавич, избранный на сходе 11 сентября 1924 года на Рэп-пугольском стойбище Сардакова Степана «старшиной варьявунских самоедов».

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (члена туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«...Знакомство с жителями стойбища прошло не совсем так, как мы предполагали. Вопреки моим опасениям, взрослые оказались добрыми и жизнерадостными, а дети – легко идущими на контакт. Последние даже попросили меня покатать их на плечах, а над моим замечанием: «Ребята, вы что, я же вам не олень», долго и дружно смеялись...

06.08.2011.

Утром светило яркое солнце. Юрий Кылевич предложил ребятам совершить небольшую экскурсию в находящийся за стойбищем домик. Художник так расписал этот дом, что местные жители стали называть его «полосатым». Когда первая группа уехала на экскурсию, мы глубоко задумались, чем же нам сегодня заняться. Кто-то напомнил, что мы ещё не посетили окрестные брусничные плантации и не поймали ни одной рыбки в близлежащих озёрах. Ребята тут же распределились: девочки направились в лес, а мальчики в сопровождении Сергея – на берег.

После возвращения группы из «полосатого» домика, мы с Юрием Кылевичем, Верой Алексеевной и двумя мальчиками собрались навестить оленьи пастбища и берега Вать-Ёгана. Юрий Кылевич сказал, что в последнее время там нетрудно встретиться с браконьерами. Конечно, мы как всегда хотели не спеша найти фотоаппарат, тетрадь и ручку, переделать уйму дел и только тогда сесть в машину... Но после короткой команды Юрия Кылевича мы влетели в старенький «уазик» пулемётной очередью, на ходу поправляя ремни и зашнуровывая ботинки. Машина сорвалась с места, оставив за собой клубы газов, а мы все, кроме Антона, – уж он-то за 20 лет к этому привык, – дружно полетели на пол. Всю дорогу нас бросало из стороны в сторону. «Уазик» до неузнаваемости преобразился, словно из обшарпанной серой машины превратился в гоночный автомобиль. Мне оставалось только удивляться тому, что Ваня с Витей умудрялись каким-то невероятным образом спать сном младенца при такой бешеной тряске.

...Проехав таким образом полтора часа, мы увидели огромных размеров кораль. Следы чужих машин показывали, что через кораль кто-то проехал.

– Я буду вешать таблички, – сказал Юрий Кылевич, – а если и тогда будут ездить, то придётся заколачивать ворота. Ведь у этих людей такая психология – если написано «нельзя», значит, надо обязательно это сделать...

Оленей я увидела не сразу. Сначала показалось, что в тени лежит огромная куча дров. Лежит и странно шевелится. Оказалось, что это шевелятся олени рога. Вот это да! Издалека их даже не отличить от веток.

Оленей было много, но Юрий Кылевич сказал, что это только половина стада. А другая половина ещё где-то бродит.

Конечно, олень, вышедший за пределы коралья, может войти внутрь. Специально для этого некоторые фрагменты ограждения сделаны в виде воронок. Жерди воронок направлены острыми концами внутрь коралья. Очень хитро придумано.

Обедали на природе, возле небольшого озера с чистой, прозрачной водой. В зеркальной глади озера отражались белые перистые облака, и в то же время было видно песчаное дно. Этот пейзаж так и просился на картину. Жаль, что я не профессиональный художник.

По дороге домой мы подобрали каску нефтяника. Хорошая каска, почти новая. И зачем её выбросили?

На этом, думала я, поездка закончилась, но оказалось, что Юрий Кылевич – заядлый грибник. За три часа мы собрали две большие коробки моховиков и подберёзовиков.

...В стойбище мы вернулись к вечеру...

09.08.2011.

Утро началось не с зарядки, но пока ребята собирали рюкзаки и грузили их в машины, они уже успели размять мышцы.

Дежурных никто не назначал, и поэтому над большим котлом с нашим нехитрым завтраком «колдовала» половина группы.

Возле костра по-прежнему стояли любители погреться, но шуток и смеха слышно не было, словно у одного огня собрались совершенно незнакомые люди. Мне было вполне понятно настроение ребят. За эти четыре дня, проведённые на стойбище, его хозяева стали для нас почти родными. Ещё вчера никто и не допускал мысли о том, что наступит такое время, когда нам придётся проститься с этой радушной семьёй.

...И вот это время наступило.

У каждого на душе были невысказанные слова благодарности и признания, которым было суждено никогда не прозвучать вслух. Кому их скажешь? Не скажешь взрослому, потому что он всегда занят. Не скажешь другу, потому что знаешь – он чувствует то же самое. Не скажешь это и хозяевам, потому что слова вырываются тогда, когда лица этих людей уже скрываются за поворотом. Сейчас, пока мы ещё не уехали, самое время сказать то, что вот уже целое утро не даёт нам покоя.

...Но почему-то все молчат, отрешённо глядя в огонь.

Молчу и я...

Я до сих пор отчётливо помню, как мы захлопнули за собой двери машин, а у костра взметнулся лес рук. Мы тоже махнули в ответ, и даже, кажется, улыбнулись чьей-то шутке – жалобной и неловкой... А потом, чтобы хоть как-то отвлечься, стали смотреть на летящую за машиной белую птицу с длинными крыльями...

Если спросить ребят сейчас про эту птицу, они наверняка ответят, что даже не запомнили её, но я-то знаю, что это не хотела расставаться с тайгой, и всё же догоняла меня моя душа».

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (зимнее стойбище) – Первая избушка была построена в 1994 году. В 1995 году наш зять Карымов Эдуард построил избушку и баню. В 1996 году построена ещё одна избушка, будка для электростанции, два лабаза и навес для нарт и снегоходов. В 1998 году была построена школа. В 2000 году Кольчу с мамой построили себе домик.

Летом 2012 года стойбище сторело во время летних пожаров.

Художественное отступление (из книги «Азбука оленевода»)

УТРО ПЕРВОГО НОЯБРЯ

(один день из жизни стойбищной школы)

Белые снежинки, покружившись в воздухе, легко ложатся на конуру собаки, на капот снегохода, на нарты, на жерди кораля, на широкие спины взрослых оленей и на белое пятнышко на лбу самого маленького олененка по кличке Нямпалата (Широколобий). Другие, более крупные оленята, бегают, резвятся, пробуют сталкиваться меж собой лбами, а Нямпалата стоит в сторонке от всех и с удивлением понимает, что в мире что-то опять изменилось.

Сначала (когда он родился) мир был теплым и мокрым, было очень яркое солнце, были отдельные пятна серого липкого снега, были теплые проталины, и рядом была мама. Но мама была недолго. Всего семь дней. Потом ее не стало.

После смерти мамы снег растаял совсем, появилась пахучая зелень, но на душе был холод, и не было желания жить.

Но однажды, когда Хозяин с Хозяйкой пригнали на стойбище стадо, в котором Нямпалата уже научился не отставать, и быть вблизи самого большого Черного Кастрата, потому что здесь его никто не обижал; он впервые услышал странный звук, странную звонкую трель, и сразу, детский смех, из распахнувшейся двери самого пестрого и нарядного жилища, по крыше которого когда то прошагал Великан, оставив свои следы, и новое протяжное слово «Ка-ни-ку-лы-ы-ы!».

Они выбежали наружу из Школы и сразу – к оленям. Их называли Детьми. И если появление Хозяина всегда настораживало – у него была длинная рука, которую он умел укорачивать, сматывая кольцами, или молниеносно выбрасывал и выхватывал из стада любого оленя, Дети вызывали к себе доверие. От них пахло по-разному. От

старшего – Жени, пахло книгами и тетрадями. От Утулу пахло тряпочками, бисером и куклами. От Кольчу пахло песком, травой и мазутом. От Тоши пахло березовыми листьями от подстилки для обласа и древесными стружками. От Федора пахло рыбой и мамой. А от Хопли пахло всем сразу: песком и мамой, ягелем и железками, дедушкой и бабушкой, сушеными грибами и хлебными сухарями.

И с их появлением мир вокруг становился бездонным, великим и прекрасным. И незнакомое слово «Каникулы» обретало конкретный, понятный смысл...

И вот сегодня, как в день рожденья, снова вокруг удивительный мир. Снова снег. Но если весной небо было ярче снега, то сегодня – осенью, наоборот – тусклое небо и очень яркий снег и совсем не хочется стряхивать снежинку со лба. Потому что первая снежинка сегодня олицетворяла Солнце, предчувствие Зимы и начало нового Учебного года, который пришел на стойбище не первого сентября, а с опозданием на два месяца.

Но опять прозвенела медная трель. Опять Нямпалата с предчувствием оглянулся на дверь стойбищной школы. И через несколько секунд со смехом на улицу выскочили Дети:

– Перемена!.. Большая!.. Олени пришли!.. Нямпалата!..

И Нямпалата улыбнулся, это уже было, это было так знакомо!

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (*второе зимнее стойбище*) –

Построено в 2007 году. При стойбище построен кораль в окружности четыре километра. Сюда мы загоняем оленей осенью, пока снег мелкий. Как только снегу становится больше, мы оленей выпускаем на полувольный выпас.

Здесь построено три жилых домика, школа, банька, навес дя нарт, лабаз. Заготовлен материал ещё для одной жилой избушки и для вещевого лабаза. Из списанного материала с нефтяного месторождения устроена будка для электростанции и будка для инструментов и запчастей для *Буранов, УАЗИКов, бензопил, электростанций.*

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (*осенне-весеннее стойбище*) – Построено на болоте в 1993 году. Четыре или пять лет мы его использовали как осеннее стойбище, сюда осенью мы собирали оленей, а потом мы его использовали только как весеннее стойбище во время отёла.

Кроме того у нас были ещё две запасные весенние стоянки с королями, где мы держали оленей во время отёла с чумом.

В качестве дополнительной информации я привожу статью из журнала, которая была написана на этом стойбище:

журнал «Северные просторы»,
1996, № 3–4 сдвоенный, с. 59–60.

Наталья Новикова

НГЭМ 'ТЕР – СОДЕРЖИМОЕ ЗЕМЛИ

«Ну как ты ходишь? Становись легче и не будешь проваливаться», – говорили мне, смеясь, ненцы, когда я часто утопала по пояс в снегу на весеннем стойбище.

Легкая походка – не только метафора, это принцип их отношения к земле.

Так же часто как на небо люди здесь смотрят за землю, на следы. По ним могут определить характер человека и зверя. Это как бы весточка от одного к другому. Зимой о тебе на стойбище все знают по следам: что делала, куда ходила. Когда хозяйка сказала мне об этом, я сначала удивилась, а потом и сама стала посматривать на знаки на снегу. Вот прошли олени, вот какой-то зверь, вот птица. С годами я поняла, что может быть основной принцип их культуры – «не наследить».

«Северяне» по-ненецки – «нгэм 'тер», дословно – «содержимое Севера». Именно так себя воспринимают и ненцы, и ханты, и другие народы. Они живут не над землей, природой, а внутри нее, и, если сохраняют традиционный образ жизни, навредить ей не могут.

Мы каслаем на зимнее стойбище. Дорога дальняя – 110 километров от поселка. Вдруг проводник останавливает снегоход, прыгивает на землю, показывает песок на снегу.

– Чем пахнет?

– Бензином.

– Нефтью, а потом снег растает, и ягель тоже будет пахнуть нефтью.

Кажется, что качалки совсем далеко. Сколько же земли вокруг покрылось этим нефтяным песком. Здесь много подобных следов. В нефтяных городах, таких как Нижневартовск, даже по небу как будто тянется серый длинный след.

Дороги – это тоже след. Вы замечали, вездеходы почему-то не ездят по одной колее, чаще всего они пробивают себе новые и новые дороги. Водители даже не задумываются, сколько они портят земли...

Мы каслаем дальше, и я вижу: моих знакомых интересуют другие следы. Сколько раз замечала, как легкий ненец остановится, увидев след какого-нибудь зверя, отцепит нарту и с ружьем кинется за зверем. На то они и звери, чтобы оставлять следы. Люди – совсем другое дело. Одна моя подруга ханты рассказывала, что бабушка ругала детей, когда они, играя, падали на спину в снег и оставляли после себя след. Она говорила, что через него тебе могут навредить другие люди. Ведь зверь оставляет след, по которому охотник его находит. Так может случиться и с самим человеком.

Хорошо бы, чтобы наши следы не принесли нам вреда. Думаем ли мы об этом? Почему не можем, как ненец или ханты, почувствовать боль земли.

В Норвегии саами – Том Ульсен пригласил меня на свою ферму. По интерьеру дома, технике, которую он использует в работе, он ничем не отличается от городских жителей. Но когда смотрит на свои горы, лес, неторопливо говорит о земле и политике, больше похож на аборигена, чем на нас. Хотя бы просто тем, что живет на земле и от земли. Когда разговор зашел о проблемах кольских саами, Том сказал: «У вас с земли содрали кожу, поэтому люди так плохо живут».

Аборигены чувствуют физическую связь с землей, она для них живая. Не случайно, в их священных мифах земля растет, увеличивается. А Уральские горы как бы ее опоясывают. Есть места, как рассказывали манси, где,

если стукнуть сильно по камню на земле палкой, появится кровь.

Аборигены нужны этой земле как звери и птицы, но и она очень нужна им, поэтому они во всем следуют природе, а не нарушают и не пытаются изменить ее, здесь «олень всегда прав». А человек идет за ним, иногда даже не идет, а только думает, “мысленно пасет оленей”, ведь животные эти знают, где им нужно кормиться, где отдыхать, когда идти домой. Олени очень традиционны, они не любят новых дорог, и, запряженные в нарту, гораздо быстрее бегут домой, чем куда-либо.

Для оленя много значит дорога, колея. Мне рассказывали случаи, когда они далеко уходили по новой колее от дома, не зная, куда она их приведет. Поэтому для стойбищных людей важно правильно подъезжать к стойбищу: с той стороны, где ходят олени, люди стараются лишний раз не ездить.

Мы подкочевываем к владениям самого богатого оленевода округа – Олега Панчиевича Айваседы. 20 лет назад у него было два оленя, а сегодня около 500. Он обустроил уже третье стойбище: с двух предыдущих его вынудили уйти нефтяники. Стойбище большое, живет на нем пять семей и земли, кажется, много. Но это на границе Ямало-Ненецкого округа, и уходить ему уже некуда, а нефтяники все теснят и теснят со всех сторон. На родовых угодьях разбросана техника от разведочных работ, и убирать ее никто не собирается.

Мои друзья живут в лесотундре, где деревья и боры не заслоняют неба, и самое прекрасное здесь – простор и ветер, он выдувает из головы суетные городские мысли. Людских следов нет, озеро – словно белое зеркало. И вдруг коричневые ржавые бочки. Олег Панчиевич объясняет – работали геологоразведчики, они ушли, а железо осталось, теперь уже навсегда, никому оно не нужно.

Нефтяники здесь уже лет пятнадцать. А когда начинали бурение, семья Айваседы только приехала в эти места.

«Мы тогда относились к рабочим нормально, пусть работают на здоровье. Думали, земля большая, а она оказалась маленькой. Однажды на озеро вертолет прилетел, они на охоту пошли и наших оленей убили, а ведь мы их предупреждали.

В тот раз мы у них мясо забрали, но теперь они прилетают на вертолете или на машине подъезжают прямо к озеру, бьют наших оленей, рыбачат на наших угодьях».

Вертолет не оставляет следов на земле, но он оставляет след в сердце тех людей, у кого с этого вертолета убили и увезли оленей...

Олег Панчиевич Айваседа хоть и считается самым богатым оленеводом, живет скромно. Питается семья в основном мясом и рыбой. Но рыба здесь не очень жирная, а сырую кровь, которая испокон веку давала силы (по-европейски – витамины) ненцам, теперь пьют немногие, отучили интернаты.

Вообще уровень благосостояния ненецких семей определить сложно. Богатство – это олени. Ведь пока у человека есть олени, у него есть будущее. Богатство – это сказки и загадки. Их знают много. Нескучная жизнь – это тоже богатство. Именно она привлекает многих на стойбища. Мои друзья говорят: «Добрые ненцы кочуют, в деревне сидеть неинтересно». И, конечно, богатство, это речь – певучая плавная, даже когда они говорят по-русски.

По европейским меркам у аборигенов низкий материальный уровень, и мне очень хочется, чтобы, не потеряв своего богатства, они приобрели то, что должны иметь люди в конце XX века. Как это сделать?

Аборигены живут среди людей, у которых другие представления о богатстве и другие жизненные цели. Техногенная цивилизация предлагает все новые способы использования природы, но становимся ли мы от этого богаче? А, может быть, людям придется дорого платить за то, что сделали. Мы все копаем и копаем эту землю,

Мы сравниваем разливы нефти с лесными пожарами или ядерным облучением и рассуждаем, что опаснее. Мы уже смирились с тем, что нам не жить в чистом мире, на чистой земле, не дышать чистым воздухом. Мы не только врываемся в землю, мы и друг друга расталкиваем локтями, нам тесно на земле...

Я давно езжу на Север в экспедиции. Это не прошло для меня бесследно. Я разлюбила срезанные цветы и полюбила

лес. Я больше стала задумываться над своими словами и хотя в стремительной жизни города неторопливый северный стиль удержать трудно, я все же стараюсь сверять свои поступки с их жизнью и часто, рассказывая об аборигенах, говорю «у нас» не только потому, что это этнографический сленг, а потому, что след их культуры лег прямо на середину моей души.

Когда прошлой зимой я улетала со стойбища, вертолет так наклонился, что деревья оказались и сверху, и снизу, а я – как бы внутри, может быть в ту минуту, и я стала “содержимым земли”.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (*запасное зимнее стойбище*) – Построено возле реки **ТЫТЫНСАМЫ ТЯХА** в 1997 году. Здесь был моховый домик и пристойбищный кораль. Стойбище использовали недолго, оказалось, что мы место для него подобрали неудачное.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (новое весеннее стойбище) – стойбище построено летом 2011 года (избушка и кораль). Использовали только одну весну. Летом 2012 года сгорела во время летних пожаров. Жалко, хорошее было место. Но сгорело не только жильё для людей, сгорело и пастбище – большая площадь.

В августе-сентябре 2012 года восстановлено другое стойбище на живом ягельнике. Построены избушка и пристойбищный кораль. Перегоним сюда оленей в марте или в апреле 2013 года.

Мне кажется, место для этого будущего стойбища я выбрал не совсем удачное, но просто пока больше некуда. Ведь во второй половине зимы куда-то надо их перегонять, иначе в марте-апреле они останутся голодные. А если в это время они отошают, то во время весеннего отёла будет большой падёж новорождённых оленят. А если будет большой падёж, то все хищники с округи соберутся вокруг нас. Тогда трудно станет и здоровым взрослым оленям.

Поэтому на будущий год всё равно надо где-то ещё строиться...

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (*весеннее стойбище с «полосатым домиком»*) – необычный домик для оленевода спроектировал студент Центра одарённых детей ХМАО – Югры Тарас, его преподаватель Александр Семёнович Пономарёв.

Через год четверо студентов со своим преподавателем А. С. Пономарёвым и трое моих внуков – мы воплотили этот проект в жизнь, построили домик на весеннем пастбище, а девочки-дизайнеры расписали его. Потом мы прозвали его *полосатым домиком*. Сейчас зимой собираемся перевезти его на новое место и снова обновить краску, строить пристойбищный кораль для сбора оленей по утрам.

СТОЙБИЩЕ-НА-ТЮЙТЯХЕ (*ранне-осеннее стойбище, или домик Аэлиты*) – Здесь мы иногда ночуем во время гона, чтоб быть поближе к оленям и охранять их покой от ЛУКОЙЛОВских браконьеров.

ТАГРИНКА – Тагринский вахтовый посёлок нефтяников
Варьёганнефтегаза.

ТЫРЛИНСКИЕ ЮРТЫ – то же самое ЙИМЫҢ УРИ ЯХ ПУХУЛ.
Дословно: *стойбище людей священного урия.*

ЙИМЫҢ УРИ ЯХ ПУХУЛ (таёжная сторона) – здесь жили в XX
веке:

- Тырлин Сидор,
- Тырлин Михаил Сидорович,
- Тырлин Иосиф Сидорович,
- Тырлин Ефим,
- Покачев Владимир Ефимович.

ТЯ'ПТА ТЯХАҢ МАЛҢ НИСЫ – Стойбище Айваседы Олега
(Ңотлю'ма) Панкчевича. Сейчас здесь живут его сыновья:

- Айваседа Эдуард Олегович с семьёй,
- Айваседа Фёдор Олегович с семьёй.

До них здесь было охотничье угодье нашей бригады,
и здесь мы с Айпиным Виктором Романовичем построили
охотничью избушку.

После нас здесь на бору ЧОНЬ' ТИҢ было зимнее
стойбище Иуси Аули и Айваседы Ңотлю'мы. После того, как
бор сгорел, их дети переселились. Дети Ңотлю'мы – ближе
к Ватьёгану, а дети Аули – на вершину Хаплиуты.

На этом стойбище в 1990 году побывала директор
регионского музея Сподина Виктория Ивановна. В те годы
она только начинала изучать жизнь лесных ненцев.

Здесь в начале XX века жил Иуси Каңки. Обломки его
лабаза ещё можно увидеть на бору ЧЫН ТИҢ.

А лабаз Иуси Майсу стоит возле Хаплеуты на маленьком
борике, где когда-то в первой половине XX века было его
стойбище.

ХАПЛИЊУТЫ МАЛ ЊИСЫ – Стойбише летнее Иуси Аули Кольчевича. Сейчас здесь живут его сыновья:

- Иуси Алексей Аулевич,
- Иуси Виктор Аулевич.

Внук:

- Иуси Никита Алексеевич.

И баба Рая – жена Аули Кольчевича.

Раньше здесь было охотничье угодье нашей экспериментальной бригады. Одна из наших избушек была на соседнем бору ТЕТ ТЫЛАПЫ ТИЊ. Она стоит там до сих пор. Построил её Франчески Юрий Игоревич – научный сотрудник ВНИИОЗ, член нашей бригады.

В начале XX века здесь жил Иуси Майсу. Его лабаз ещё можно увидеть.

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«Дорога ближе к зимовью Аули становилась всё сложнее. Сплошные кочки и нескончаемая тряска вымотали вконец. Одолевала тошнота. Общую картину дополнял морозный ветер, пронизывающий растрёпанную голову и оголённую шею. Казалось, от сильной боли в висках я потеряю сознание. Щеки давно были практически отморожены. В какой-то момент я потеряла чувство времени и реальности, словно чужое незнакомое тело раскачивалось из стороны в сторону.

Мороз и ветер усиливались. Небо приобрело зеленоватый оттенок. Чтобы хоть как-то расшевелить, меня начали сбрасывать с нарт. Вынужденное движение согревало, но лишь на мгновение. Мы стали останавливаться всё чаще. Первый снегоход ушёл вперед пробивать дорогу.

Что делать? Сил ехать дальше не было. Пальцы рук свело от холода. Хотелось спать. Тело перестало повиноваться. Чтобы хоть как-то унять боль в висках, обмотала голову мешком. Ноги не слушались и сползали под полозья. Всё чаще наступало забытие, становилось теплей и спокойней. Только изредка сильный удар о кочку на миг возвращал сознание. Я поняла, что замерзаю. Сколько так продолжалось,

не знаю. После очередного забытья очнулась от лая собак, доносившегося как будто из-под земли.

Приоткрыв глаза, увидела небольшое стойбище. Скорее почувствовала, что здесь находится жильё человека. Ночью в тёмных силуэтах трудно угадать навес для морд, лабаз с утонувшими в снегу ножками-сваями...

Где-то внизу, в сугробе, то загорался, то пропадал слабый лучик света. Собрав последние силы, перебросила руками через сиденье снегохода ноги. Долго, казалось вечность, принаравливалась, как сойти, а ступив на землю, вскрикнула от острой боли, словно отточенное острие стрелы через пятки прошло сердце. Шаг за шагом, стиснув зубы, цепляясь за деревья, дошла до жилья. В темноте нащупала низенькую дверь. Не сразу смогла согнуться, чтобы войти. Аули и Рая пытались разжечь огонь. Здесь тоже не было дров. Я свалилась на промёрзшую раскладушку. От заиндеветых стен тянуло всё пронизывающим холодом. По бревнам свисали жёлтые сосульки.

Мне казалось, что я это вижу не глазами. А каким-то своим вторым «я», которое идёт со мной рядом. Зашатался пол, перекошились стены, потолок тяжёлой глыбой сдавливал дыхание. Чувствую, как с чьих-то ног стянули унты, разжали пальцы рук и сняли примёрзшие к коже перчатки. Господи, только бы не сойти с ума...

Очнулась уже утром. Приоткрыв глаза, увидела над окном рога оленя, на стенах вырезки из газет и журналов, поясные меховые сумочки. Сверху на мне лежала почти вся одежда, которую смогли собрать в доме. Хозяева спали на полу. Тихо потрескивал огонь. Лишь потом мне сказали, что я всю ночь стонала. Нужно ли было ехать в такую даль? Разве нет стойбищ в 30-40 километрах от Варьёгана? Но всё же я была счастлива. И от того, что выжила, но в большей степени от того, что встретила настоящих друзей...

Аули то и дело напевает свою песню. Мелодия хорошо запоминается. Кажется, будто ей вторит бубен. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. Её звучание было ровным, голос мудреца – лёгким, слегка гортанным. Она не мешала мыслям Аули. А в голове старого человека много

дум. Может быть, столько же, сколько деревьев в этом бору, сколько рек и озёр на этой земле, где испокон веков охотились и пасли оленей его предки.

Иногда песню пытался подхватить кто-то другой, и тогда Аули сердится: «Не так поёшь». О чём же твоя песня, Аули?

«Однажды Мальчевку в дом к человеку пришёл. Оказалось, у того было что выпить. Поставил он гостю поесть и попить. И охмелели оба. Гость обратился к хозяину со словами: «Давай, я за оленей куплю у тебя спиртное». Получил ещё 10 бутылок, когда хмель прошёл, наступило время наста. Сказал Мальчевку хозяину: «Я сейчас домой приеду и приведу тебе то, что обещал – оленей». И уехал. Когда вскрылись реки, но лето ещё не насупило (время *вы'ну*), вдруг из-за реки раздался громкий голос: «Айда на эту сторону реки. Я твоих оленей привёл». Человек глянул на эту сторону реки и увидел, что в упряжи стоят три девушки и сзади нарт привязано десять длинноносых красавиц. У человека сердце *ушло* (испугался): «Ведь Мальчевку, когда уезжал, оленей обещал, а что мне делать с десятью девушками?», – подумал человек и не стал переправляться на ту сторону реки».

Странная песня... А рассчитана она на то, чтобы человек мог себе представить ситуацию, когда его олени вдруг стали людьми. Отсюда и отношение к ним, как к человеку. Но в этой песне есть и ещё один немаловажный момент – ненецкие времена года. Это у нас их четыре. А кто сказал, что их должно быть именно столько?

Ненецкий календарь действительно очень подвижен, и его трудно поставить в наши временные рамки...

Кстати, у ненцев также своеобразно и определение возраста: «возраст девушки белого шва» (17–18 лет), «достичь возраста поцелуя» (20–21 год), «когда первый раз самостоятельно пошёл на охоту» (15 лет), «когда впервые сел на оленью упряжку» (5–10 лет) и т. д. ...

Опять кто-то запел песню Аули. Она не надоедает. Поют её и утром, и вечером, слышна она то в чуме, то с упряжки нарт. Помимо воли замечаю, что пою её и я. Где-то в душе рождает она ощущение глубокой древности.

оживают лес и озёра, и дорога не кажется уже такой долгой и однообразной».

КУДИТ ВYҢ ҢИСЫ – Здесь несколько вёсен Иуси Аули и Айваседа Олег пасли оленей во время отёла. Одну весну и мы с ними здесь жили. Всего нас было:

- Иуси Аули Кольчевич,
- Иуси Раиса Никитична,
- Айваседа Олег (Ңотлю'ма) Панкчевич,
- Айваседа Людмила (Ңай'та) Кольчевна,
- Айваседа Юрий Кылевич,
- Айваседа Елена Фёдоровна,
- Карымов Эдуард Рахимчанович,
- Каримова Тайна Юрьевна,
- Карымов Женя,
- Каримова Лена.

ЧИСТОБОРСК – Посёлок лесорубов 70–80-х годов. Сейчас нежилой.

ЩЕДЯЛҢ НЯ'АВ ТЁТЫ' – дословно: *родовые места (стойбища) на устье Щедял*. Здесь издавна жили Иуси (Исуши, Тюхуши, Тивши). В начале двадцатого века жил Илюка (Илюко), здесь же на другом берегу Ампуты родовое святилище (его сейчас называют «Святилище Илюко» – *Илю'каң кайта тя*).

В 1976 году в поисках глухаря, я случайно набрёл на заметный бугор (около 25 метров высота его), взобрался на самую вершину и оказался на небольшой песчаной полянке, окаймлённой могучими соснами, в ветвистых кронах которых просматривались на фоне огненного предзакатного неба, почерневшие от времени и от стихий, замшелые оленье рога. Я предположил, что попал на некое святилище, сгрёб из кармана случайно оказавшиеся там монеты, рассыпал их веером перед собой из ладони, которой я описал дугу по солнцу от восхода в сторону заката, выпалил мысленно

скороговоркой заклинание и покинул это место. Говорят, будешь специально искать святилище, ходить кругами, здесь где-то, но не найдёшь. А если на святилище попадётся случайно, как я, из того, что есть с собой, совершишь обряд жертвоприношения, вслух ли, мысленно ли, выразишь своё самое заветное желание – оно обязательно исполнится... Так я стал профессиональным государственным охотником. Я с раннего детства считал, что самая почётная работа – это работа охотника-промысловика, и я мечтал о ней.

Недалеко западнее жили Тяай, Кольчу и Оны (один из моих прадедов), южнее – Пеналю и Пичча, ещё южнее Начу и Туль, и западнее – Акки. Севернее Илюки кочевали Майсу и Каңки.

В 60–70-х годах здесь жили дети Кольчу – Аули и Альта, южнее – сын Пенелю – Ойся. А ещё южнее обитали сыновья Начу – Импи (Иван) и Николай (Налим). Дети Тяай – Элява, Атку и Иту (Иван) обитали в деревне на колхозных разных работах: Элява – присматривал за коровами и лошадьми, Атку со своей женой Нюсей (Айпапили) – были звероведами на лисоферме, Иту – после окончания краткосрочных бухгалтерских курсов, работал учётчиком-счетоводом, но настоящим бухгалтером он так никогда и не стал.

Сейчас в начале двадцать первого века здесь живут дети Альты – Николай (Илюка), Мирон и Семён, Айваседа Борис Халович – зять Ойси; севернее – сын Ойси – Тыльу (Геннадий); а юго-западнее – внук Акки – Иуси Станислав (Лява).

Расстояния между всеми выше перечисленными бывшими и настоящими стоянками не более 20–30 километров, поэтому я считаю, что все эти люди из рода Иуси имеют отношение к центру ЩЕДЯЛҢ НЯ'АВ НИСЫ и к его святилищу и являлись между собой близкими родственниками.

Дополнительная информация:

Из дневника Даши (члена туристической группы из города Мегион, 2011 г.):

«...Когда завтрак был всё же приготовлен, оказалось, что проблемы с пешей частью нашей экспедиции всё-таки будут. Ребята никак не могли определиться: то ли они идут пешком 50 километров, таща на спине двадцатикилограммовый рюкзачище, то ли преодолевают это внушительное расстояние на машине. Проблему эту мы решили только тогда, когда прибыли на место отправления. Для многих сигналом к принятию решения послужил переход через полуразрушенный, наклоненный под углом 40* мост. Естественно, машина Юрия Кылевича была не в состоянии переехать по мосту на другой берег, а уж огромный автобус, привёзший нас, – тем более.

После обеда мы познакомились с нашим проводником – внуком Юрия Кылевича – Антоном, коренным жителем стойбища. Согласитесь, что небезопасно разгуливать пешком по тайге, где кругом болота, в которые запросто можно провалиться, а по ночам всю хозяйничает медведь... Но с Антоном бояться было нечего. Мы были твёрдо уверены, что он приведёт нас именно к стойбищу, а не в болото или в берлогу.

Собрав наши нехитрые запасы продуктов, мы отправились в путь. Те, кто не послушал совета Веры Алексеевны и не выложил из своего рюкзака лишние вещи, сразу отстали на полкилометра и всю дорогу плелись где-то в хвосте группы, сгибаясь под неимоверной тяжестью тянувших к земле запасных брюк и свитеров.

...По дороге мы два раза видели огромные звериные следы. Сергей сказал: «медведь», а Антон промолчал, потому что нельзя произносить это слово в тайге... Зато можно говорить просто: Чернолицый.

04.08.2011.

Стояло раннее прекрасное утро. Туман серой дымкой покрывал деревья и лежал на выкорчеванных пнях как прозрачная вата. Несмотря на то, что ночёвка была холодной, мы почти не замёрзли. Наверное потому, что спали у костра.

Дежурные подскочили ни свет ни заря и разбудили всех в 07:00, за два часа до подъёма. После плотного завтрака Сергей объявил новость, которая повергла ребят в шок:

– У нас появилась «крыса», – это в том смысле, что кто-то потихоньку таскает групповые продукты.

Мы очень удивились. Такого у нас раньше не встречалось, да и люди в группе честные. И уж тем более не станет этого делать наш проводник.

А дело вот в чём. Серёжа, взявший себе за правило просыпаться в пять часов утра и бодрствовать до самого вечера, пока мы спали, уже успел обнаружить под деревом кукурузу. И решил – кто-то ночью открыл банку и неплохо поужинал, а потом этому «кому-то» стало плохо (станет тут плохо: целую банку одному съесть!) и он успел добежать до ближайшего дерева... В общем ясно, что воображение у Серёги богатое. А когда он предложил поискать пустую банку, чтобы по аккуратности вскрытия выяснить, кто всё-таки посягнул на чужое добро, происходящее возле костра и вовсе стало похоже на игру в мафию.

Но тем не менее группа бросилась на поиски, потому что все знают – если Сергей говорит, значит так и было.

Банку искали долго и тщательно. Заглянули под каждый кустик и перевернули каждый пень. Не нашли. После часа безрезультатных поисков кто-то всё-таки подошёл к так называемой кукурузе, присмотрелся к ней повнимательнее, и мы услышали изумлённое восклицание: «Так это же... Это же горох!»

Грянул дружный хохот. Даже Антон улыбнулся...

Ах вот оно что! Вчера на ужин был гороховый суп! Видимо, ребята по понятным причинам горох не доели и высыпали под сосну...

Так значит, говоришь, «крыса» появилась!

Понятно, что Серёжа ошибся. И было бы смешно, если бы не было так грустно: в тайге подобные ошибки могут привести к очень печальным последствиям. А потому Сергею пришлось отжиматься, чем у нас частенько занимались провинившиеся мальчики...

Когда мастер-класс по отжиманию был окончен, мы не спеша взвалили на плечи свои рюкзаки и двинулись дальше. Сергей с Антоном быстро задали тон нашему марш-броску: они сразу же скрылись из виду, как будто к их рюкзакам были

привязаны реактивные ракеты. Оставшаяся в недоумении группа пыталась их догнать, но – куда там! – они словно и не замечали тяжести за спиной».

ТИТЯЛЕ'ЕЙ (на Ампуте) – если тебя ночь застала, то ночевать можно только в верхнем конце этого соснового ягельного бора. Говорят, в нижнем конце бора по ночам слышны *вздохи бывших людей*, живших здесь в предыдущие поколения.

Сейчас здесь центр Второго купола Западно-Варьёганского нефтяного месторождения.

В 1924 году осенью в нижнем конце этого бора было стойбище Иуси Начу и именно сюда прибыла тогда этнограф Митусова Раиса Павловна для изучения «варьявунских самоедов».

ЫСЧЕТКА-КОТЫҢ-СЫЙ или **ВАР-ЯУН-ПУГОЛ** – В 1920–21 году вымерли от эпидемии тифа. У Ысчетки на реке было два стойбища – **ВАР-ЯУН-ПУГОЛ**, что на таёжной стороне, напротив устья реки Варыҥ явун, и на тундровой стороне на 1Ң версты ниже устья Варыҥ явун.

Юрты Варь-еганскія – Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова) – Это так записано рукой А. А. Дунина-Горкавича. Это, вероятно, тоже стойбище Вэллы Ысчетки. Но откуда здесь приставка «(Попова)»?

По рассказам моей бабушки Неҥи на берегу Агана стоял купеческий лабаз-склад для хранения товаров, которые впоследствии обменивались на пушнину, мясо и рыбу. Со слов Дунина-Горкавича *Сай-Мынь-Рапъ-пуголь – (Попова)...* находится на *львомъ берегу р. Варьегана...*, кроме того далее сказано: *Противъ юртъ ширина рѣки Агана 60 сажень...*, ещё сказано: *Лѣтнiя юрты Поповы расположены на правомъ берегу р. Агана (высота берега 3 саж)...*

Я могу предположить, что купеческий лабаз-склад, вероятно купца с фамилией Попов, находился вместе со

стойбищем внутри бора на **КЫҢЛЮҢ ТЫХУНЛАМА** (брусничник Кыңлю), сюда одинаково можно подходить со стороны реки Аган и со стороны реки Варьёган. Здесь расстояние между реками около 300–400 метров.

Мы с немецким этнологом Штефаном Дудекк исследовали этот бор. Здесь мы насчитали 27 археологических памятников. Некоторым из них мы не смогли определить возраст.

Литературное отступление:

Из книги «ВЕСТИ ИЗ СТОЙБИЩА»

«...дед срубил на берегу Агана, возле устья богатой рыбной речки Варьёган, бревенчатый дом, чтоб не мёрзнуть больше в чуме. Потом переселились сюда остальные наши родственники: его братья, племянники, дети сестёр – так было основано наше стойбище, которое сейчас называется Варьёганом.

С высокого песчаного яра, на котором мы, дети, любили играть, хорошо просматривалось каменистое дно реки. Старики это место не любили, – водилась за ним дурная слава, но дед мой обосновал свой выбор тем, что отсюда было близко не только до соболиного урочища, но и до тундровых оленьих пастбищ, на этот яр раз в году приезжал русский купец с товарами. Правда, после смены царя, того купца уже никто никогда не видел, только, как воспоминание о нём, долго стоял одиноко на берегу чёрный бревенчатый сарай.

Сам дед продолжал больше кочевать с бабушкой по тайге, по тундре, а огромная семья его стала жить оседло. Стойбище разрослось, потому что сюда стали съезжаться другие семьи – ненцы, ханты; и в тридцатых годах здесь был организован колхоз с ясноокой голубоглазой школой; с тёплым магазином, за прилавком которого улыбался добрый продавец Данилин, вместо старого купеческого сарая, возле скрипучих ворот которого, словно настороже, всегда стоял чёрный деревянный идол.

Лик деревянного идола, продолжавшего сторожить теперь уже кооперативный склад с продуктами, навевал страх не только на нас, детей, взглядом своим предостерегая: «Не подходи, не пушу в сарай! Твои воровалища-загребалища сделаю деревянными! Твои убегалища-перебиралища сделаю деревянными!» Нужно ли было держать такого сторожа у ворот вместо собаки на цепи, вместо амбарного замка на кованом железном запоре? Наверное, да! Ведь наши-то лабазы с вещами и продуктами, те, которые в тайге и в тундре, и те, которые в селении, тоже не имели замков!..

Во время Великой Отечественной войны дед возглавлял комсомольское звено рыбаков, а зимой промышлял ещё и пушнину. Потом, спасая колхозное стадо оленей, был покалечен медведем.

Сразу же после войны в центре селения, на самом высоком месте, был установлен ветряк, питавший энергией телеграф и радиотрансляционную линию. Всею этой техникой руководила маленькая смешливая ненка Макуути. С весёлым загаром на лице, она машет рукой и что-то кричит вниз, нам, с недостижимой высоты голубого ветряка – такой из моего детства она навсегда запомнилась мне.

Одним из первых слушателей радиоузла стал мой дед. А когда завезли в наш магазин транзисторные приёмники, дед поручил бабушке сшить из оленьей шкуры специальный чехол для говорящего друга, «чтоб он горло не простудил», и во время кочевья возил его с собой на нарте, предохраняя от дождя, от снега, от ударов...

ЯВУРЬЯХ ТОЙ ПУХУЛ – дословно: *стойбище верховий Явурьяха*.

Здесь стойбище ныне покойного Сардакова Архипа – старшего сына Михаила Александровича. Сейчас на этом стойбище живёт его последняя жена Ольга с племянниками.

Выше этого стойбища на Егурьяхе живёт с оленями Айваседа Игорь Павлович со своей семьёй.

ПАВУЛТЫ ЯВУН КОНЫҢ ПУХУЛ – Кул павлилты явун. Утын ПАВУЛТЫ ЯВУН ЛОР коныңнэ Сардаков Ефрем Константинович (Ай Пулыли пах) вели кот тойял. Явун оң нумпалыкнэ Анчал (Сардаков Александр Никитович) тултых кот воды.

ВИНА ВЭРТЫ ЯВУН – дословно: *река для изготовления вина*. Вероятней всего здесь на хантыйском стойбище рода Сардаковых изготовляли самогон.

Дополнительная информация:

По записям Р. П. Митусовой, в 1923 году «...Еще за два дня до этого куда-то ездил Оонэ, старший рода Исуши. Оказывается, к остякам за водкой, вернее, за самогомом... В нижних юртах на р. Аганудби остяки научились гнать самогон и в тридорога перепродавать на север...»

Год среди лесного народа //
Вокруг света. – 1929. – № 11. – Стр. 13.

Вероятно, ей сказали по-ненецки «Ңахаң ңуп вяха» – *Агана один приток*, она записала как смогла, но достаточно похоже. И если учесть, что «два дня» езды, то очень вероятно, что мой прадед Оонэ ездил «за самогомом» именно сюда.

ПОГРАНИЧНЫЙ – вахтовый посёлок Пограничного месторождения. (Ноябрьскнефтегаз) на реке Айкаёган.

МОТЫЛИ – Железнодорожная станция возле Пограничного вахтового посёлка.

АЙКА (АЙКАЁГАН) – Железнодорожная станция на реке Айкаёган.

ЧУМПАС – Железнодорожная станция на реке Аган.

ВАТЬЁГАН – Вахтовый посёлок на Ватьёганском нефтяном месторождении (ЛУКОЙЛ).

НАРМА ЛҘОР ПУХУЛҘ – Здесь родина Айваседы Мачили и его сыновей Ауча и Оччаль. Ауча здесь и похоронен. Ненецкое название НАЛҘТАНЛҘМА – весновка, возле речки весновали с оленями, а к комарам откочёвывали к озеру, там продувается, меньше комаров и овода. На устье речки сейчас рыбацкая избушка Покачева Иосифа Ивановича. Здесь ещё недавно была землянка. В ней «бичевал» некий мужичок прибившийся с соседнего месторождения. Потом этот мужичок пропал без вести. Несколько лет землянка пустовала. Иосиф Иванович, когда стал здесь рыбачить, какое-то время пользовался этой землянкой. Но по ночам стали беспокоить привидения. И несколько лет назад он эту землянку разобрал. А в ста метрах построил себе рыбацкий домик, освятил его, принеся в жертву купленного оленя, и теперь в своей избушке по ночам спит спокойно.

НАЛҘТАНЛҘМА – Мачилян тёты'. На'шки һай'мяханай Мачиля пйя кычатай щелҘтамай купы'шаувтетай. Купы'шай хуса'ни'ша, кычати' Пящита лапкаң музейхана хинты.

НАТТАРМА – название хантыйское, но происхождение его от ненецкого, только сильно искажено. Ненецким названием сегодня никто не пользуется, но совершенно очевидно, что оно звучало так: НАЛҘТАНЛҘМА – *весновка, место весеннего стойбища оленевода.*

КОЛЭК ЯВУН – дословно: *река халея, чайки*. Здесь Сардаков Андрей Егорович построил себе стойбище.

Напротив, на другом берегу Егурьяха было стойбище его покойного отца Сардакова Егора Иосифовича.

КУЛ ЛОХУЛТЫТЫ ЛОР – На восточной стороне этого озера Сардакова Ивана Михайловича новое зимнее стойбище.

ТЯҢЫЛЫ (ТЯҢ ҢЫЛЫ) – дословно: *подземная* речка. Здесь рыбацкая избушка Иуси Генадия Ойсевича (Тыльу) (1980 г). Чуть ниже, на Пысуме, рыбацкая избушка Айваседы Бориса Халовича (1990 г). Ещё ниже, в полкилометре, избушка Иуси Акки (1950).

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«Полозья снегохода чуть не угодили в узкую извилистую речушку, петляющую под снегом и жухлой травой. Её название *Тяҥ ҥылы* – «Подземная». Ночью такое место особенно опасно.

Мы въехали в небольшой редкий лес. Небо украсилось звёздами, ветер утих. На повороте показалась довольно большая и крепкая избушка. Срубил её пять лет назад Иуси Тыльу Ойсевич. Здесь, в 40 километрах от Варьёгана, всегда можно остановиться, сделать привал.

Возле этой промёрзшей избушки я впервые за день путешествия сняла кумыш. По обычаю, в дом не заходят в меховой одежде. Так же поступают после захода солнца. Если по какой-то причине всё же необходимо занести малицу, кумыш или оленьи шкуры для постелей, их трясут у огня приговаривая: «Если у Тебя (т. е. у того, кто может спрятаться в одежде) есть вести (сказки), ты их огню расскажи». После этого, считают ненцы, сон будет крепким, спокойным, и этот Некто не помешает отдыхать страшными мыслями, кошмарами...

В котелке закипала вода. На стол собрали еду. Приехал и сам хозяин. Он был таким же крепким, как и его избушка. В 1989 году Тыльу вместе с мальчиком-сиротой, которого он взял на воспитание, собрал 12 мешков клюквы. Надеялись сдать ягоду да немного приодеться, купить патронов, еды. Сложил Тыльу мешки в одном месте, а сам пошёл охотиться. Слышит – вертолёт опустился у его избушки. Пока прибежал назад – ни мешков, ни вертолёта. Горько было Тыльу, да не так за себя, как за ребёнка, который мечтал о новой курточке и обувке. Где вы, люди с того вертолёта? Может, прочитаете эти строки и представите своего сына на месте этого мальчонки, и дрогнет ваше сердце. А может, и позднее раскаяние очистит ваши чёрствыи души.

За ужином разговор коснулся загадок. Вот некоторые из них: «Что это такое? Посреди озера росомашья спина и колышется и подпрыгивает?» (бубен и колотушка), «Кто царский подарок всегда с собой носит?» (хвост горностая). Кстати, благодаря белизне горностаи считался зверем бога

Торума. При виде убитого горностая женщинам полагалось закрывать лицо платком. Мясо этого животного нельзя есть собакам, так как они существа Нижнего мира. В противном случае, по народным поверьям, они могут усохнуть до размеров горностая».

ТАЛУШАТАҢ ТИҢ'КУ – Талушата родная сестра Ма'чалю, дочь Тяванку. Здесь на берегу Еганишки было её стойбище. А олени её весной уходили на болотину, которую ненцы прозвали ТАЛУШАТАҢ ВЫҢ ЛА'Т (ВЫҢ ЛОХОЙ, ВЫҢ ПЕН).

ХЫЛЫ МЯТ ТИҢ – Ысчеткаҥ хылы мят тиҥ.

ПАТЯТАҢ МЯТ ТИҢ (ҢЫСУҢЛАМА ТИҢ, ТОНЛУҢЧИ' МЯТ ТИҢ) – Калкос тонлунчи' мят чики тинт шелтамай, тытуҥ чики тиҥ нятаутехена мэма мэт. Патята тонлунчи' велв җамай, талям чики мят җамы' тёлша'т мяту'майга. Талям чики тиҥ не'ша' ПАТЯТАҢ МЯТ ТИҢмна пателштутонш.

Перевод:

Колхоз на этом бору для своих работников построил домик для ночлега, а на ягельнике олени отдыхают, чтобы завтра снова отправиться за колхозным сеном для коров и лошадей. А Патята был начальником тех колхозников, которые возили сено, и некоторые зимы жил в этом домике вместе со своей семьёй. Поэтому ненцы этот дом прозвали ПАТЯТАҢ МЯТ, а бор ПАТЯТАҢ МЯТ ТИҢ – *Патяты дома бор*.

НЕҢИҢ МЯТ ТЯ'ЛАМАҢ ТИҢ ХАЛҢЯ – Здесь, на берегу ТЯ'ЛАМЫ было последнее стойбище моей бабушки Неңи (Неңги). Колхоз для своих колхозников в 1949–53 годы организовал

строительство в деревне жилья, и моя бабушка переселилась в деревню. Я знаю, что неоднократно в её чуме собирались сказители и не только ненцы, но и ханты, и рассказывали друг другу сказки, былички, пели песни. Один год Иуси Тя'ай подселился здесь вместе со своим чумом, чтоб «сказки слушать». Здесь бывали со своими сказками такие известные сказочники реки Аган: Тяванку, Капитя'ай, Сям-Тойты-Ко, Паята, Икилы...

Но когда я писал очередную книгу, представил себе такую картину, которая могла произойти на стойбище моей бабушки Неңи (Ненги)...

Художественное отступление (из книги «Поговори со мной»):

НАИВЫСШАЯ ФОРМА ГАРМОНИИ

(побывальщина)

Сидят вечером на стойбище у чувала творческие люди и вслух рассуждают о жизни. Пьют уху ершовую, чай, кофе, морс клюквенный, а кто-то просто пиво в банке.

Еремей А. (писатель, депутат):

– Наивысшая форма гармонии?

Юрий Б. (художник):

– Да, для тебя лично, твоя наивысшая форма гармонии?

Юрий В. (оленовод, поэт) с хитринкой в глазах:

– Вот именно, как ты это для себя чувствуешь?

Еремей А.:

– Литература и политика. Любовь и ненависть...

Владимир М. (поэт) в тон ему:

– Весна и осень?

Юрий Б.:

– Свет и тьма?

Еремей А.:

– Да, да!.. Жизнь и смерть!

Геннадий Р. (художник), глядя куда-то далеко:

– Значит, «Война и мир»...

Еремей А.:

– Точно!

Юрий Б.:

– А у меня все начинается с точки, с точки на белом холсте.

Владимир М.:

– Конечно, любовь, но не ненависть. Вечная Любовь и вечная Весна.

Еремей А.:

– И любовь к ближнему? И любовь к врагу?

Наталья А. (офтальмолог), словно возражая и словно соглашаясь:

– Любовь к пациенту, любовь к профессии...

Юрий Ш. (старший автоинспектор РОВД):

– Когда водитель трезвый, машина исправна, дорога сухая, инспектор ГИБДД мурлычет песенку – разве это не гармония?

Татва Л. (сказитель, певец):

– Если ненец не вспомнил или не угадал ни одной загадки, о какой гармонии может идти речь...

Геннадий Р.:

– А творческие муки – разве это не форма наивысшей гармонии? Вот не пишется, и все тут. Мучаешься, мучаешься, и ничего не идет, и, кажется, – никогда не придет... И вдруг как солнце после ненастья! Сами к тебе в гости и Егор Большой, и Егор Маленький...

Николай Г. (фотограф), вспышка его аппарата то ли выхватила одного Геннадия Р., то ли всех сразу:

– А удачный кадр!..

Елена М. (преподаватель университета):

– Будто я на весенней стоянке из низкого окна выглядываю, как в кораль заходят олени и оленята, обходят кругом кедр, стоящий в центре коралья, улыбаются мне; и со мной мои студенты, и что-то самое главное им говорю в этот миг. Пока не знаю что, но вот-вот узнаю...

Татьяна Ю. (редактор газеты, поэт):

– Лететь, лететь хочу, как в снах далеких детства,
Когда доступно все – и мудрость, и грехи...

Раскинул руки – и полетел!.. И неважно, от чего оттолкнуться: от асфальта, от травы, от песка, от воды...

Юрий В.:

– Если бы я был художником, то это была бы картина. Нет, триптих. В левой части Круг – форма бесконечности. Мой мозг отказывается воспринимать прямую, уходящую в бесконечность, или арифметическую прогрессию. Мне все кажется, что где-то там конец должен быть. А круг – вот он, я его вижу, осознаю, что это одна из форм бесконечности... В правой части триптиха – Хаос. Как его изобразить, в какой форме – не знаю. Но все заканчивается хаосом, и все начинается с хаоса. В средней части триптиха я изобразил бы Дворец бракосочетания, перед дворцом толпа свадебная, и над толпой в центре возвышается голова Невесты. Невеста выше всех на целую голову!..

Елена В. (жена Юрия В.), на секунду прервав шитье:

– Выходишь в дорогу, и дождь начинается – значит, к удаче. Хорошо!

Ненги В. (бабушка Юрия В.), улыбаясь в морщины:

– А если шнурок на обуви развязался – еще более к удаче...

И бабушка Ненги стала рассказывать сказку о девушке, у которой в пути развязался шнурок, а завязать его по условиям сказки нельзя было. У русских похожая сказка есть – «Морозко», а у скандинавских народов – «Снежная королева». Через верхнее окно в избушку заглядывали звезды, в чувале трещал огонь, голос бабушки Ненги рисовал в сознании слушателей одну картину за другой.

Кое-кто стал засыпать, превращая эти картины в сон, а ближе к концу сказки уснули все.

Бабушка Ненги поднялась, тихо сходила на улицу, накормила на ночь собак, вернулась. Все спали, в чувале догорал уголек.

Ненги В., тихо самой себе:

– Когда в одной избушке безмятежно спят и политик, и художник, и врач, и оленевод, и ученый, разве может быть что-то выше такой гармонии!

НЕҢИҢ ТИҢ'КУ (НЕҢИҢ ТЫТЫВС) – ТЯ'ЛАМАҢ кавхана
җайта тытывс. Здесь однажды стоял чум моей бабушки Неңи
(Ненги).

НЕТЯ'КОТИҢ ТИҢ'КУ – здесь несколько могил, кроме могилки
Нетя'коти, здесь кладбище. А когда-то здесь было её
стойбище.

МАТЮҢ ТИҢ'КУ – здесь сейчас могилка его. А когда-то тут
стоял его чум, лаяли собаки, паслись олени.

СВЯТИЛИЩА

ТЯҢ МАХА (ТЯ-МАХА) – дословно: СПИНА ЗЕМЛИ, ХРЕБЕТ ЗЕМЛИ – водораздел Сибирские Увалы. Ханты называют Сибирские Увалы – МЫХКЫН КУТ ЙЕНЫК – дословно: МЕЖЗЕМЕЛЬНАЯ ГРИВА, ГРЯДА.

Здесь обитает главное божество ТЯ-МАХАҢ-ЩЕЙЩИ – *Хозяин Спины Земли без Сердца (Бессмертный)*. Кроме того есть другие боги. Например одного из них зовут ТЯ'ЩИ' МАЛҢ ЛЭ'ТПЕТА, ВЯП ВӘ'КУ – *Сторожащий Спину Земли, Мужик Удачи*.

Сибирский Увал длинный! Там, где Сибирские Увалы упираются в реку Казым – КАСАМ ПУ'ША – *Хозяйка Казыма охраняет всё западное пространство Увала и следит, чтоб оленеводы никогда не уставали каслать*. На озере НУМ ТО – Нум лэ'тпёта НУМ ВӘ'КУ – *Охраняющий Небо, Мужик-Небо*. В верховье Надыма – НЯТЭЙ ВӘ'КУ – *Покровитель Ягелей (Ягеля, мхов, грибов)*. В районе ШИПУ МАЛҢ ВЫҢ парит в небе ТЯ'ПТУ КӘХЕ (ЧУ'ВЫТЯ'АЙ, МУНУ'ТА) – *Божество, охраняющее здоровье и жизнь маленьких оленят*. А восточный конец Увала – *сторожит от врагов, которые когда-то приходили с реки Таз с войнами*, – МУ'ЛУ СОХО ВӘ'КУ.

Кроме того вдоль Сибирских Увалов множество семейных, родовых святилищ.

МОЙ КОММЕНТАРИЙ:

Мой читатель!

В самом начале, когда я начал собирать информацию о географических названиях в бассейне реки Аган, меня попросили выступить на заседании Общественной Палаты на тему о Святилищах. В это время Окружная Дума только что приняла Закон о Святилищах.

Во время подготовки моего выступления почти одновременно загрипповали моя жена Елена и дочь Тайна. Они проходили курс лечения в Варьёганском ФАПе

и в Новоаганской больнице. За короткое время обычный грипп у обеих превратился в бронхит и в астму. Я воспринял это как Знак, и на заседании Общественной Палаты отказался озвучить список святых мест...

А. А. Дунин-Горкавич, проехавший по Агану, но не затронувший своим посещением и публикациями эту тему, прожил до старости.

Этнографы Митусова и Гемуев побывавшие на Святилищах реки Аган и опубликовавшие информацию об этом, умерли в таком возрасте, когда можно было ещё жить и работать. Кроме того, есть ещё один пример: уход из жизни Евы Шмидт на реке Казым, по мнению многих, не случаен...

Но информацию о больших и малых Святилищах я продолжал собирать в свою рукопись «Река Аган со притоками». И когда в 2010 году вышел первый том топонимического словаря, в аннотации я сообщил о том, что в третьем томе будет глава о Святилищах. После этого, 27 декабря 2011 года, мои доктора обнаружили в моём правом лёгком раковую опухоль. Более тщательное обследование выявило в организме ещё три очага.

И вот в течение всего 2012 года я занимаюсь своими болячками. Пережил две операции, 9 сеансов химиотерапии, съездил в Москву в научно-исследовательскую клинику Блохина. 12.12.2012 еду на контрольное обследование. Лечащий доктор уверена, что мы справились с моим недугом...

Но перед самым отъездом в Ханты-Мансийск в издательство, где я собрался издать третий том, моя жена в Новоаганской поликлинике получила диагноз (со знаком вопроса) «подозрение на онкологию?». У неё взяли пробу на анализ и отправили на исследование в Нижневартовск. Тут я перепугался серьёзно, и в ночь 1–2 декабря я из рукописи удалил главу «Святилища».

А вчера в понедельник моя жена позвонила в клинику узнать результат анализа, доктор сообщила, что диагноз не подтвердился...

Мой читатель, я понял главное: Святилища – это величайшие аномалии реки Аган, распространение информации о которых сегодня ещё преждевременно.

Поэтому 12 страниц из главы «Святылища» остались за бортом третьего тома книги «Река Аган со притоками».

Юрий Вэлла. 04.12.2012.

Ханты-Мансийск

АНОМАЛЬНЫЕ МЕСТА

ТИТЯЉЕ'ЕЙ (на Ампуте) – если тебя ночь застала, то ночевать можно только в верхнем конце этого соснового ягельного бора. Говорят, в нижнем конце бора по ночам слышны *вздохи бывших людей*, живших здесь в предыдущие поколения.

Сейчас здесь центр Второго купола Западно-Варьёганского нефтяного месторождения.

В 1924 году осенью в нижнем конце этого бора было стойбище Иуси Начу, и именно сюда прибыла тогда этнограф Митусова Раиса Павловна для изучения «варьявунских самоедов».

ВАМПУ'ТА (Ампута) – Айваседа Аля Анетович (Альчи): «Когда мы жили на ВАМПУТЕ, иногда после заката солнца слышались звуки-шопоты *Пяха'на муну'таң*».

Дословно: в *кронах деревьев говорящий (поющий, шепчущий)*.

Речь идёт о *Минле'ей? Муну'та?*, сейчас Альчи нет в живых и спросить не у кого. Кроме того места обитания *Пяха'на муну'таң* вся река или только отдельный участок? Может он говорил о ТИТЯЉЕ'ЕЙ? (см. ТИТЯЉЕ'ЕЙ на Ампуте).

МЫНЬЧИ ВЫТЮ (на Ампуте) – *болотистая речка Животина*.

По этой проточной болотине проходит ТЮ'ЩИ' ЏОТУ – большая оленья дорога, по которой чаще всех ездили и ездят люди рода Тю'щи (Иуси, Тюху'щи). Дорога проходит по западному краю болотины. На болотине есть «окна», способные «проглотить» не только отдельную упряжку вместе с человеком, но здесь «исчезали в трясине» целиком мюты-аргиши. Говорят, если едешь здесь ночью, слышны стоны тех, кто в предыдущие поколения здесь терпел бедствие.

Я около пяти раз проезжал здесь на снегоходе, дважды проезжал ночью при свете фары, останавливался в пути, но ничего не слышал. Кроме того в середине 80-х годов мы с женой на устье этой речки осенью целую неделю жили, строили охотничью избушку, собирали бруснику и клюкву. Никаких неестественных звуков по ночам мы здесь не слышали.

ПОРНЭ ПАЙ – тем пай пахрымтад онтнэ мыттэ Порнэ итпэ волд.

ПАДНЫ НОТЯ'АЙ (на устье Пящиты) – дословно: *остров Падны (Порнэ)*.

Здесь я несколько лет (1976–1989) рыбачил на запоре в составе бригады рыбаков госпромхоза «Охтеурский». Был бригадиром.

Здесь мой дед Хопли бригадирствовал на запоре во времена войны с Гитлером, и 3–4 года после войны...

Пящита вырывается на широкий простор – пойму, заросшую густыми травами и отдельными шапками кустов тальника. И вот на этом просторе она вдруг натывается на большой сосновый остров и раздваивается. На том острове сосны. Называется он в народе Остров Порнэ. Порнэ – это что-то вроде русской ведьмы. Она может быть красивой молодой женщиной и одновременно старухой. Говорят, жила она в самом нижнем конце острова в густых зарослях молодого сосняка. Многие смельчаки пытались в одиночку переночевать на этом острове, но до полуночи не выдерживали, запрыгивали в лодку и уезжали.

И я как-то в юности пытался высидеть ночь на острове, но... Там ночью очень-очень жуткая тишина, до того жуткая, что начинаешь ясно слышать свои мысли, как человеческую речь со стороны...

Встречи с самой Порнэ никогда добром не заканчивались. Мне бабушка показывала ненца, который якобы видел ее. Этот ненец был пугливый, рассеянный, он внимательно

вглядывался в лица прохожих и всегда, будто что-то или кого-то искал...

«Но сейчас Порнэ нет. Наши деды пришли на остров, весь обшарили, отловили эту женщину и сожгли на костре. Умирая, она выкрикнула:

– Люди, вы лишили меня возможности вселяться в ваши души! Но, сжигая, вы не избавитесь от меня! Мой пепел всегда и везде будет преследовать вас!

И взметнулись над костром яркие искры, которые разлетелись в разные концы, превращаясь в комаров и мошек. И стали они пить кровь из людей...» – так рассказывала моя бабушка Ненги.

Остров несколько раз съедал пожар. Но каждый раз одно древнее дерево всегда остаётся живым. Моя бабушка Ненги говорила, что на этом дереве обычно сидит сама Порнэ, поэтому огонь его не берёт.

Во времена рыбалки, мы иногда оставались здесь ночевать, ночью были слышны торопливые шаги по лодкам. В такую ночь старики говорили:

– Утром будет удачная рыбалка. Порнэ пригнала рыбу.

Это действительно было так.

Хотя...

В начале XX века в этих местах неестественной смертью вымерла семья Ысчетки (в результате заклятия). Может быть, по нашим лодкам топали души членов этой семьи?...

ДҜЯЛДҜ ВӘЛӘМ ПЫХЫР МАХИ (на Агане) – здесь в старину жители реки Агана дали бой завоевателям *тасам-капи* и выиграли сражение. Часть воинов утонули в реке (они были в кольчугах), часть – погибли прямо на посудине РАТ, и их трупы вместе с судёнышком унесло течением, а один воин весь израненный убежал на другой берег. За ним гнались, но не нашли его. Но ночью с другого берега доносились стоны раненого. Искали его и в следующие дни – тщетно. А стоны его по ночам, говорят, слышны до сих пор.

Сейчас приезжают сюда за брусничкой жители близ лежащих стойбищ, но ночевать здесь никто не остаётся.

ЭВЫТ ЛИКУП – (нёрым палык).

Художественное отступление:

Р. П. Митусова «Вокруг света» 1929 г.

«Вторую нелелю мы едем на лодке по р. Аган. В третий раз обращаюсь к проводнику – Ивану Михайловичу:

– Покажите мне остяцкое мольбище!

В ответ на мой вопрос Иван Михайлович напевает: «Женщина да убоится во святое-святых самоедское пойти».

Отвечаю:

– Ничего, я в штанах! – Спутники посмотрели на мои шаровары и сапоги и все трое захохотали.

– Урэй, – показывая на залив реки, затерявшийся в кустарниках, сказал Иван Михайлович и тише прибавил: – Здесь...

Все замолчали. Лодка врезалась прямо в кусты ивняка и с трудом стала продвигаться дальше по незаметному узенькому проходу среди ив. Наконец, лодка остановилась у топкого берега. Рабочие выскакивают, подтасквают. Оглядываюсь. Сзади стена ивняка, реки не видно, кругом – болотце. Впереди и с боку высокий берег полого поднимается и зеленеет сосновым бором. Где-то вдаль загредел гром. Захаров и Ефим молчат. Иван Михайлович насупился, пошел вперед с веслом, мы гуськом за ним.

– Старайтесь ступать след в след, – рекомендует Иван Михайлович. Подходим к лесу. Гроза надвигается. Остановились. Я смотрю на небо и уверенно говорю:

– Пройдет мимо! – Но рабочие молчат. Решительно повертываюсь к Ивану Михайловичу.

– Идите, я за Вами. – И мы снова молча двигаемся по чуть заметной тропинке.

– Вот! – указывает Иван Михайлович, – только осторожнее, нет ли где каких ловушек, иногда сторожевые луки ставят от посторонних.

– Но здесь нет амбарчика! – разочарованно говорю я и рыскаю по мольбищу. Кругом на большой поляне разбросаны рога и кости оленя. На деревьях висят черепа рыси, зайцев, лисиц, рассомах. Продырявленные котлы, чайники, различная домашняя утварь, куски материй и разорванные новые платки, – все принесено в жертву. По верованию остяков и самоедов, все принесенное ими в жертву в сломанном и убитом виде, там, у «богов», принимает свой первоначальный вид. Сюда зимой приезжают самоеды, а тайком и остяки. Самоеды приносят жертвы «Аган-Пуше», остяки – «Вон-Ими», что значит по остяцки – покровительница реки Аган. Во время обхода мольбища наткнулись на остатки костра, на разрушенный столик.

Рабочие стоят на месте и не двигаются. Ни шкур, ни рогов, ничего взять нельзя, – увидят остяки или самоеды! Вдруг – вот счастье! – замечаю на поляне небольшое деревянное изображение человека с головой выдры, завернутое в ситцевые лоскуты. Это и есть «Вон-Ими» или «Аган-Пуша».

– Ну, это я возьму непременно! – кричу я, торопливо поднимаю божество и прячу его. Гремит гром, лес дрогнул, но дождя нет. Иван Михайлович сердито кричит:

– Идите, пора уж! – Идем назад, рабочие испуганно смотрят по сторонам, идут впереди, за ними я, осторожно, стараясь попасть им след в след, что в русских сапогах довольно трудно.

Оглядываюсь назад. За мной последним идет Иван Михайлович и тщательно замечает веслом наши следы...

... Богиню я еще раз внимательно рассматриваю и затем прячу подальше – до Ленинграда!..

Но когда попаду в него – неизвестно! Уже два месяца как уехала и все не отделалась от грусти по родным. Еду к остякам и самоедам на целый год. Это «экспедиция», хоть и одна еду. Заданий много: и коллекции для Русского музея надо собрать, и бюджеты инородцев для Уральской области, и по антропологии работа, – все надо».

Митусова Р. П. Год среди лесного народа //
Вокруг света, 1929, № 9, с. 6.

РАТ КОМЛИТЫМ МУХУТ (напротив Мохтикьёганского стойбища) – здесь вечерами не разрешали детям кричать, чтоб «не будить души погибших воинов *тасам-капи*, тела которых вместе с судёнышком РАТ течением занесло в протоку МУХУТ и там в кусты опрокинуло».

ЙИМЫҢ ЛОР (на Ватьёгане) – дословно с хантыйского: *Священное озеро*. Здесь, на этом озере, согласно хантыйской легенды, поселились семь божеств-луңков, что прибежали сюда из Старицы Семи Божеств. Они расположились на семи мысах вокруг озера. И сидят там до сих пор.

Человек, впервые едущий через озеро зимой на оленях ли, на снегоходе ли, выезжает на озеро – ясная погода, доезжает до середины – буран-метель поднимается. Поэтому, чтоб не заблудиться, надо на шею повесить венок из соломы. Не сделаешь этого – заблудишься, до другого берега озера не доедешь.

Говорят, что в древности кто-то игнорировал этот обычай, и соломенные венки на членов семьи не повесил. Когда мют-аргиш вытянулся по озеру, поднялся буран-метель, и семья его так и не доехала до другого берега озера. Семья исчезла бесследно. Говорят, когда едешь через озеро в морозную погоду, некоторые наши родственники видят тот, до сих пор блуждающий, мют-аргиш, движущийся параллельно вдалеке. Остановишься – ничего нет.

Я несколько раз пересекал это озеро на снегоходах, один раз пересекал на оленях, но блуждающий мют-аргиш не видел. Но однажды в морозное мартовское утро на этом озере я видел красивое зрелище: дальний лес, то появлялся, то исчезал. Иногда он появлялся ниже предполагаемого горизонта, иногда – выше. Но были такие мгновения, когда дальний лес появлялся в два или в три этажа. И озеро тогда казалось огромной чашей. Мы, с соломенными венками на голове, около полчаса стояли и наблюдали это зрелище...

КАЙТА ТО'ТЯАЙ – дословно с ненецкого: *Священное озеро*.
Здесь, на этом озере, согласно хантыйской легенды, поселились семь божеств-душков, что прибежали сюда из Старицы Семи Божеств. Они расположились на семи мысах вокруг озера...

Говорят и в древности здесь много людей погибло. Из моих знакомых здесь погибли: Огорелков Кондратий Изотович, Айпин Александр Антонович, его жена Лида, Покачев Василий Степанович и его жена Даша.

Кроме того на одном из мысов этого озера Красная Власть зимой высадила сосланных калмыков. Многие из них не выжили и здесь их могилки. Мы, коренные жители, теперь этот мыс не посещаем. Там, вероятно, теперь по ночам бывают сборища привидений...

КАПИТИ' КАТАЛА'МА ТИҢ'КУ (на Варьёгане) – Понанта, хатым тёлшкана Пящитаҥ кысумана вайсы'ку нюнта няҥ нысу'таҥахаҥ. Ңа'шки вичиндай. Ңанунта нюня тай'кушахат вачимайта кочита татя ҥмай. Вичи'махатанта', кочимта' моҥата.

Пили тан тёлшкана' Ңахаҥ кысумана вентат шел хатым' ҥыну'тамай'. Тасам капити' хатым' ҥи'ниша'. Тяхаҥ ня'авхат теты тай'кушай кочим коҥа': «Во, чуки тяхаҥ мюня' не'шай' татя мэвон'! Маны'со'кна'!» Хатым' Пящитаҥ кысумна танатят.

Хулину' тяхаҥ ня'ав тидня тиҥ'ку татя. Ңахаҥкат кунмы' капити' ҥисы чикехена ҥмай. Тас ҥисыҥ чел' капи' чикен катадатят. Ңоп пелими'ча чикехет тиле' кунай'. Ңахаҥ кавмана ты'шиняҥ тиҥу' кысумана ватам кана.

Тя'пта т'хаҥ ня'аву ты'шиняҥи ҥисын тавай'. Ңисыҥ чел' тюниҥатуҥ: «Кынихина ла'тампой тяха татя, ҥамымана матаҥал?» Мадама: «Мани' тяхам пон нит ку'. Ңамы тя'пта тя'куути татяҥаши', мани' тытди ха'амҥамаш». Чикехет талняҥ ТЯ'ПТА ТАХА Тя'пта тяхам ние'е, понанта наҥычам ние'сниша.

Шанат ҥисыҥ чел' ҥо'пт ҥома'. Ңахаҥ матолт тасам капитетуҥ ҥэталтатуҥ. Пелими'чауте' пиҥ хатым велашту. Томантуҥ тёлшкана' матолт чеҥат нета кондасутя: «Та'кита'

тоҥо!» Чикен тасам капити матятайту. Ноп капя'тана тасам капи чикехет тиле' кундахай'.

Чики матол Жахаҥкана тидина' капи' ЛЯЛЛ ВЭЛЫМ МАХИҥа' нимчиҥатуҥ. Вентат матол ны'калмахаты', малыҥа' катя. Чикехет талняҥ капехе'на нимча' ЛЯЛЛ ВЭЛЫМ ПЫХЫР МАХИ.

Пересказ:

Существует ненецкий обычай: попил из реки воды берестяной куженькой-кочи, куженьку нельзя выбрасывать в реку, лучше оставить на земле.

По реке Варьёган ехали однажды в древние времена старик с сыном на обласах. Молодой человек захотел пить. Достал из обласа куженьку, заранее заготовленную, напился; а потом куженьку в воду бросил. «На следующей остановке сделаю новую – лучше этой» – подумал он.

А в это время по Агану с верховий на посудине спускались вооружённые люди. Поравнялись с устьем реки Варьёган и у видели куженьку вынесенную на Аган течением этой реки. «Какая удача – внутри этой речки кто-то живёт. Пойдемте их отыщем». И они поднялись вверх по течению и напротив устья реки Хулину'-Тяха на маленьком бору нашли хантыйское стойбище – тех, которые

переселились (спрятались) с большой реки. Было сражение. Из хозяев стойбища выжила только одна девушка. (В течении последнего столетия те, кто заготавливал в этом бору сухостой на дрова внутри сушняка находили вросшие проржавевшие наконечники стрел. Вероятно, сражение было тогда, когда эти древние сушины, облюбываемые современными людьми на дрова, в то время были молоденькими соснами).

Девушка побежала по борам вдоль реки Аган по правому берегу вниз по течению и прибежала на большое стойбище ниже устья Вать-Ёгана. Хозяева стойбища её спрашивают: «Тут недалеко – крупная река, как ты её пересекла?» Она ответила: «Большой реки я не видела. Была какая-то узкая речка, я её перепрыгнула». С тех пор самый крупный приток Агана Вать-Ёган стал называться Вачь-Явун, что переводится – узкая река. Ненецкое название – Тяпта-Тяха неудачная калька с хантыйского языка. Вероятно, ненецкое название реке дано хантами, знавшими ненецкий язык с акцентом. Поэтому в ненецком варианте должно было быть – Узкая река, получилось – Тонкая река.

Люди собрали войско и на одном из крутых поворотов устроили засаду для войска, которое спускалось с верховий Агана. Войско это было здесь повержено. Говорят, из этого войска выжил только один раненый воин. Потом река изменила своё русло, этот поворот реки стал старицей, и ханты, живущие рядом, до сих пор называют его ДЯЛД ВЭЛЫМ ПЫХЫР МАХИ.

В этом сражении девушка отличилась тем, что почти всё время находилась в дозоре, и именно она оповестила своих о приближении войска. Есть предположение, что эта девушка из рода Айпиных.

Сейчас на бору КАПИТИ' КАТАЛА'МА ТИЊ'КУ живёт и держит оленей Тё'ттат Мантна (Айваседа Александр Алевич). Недавно, в 2009 году, подчищая навоз в оленьем доме, он в песке на глубине до 50 см обнаружил человеческий череп. Его предшественники, жившие на этом бору в первой половине XX века, заготавливая сухостой на дрова, внутри деревьев находили металлические наконечники стрел.

КАПИТИ' НАТ'УТИ (на Варьёгане) – Чуки нат'утехена не'ша' ни'шту' шеңкал капити' калмялү щичимантуң тайхана.

КАПИТИ' ТИҢ'КУ – Ма'ай', поннанта ти'схана чуки тиҗ'кохона капити' калмял җисы татя җамай. Чуки тиҗ'кон не'ша' ни'шту' җысу'.

ЛАТТ ТО'ТЯАЙ – У варьёганских ненцев есть легенда о том, что когда-то в древности Плотва-рыба была самой крупной и перевозила на своей спине Нохо-героя через Нялпэй-море.

Говорят, один из предков моей бабушки Ненги по имени Тяванку (Явунко) именно здесь, на этом озере обратился к Плотве за помощью, и она на своей спине перевезла его через озеро.

Я однажды весной рыбачил на этом озере, попадались: язь, щука, окунь, но ни одной плотвы я здесь не поймал в свои сети.

Литературное отступление:

ЯВУНКО И ПЛОТВА

(Об этом мне рассказал Аули)

Когда Явунко совсем уж постарел, мужчины-оленоводы, уходя на пастбище за оленями, наказывали хозяйкам присматривать за ним. То он вдруг начинал собираться за лыжами, оставленными в юности на стойбище деда, то прибрать рыболовные мордушки и жала на верховье Пящиты, где в давние времена он со своим дедушкой рыбачил.

Бабушка полушёпотом рассказывала, что Явунко «вернулся в детство», что, нам, детям, во время своих игр надо приглядывать за ним.

Но однажды он всё-таки ушёл. Ушёл на соседнее стойбище, как потом он объяснил, послушать сказки.

На пути у него было большое озеро. Нефтяники, изредка залетающие сюда на рыбалку, называют его Восьмёркой-на-Пысуме. У нас оно называется Латт-тотяй. Озеро это состоит из двух половин – большего и меньшего, а посередине два вытянувшихся навстречу мыса. Вот на этот мыс и пришёл старый Явунко. Сел усталый старик на самый обрывистый выступ берега. Солнце печёт, ветерок с озера сдувает комаров, болотный кулик у самой воды на кочке дразнится, легко взлетая над водой и обратно возвращаясь на кочку.

Посмотрел старик направо – далеко за озером узкая полоска леса, налево обходить – ещё дальше. А напротив – озёрный берег рядом и за озером чумы виднеются, слышно, как соседские дети играют, смеются, собака беззлобно лает. Вода мирно плещется о босые ноги старика, но озеро глубокое, а плавать Явунко не умел.

Долго так сидел старик.

Вспомнил детство, как впервые учился ездить на вёртком обласе – кедровой долблёнке, и голос деда: «Смелее, смелее!»;

вспомнил юность, с какой гордостью и озорством Она смотрела на него, когда его тынзян раньше других заарканил упрямую и пряткую важенку на стойбище у Чачи-ики;

вспомнил, с каким недоверием вёл он свою последнюю упряжку (двух старых смирных кастратов) в Колхоз, незнакомое слово настораживало, но возразить – язык костенел;

вспомнил Первую Войну, когда русские с русскими воевали, а он по воле случая оказывался, то с одной, то с другой стороны и ни на которой стороне не чувствовал доверия;

вспомнил Последнюю Войну... но об этом лучше не вспоминать – всем тяжело было...;

в первый послевоенный год Она умирала тяжело, долго, больно, мучительно больно...

Вздохнул Явунко. Голод уже напоминал о себе. Снова оглядел озеро справа, хотя знал, что обойти его он уже никогда не сможет. Налево он даже не посмотрел – та половина озера

большая. За озером на стойбище дети шалили, и женский голос молил оставить в покое собаку.

– Е-хо-хо-хов! Красные говорят, что нет Бога, не должно быть и шаманов. Хорошо, пусть будет так, им виднее. А сверхъестественные силы, которые всегда существовали, как с ними-то? Ведь они не подвластны ни законам, ни людям. В древности, говорят, Плотва возила на себе человека по морю. А мне, уставшему за всю мою жизнь, не через море надо, а всего-навсего на тот берег озера...

И только успел сказать это, как из воды показалась спина огромной рыбыны. Старик, нисколько не сомневаясь, сел верхом на Плотву (это, конечно, была она) и благополучно переправился на другой берег озера.

Придя на стойбище к соседям, Явунко за чаепитием рассказал о случившемся. Все посмеялись и разошлись по своим делам, а гостя оставили в компании детей – пусть им сказки рассказывает...

Однажды, несколько лет спустя, я случайно подслушал беседу взрослых – соседские оленеводы пили чай у нас. Они говорили полушёпотом о том, что на озере Латт-тотяай, когда Явунко у них на стойбище объявился, они не нашли следов старика ни по левому краю озера, ни по правому. Следы старика обрывались на одном мысу озера и начинались на другом, словно Явунко действительно пересёк озеро посередине.

ЮЛЛИТ КОТ МЫХЫТ (на Ай вонт явуне) – дословно: *земляной дом сверхъестественных Чуд*. Здесь ночевать нельзя. Однажды ночью на лыжах в пургу проходил мимо и, мне кажется, я слышал некие перешёптывания этих Чуд. Их имена – Юллит.

ЭНЭЛ ВОНТ ЯВУН ОҢ – (ЮККЭҢ ЯВУН ЯХ ВОНТ ЯВУН) – Айпин ях войех кынччи вонт явун.

Перевод: *Айпиных-людей для добывания охотничьих зверей таёжная река.*

Мой комментарий:

Для нас, коренных жителей реки Аган, охота для нужд своей семьи и охота на ценную пушнину для нужд инородцев – это разные охоты.

Первая охота – это меньший грех, потому что это вынужденная охота по необходимости, для нужд своей семьи, поэтому можно обойтись одним жертвоприношением.

Вторая охота не является необходимостью для семьи, без второй охоты можно и обойтись, вторая охота – за деньги (коммерция, нажива), вторая охота – за славу и почёт («Почётная грамота», красный вымпел «Победитель соцсоревнования», медаль или орден), вторая охота – это больший грех за убиение живых существ, и поэтому требует большего искупления.

Потому в местах охоты на пушного зверя много мест для жертвоприношений, много святилищ, и я бы их отнёс к категории **семейных** или **родовых**, а, может быть, причислить к **профессиональным охотничьим**?

Для сравнения, загляни в главу АЙ ВОНТ ЯВУН, во втором томе моего топонимического словаря. Там на реке, меньшей размером, по моим данным шесть (6) мест для поклонений местным богам.

Дополнительная информация:

Я точно знаю, Айпины перед отъездом на охоту «на таёжную сторону» жертвоприношение посвящают Вонт-Ики, (см. ЭВЫТ).

Я, инородец, с разрешения жителей (хозяев) этой реки могу поохотиться здесь, но по прибытии должен совершить жертвоприношение богам этой реки, а так как не знаю их место пребывания, то своё жертвоприношение я совершу на устье реки или там, где буду пересекать русло реки. А Айпины по прибытии на место охоты совершают несколько жертвоприношений каждому богу, где он живёт, обитает, хозяйничает.

Только эту информацию ты, мой читатель, более подробно можешь узнать у членов рода Айпиных.

ИЛЮ'КАҢ КАЙТА ТЯ – На устье реки Хапли'нугты жил в 20-е годы XX века Иуси Илюка и на другом берегу Иуси Пеналю.

Напротив устья Хапли'нугты за Ампутой семейное святилище Илюки. Иуси Илюка до сентября 1924 года являлся старшиной варьёганских ненцев. 11 сентября 1924 года на эту должность на сходе был избран Иуси Кольчу Талавич.

Сегодня здесь живут Айваседа Борис Халович с семьёй, Иуси Николай (Илюка) Альтович, Семён Альтович и Мирон Альтович с семьёй.

Здесь проездом через стойбища Начу, Кольчу, Илюки и Пеналю в 1924 году в октябре-ноябре была исследователь аганских остяков и самоедов Р. П. Митусова и в период распутицы задержалась в их чумах более чем на полмесяца. Здесь она стала свидетелем шаманского ритуала Пандяты (Лэпы). Здесь же она присутствовала на жертвоприношении ненцев на семейном святилище Илюки...

В 1976 году в поисках глухаря, я случайно набрёл на заметный бугор (около 25 метров высота его), взобрался на самую вершину и оказался на небольшой песчаной полянке, окаймлённой могучими соснами, в ветвистых кронах которых просматривались на фоне огненного предзакатного неба, почерневшие от времени и от стихий, замшелые олени рога. Я предположил, что попал на некое святилище, сгрёб из кармана случайно оказавшиеся там монеты, рассыпал их веером перед собой из ладони, которой я описал дугу по солнцу от восхода в сторону заката, выпалил мысленно скороговоркой заклинание и покинул это место. Говорят, будешь специально искать святилище, ходить кругами, здесь где-то, но не найдёшь. А если на святилище попадёшь случайно, как я, из того, что есть с собой, совершишь обряд жертвоприношения, вслух ли, мысленно ли, выразишь своё самое заветное желание – оно обязательно исполнится. Так я стал профессиональным государственным охотником. А в 1991 году с последней

охотничьей зарплаты купил десять оленей и с тех пор живу с оленями.

КЫШ ТЯХА (и **КЫШ ТО'ТЯАЙ**) – Во времена войн противоборствующие стороны ночью отдыхали на разных берегах этой реки. Ночью хозяева здешней реки достали бубен и стали шаманить на удачу в завтрашней войне. Чтобы не будить противников, что на той стороне реки, вместо традиционного возгласа подбадривания шамана «*вов! вов! вов!*», тихо восклицали «*кыш! кыш! кыш!*».

Сейчас, если ночь тебя застанет вблизи этих мест и ты вынужден будешь здесь заночевать, говорят, громко здесь разговаривать нельзя. Надо голос свой приглушать, чтоб не будить души когда-то погибших здесь воинов.

Я со своей семьёй ночевал здесь зимой одну ночь. Мы ехали на снегоходах, на озёрах была наледь, поэтому мы решили заночевать, чтоб ехать дальше днём. Перед сном я рассказал детям о событиях былых. Ночью мы спали спокойно, и никаких неестественных звуков не слышали...

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули?» В. И. Сподина писала:

«Одним из таких огромных озёр было *Кыш-тяхаң-то'тя'ай* – «Озеро Кыш реки». Юрий Кылевич перевёл *Кыш* как «Тсс», в значении «не спугни». Здесь мужчины заставили нас походить, чтобы мы не заоченели. Времени было достаточно и для того, чтобы размяться, и для того, чтобы сделать столь необходимые в дороге записи.

Интересны слова-определители озёр. Они говорят коренному жителю о многом. Например, «*шече'ей*» означает, что озеро мелкое, имеющее травянистые мысы, зачастую песчаное. «*Хаңыме'ей*» – озеро, имеющее подземные ручьи, «*вехеле'ей*» – искажённое произношение «*велязл*» – прорезанный, вырезанный», то есть имеющий вытянутую, зигзагообразную форму.

На середине озера меня нагнал наш снегоход. Ещё минута, и мы вихрем проскочили казавшееся таким огромным «Озеро Кыш реки» Редколесье всё чаще сменяется болотами. Казалось бы, вечное единообразие. Но есть в этом состоянии природы нечто непередаваемо притягательное, совершенно необъяснимое. Здесь сошлись Пространство и Вечность. Кое-где ещё просматривалась древняя оленняя дорога».

МАНҢККЫҢ РАП (на Агане) – место обитания *лапыт Лули* – семь сверхъестественных Чуд (Чудищ).

ХА'ПМЫ ТЯХА'КУ (на Ампуте) – ХА'ПМЫ ТЯХА'КУ – Кука'а' маншту' Ха'пмы тяха' таям Ха'пмы тяхам ними'ңа, тиңу' помна катя, лыңкута пилша', тиң помна' тупкахана ха'пмәдха. Таңкамна' ңыти тәдимя'шу татя:

Кукдхена' Калясамы няңат ңдв'толта пу'ша каса нюнта няң тдвтехең. Каса нимча Пя'к Касаматя'ай. Пяшита лапкахана ңдв'толяхаң – ти'мумахаң. Куки не ненсамана маҗама: «Тетяй мя'кна тилина ңантя'ай не'шаңкна нит тилең'. Хәла'ку мя'кна лу'сахана тилинам'».

Касаматя'айң немя неньшамя, таям пунаң миньш, Ха'пмы тя'кохона канта нултаңа, кайвя'капчута шелу' мәңа – тям ха'пңа маңкаты': «Чукдхет недңяң Пяшита лапкаң чел ты'птан Калясамәхәт не'шам нитя мы', Калясамың чел Пяшита лапкахат ңуптаям нем нитя мы'!»

Чикехет талняң' чики ватам намтмахатантуң чики лапкахаң поңкна ңдв'толма шелма хиталаңама'. Понахамана' ңдв'толштума'шдй! Куки' нена'а' катанато Калясамы няңат мәмы'.

Касаматя'айң немяң тям ха'псо'махат талняң' мань кай'кай' Аңачи Калясамы няңат нем тдвдла. Куптахалт ниhiң тиди', Аңачи шел шелта, тюрман пы'ттамта хы'ың'ңа. Пу'шатюм катиңата. Ңыти не'шаң Нойсава Али'к, Пяшита лапкахат нем мәңа, чики пу'шахананта Пяшита лапкан тидиләдъ. Куптахалт ңо'кна ниhiң мы', Али'к хома' няха'та катя, пу'ша кали'та кыти.

Перевод:

Иные говорят, что Ха'пмы Тяха'ку (Рубленная речка) потому так называется, потому что там, где речка сквозь бор проходит, берега крутые, речка глубоко во глубине обрывистого оврага поблѣскивает, словно сквозь бор она просто прорублена когда то была. Но есть и другая версия происхождения названия.

Из Халесовой Пуровского района приехала свататься старая женщина с сыном Касаматя'ай (Пяк Иван). К одной местной красавице обратились, к другой, к третьей. Везде получили отказ. А одна даже гордо заявила: «Не хочу я жить в грязном, вшивом чуме. Хочу выйти замуж за русского красавца, чтоб жить в городской светлой квартире. И хочу, чтоб дети мои были красивыми, как русские».

Уехала старая женщина из Варьёгана без невестки. И вот на берегу этой речки остановила она свою оленью упряжку и исполнила обряд заклития. Обиженная женщина рубила землю топором со словами: «Чтоб с этого дня ни один варьёганский не брал невесту из Халесовой, и чтоб ни один халесовиец не женился на варьёганской невесте.

С тех пор всего два случая было. Аңачи (Айваседа Пётр Нынивич) привѣз невесту из Халесовой. Но недолго они вместе прожили. Аңачи совершил правонарушение и засунул себя в тюрьму. Жена создала себе другую семью.

Али'к Нойсава (Айваседа) женился на варьёганской невесте. Они прожили вместе недолго, И Али'к покинул нас – «ушѣл к лучшим людям».

А ведь было время, варьёганские с халесовинскими создавали крепкие, многодетные, счастливые семьи!..

КАЛЬ'КУТА ТЯХА – Ма'ай' нең ним. Понанта касами' кантянан Каль'кута хы'ыңтана' кади комай, кади'та чикехет кади'чалмай. Вяпта хома һамай. Талям тяха нең ним ними'ға.

Щича наду'куутета татя. Вахалю'ма ты'шиняңитѣм надохот чу'увняңитѣм надуң тятмана Намылахам манэ'шту. Кахелаха һавна. Чета' чикехена канунтолшту.

Перевод:

Каль'кута – так называли девушку. Пока мужчины были заняты охотой, она в одиночку рыбачила. У неё был богатый улов. В честь неё её именем была названа река. Она умело использовала способы рыбалки связанные с естественным загаром.

Возле устья Каль'кута тяхи у Вахалю'мы было видение («Некто привиделся»), и сейчас их семья на одном из двух возвышений проводит жертвоприношения.

КАТОВШ ҢАЙТАҢ МАЛҢ ВҢҢ – КАТОВШ ҢАЙТАҢ малхана
петади' поҗкна Тя'птатяханяҗитём пейлэхэна латшансамы
выҗ пен'ути чи җайта. Чики выҗ пенмана ни'штума' тятэл,
ма'ай шанат мят чел хинтаватмыҗ чикен тамнаҗа' вайма' течь
тёлшкана.

Толкование:

В самом верховье реки КАТОВШ ҢАЙТА со стороны Ватьёгана есть кусок тундры бугристый (линзовые мерзлоты), мы, коренные жители туда не ездим. Там в первой половине XX века жители нескольких чумов целыми семьями вымерли от страшных болезней. Они растворились в природе непохороненные. Говорят, *души этих людей* до сих пор кочуют по этой тундре.

В семидесятых годах в погоне за дикими оленями я заскочил сюда на снегоходе, видел несколько обломков нарт. Больше ничего не видел. После того, как мне сообщили старшие, что это за место такое, я больше туда не въезжал.

НЮР КУМШАҢ ИКИ (на Ампуте) – дословно: *старец в голой (бесшёрстой) малице*. Так назывался бугор возле оленейной дороги, макушка которого была безлесая. На вершине этого бугра иногда слышался *звон бубна*.

Строители дороги на Западноварьёганское нефтяное месторождение почему-то не тронули другие безымянные холмы, а этот, знаковый, раскопали экскаваторами и теперь

здесь вместо красивого бугра, безобразный карьер с вонючей лужицей.

Но говорят, иногда здесь *звон бубна* слышен до сих пор.

РУЧИТ КОТЫҢ ВАНТЫҢ (на Йимың дор) – он же **КАЛМЫЦКИЙ МЫС** – Сюда на этот мыс привезли зимой на санях сосланных калмыков и бросили здесь на выживание. Здесь они жили около десяти лет. Мы сегодня туда не заезжаем. Здесь, говорят, много *привидений*.

НАРМА ЯВУН ОҢ (на Наңк явуне) – здесь на устье речки Нарма Покачев Иосиф Иванович построил избушку для рыбалки. Но по ночам *Некто* посещает жилище. Передвигает посуду, открывает печную дверку, доливает в чайник воды, колет дрова на улице и, даже был случай, будил ночью Иосифа попить чаю.

Иосиф считает:

– Ничего плохого мне *Он* не сделал, все *Его* действия – шутка. Здесь в древности жили два ненецких брата. Они часто ссорились. А когда повзрослели, ссора их переросла во вражду. Они друг против друга устраивали заклятия. И в результате почти одновременно умерли. Вероятно, *Дух* этой ссоры остался...

В 2010 году Иосиф купил у меня оленя и провёл здесь жертвоприношение. Теперь по ночам Иосиф спит спокойно.

КАВ-ИКИ (на Наньёгане) – дословно: *Старец-Камень*. По малой воде из воды торчит посреди реки огромный камень-валун. Этот камень способен очень точно предсказывать погоду. Когда предвидит ясную погоду, камень имеет цвет «сой мохк» (яйцо гоголя), голубоватый оттенок. Перед пасмурной погодой – это обычный серый камень.

Жители реки Наңк-явун здесь в древние времена проводили жертвоприношения.

ТИЛШТА'МА ТИҢ'КУ – Щича не'шаң, ытсахахың-кайкасахахың пё'ма тя. (*Борик, где два родных брата друг против друга совершали заклатья. В итоге, их обоих не стало, и борик никому не достался*). Здесь ночевать нельзя. Говорят, по ночам до сих пор слышны слова заклятий и ссоры двух братьев.

КРЕСТЫ – Здесь вблизи своего летнего стойбища похоронен Покачев Семён Галактионович. Однажды зимой здесь «похозяйничала» техника нефтяников ЛУКОЙЛа и снесли могилку Семёна. Потом родственники требовали восстановления могилки. Летом остатки могилки в сторону под дерево сложили и старый крестик прислонили к дереву. А на старом месте построили новый домик (охти кот). Сейчас зимой из-под снега торчат два креста – новый и старый, прислонённый к дереву. Поэтому теперь место захоронения Семёна называют множественным числом КРЕСТЫ, а техника ЛУКОЙЛа объезжает это место стороной, словно здесь теперь для них аномальное место, – так смеётся Покачев Иосиф Иванович, обитающий вблизи этого места.

ҢАЙВА ЛАМЯКИ и ЛУССА'КОТИҢ ТО (озёра-соседи) – Айваседа Александр Алевич (Мантна): «Старики раньше говорили, что, то на одном озере, то на другом, видели *вэлс* (*вэвс*) – *мамонта земле-водяного*. Якобы между озёрами у него подземный проход. Когда я был маленький, на озере ҢАЙВА ЛАМЯКИ у нас на мысу стоял лабаз. На моих глазах наша собака переплывала с мыса на мыс через перешеек озера, доплыв до середины, залаяла, заскулила и исчезла под водой. Старики сказали, что это *вэлс* её забрал. А на соседнем озере *лусса* (*русский*) стал добычей *вэлса*, поэтому и озеро называется ЛУССА'КОТИҢ ТО.

Ещё говорят, если кто видел *вэлса*, тот после этого долго жить не будет».

ВӀССЭҢ УРИ (на Агане) – говорят, кто-то из местных ханты видел здесь *вӀсс*. Я на обласе неоднократно здесь проезжал в молодости, но никого не встречал. Только на северном берегу старицы есть древнее поселение – археологический памятник приблизительно раннего средневековья.

КЫ'ЫМКАНАҢ НЯ'АВ КАЙТА СОХО – Тя'пта тяхаҥ җалка кайта тя.

Кы'ымканаҥ ня'авхана тяхаҥ ты'шиняҗитём кдвхана понанта сохо татя җдмай. Ненай Тя'пта тяхаҥ җалка кайта тя җдмай. Чета' Повховский месторожденияҥ вахтовый поселек чикехена җа. Ненай кайта тяҥ сохо' пиҗи' ЦИТС-кантораҥ җылна җдлхамай. Чета' чики сохо тикү, экскаватор веша нутахана кача'мэйта.

Чики кантораҥ мюҥ шанат велд шетю тамна, пиҗи' җайванахантуҥ. Кукдхеми нимитуҥ четимятян: Степан Повх, Рогачов, Юрий Трусов, Митин, Вопсев, Мартынов...

Чики сохохона шича поҥ, тядям маны'со'май, недня Тяньча пеншле'тҗа (Айваседа Янча). Немяхатё'ой нешахатё'ой няҥ маҗама: «Каса нюль татя мэны шича поҥ ченяна, чикехет чахаҥ җупусамы нем манэ'эм, каса кдвхананта тикү...»

Дополнительная информация:

«КЫ'ЫМКАНАҢ НЯ'АВ КАЙТА СОХО раньше было святилищем – польза для людей, для жизни, а теперь это стало аномальным местом – порождает смерть» – так теперь говорят некоторые мои родственники...

Но в июле ... года меня очень сильно прихватило. Жена моя Елена с зятем Петром повезли меня в медпункт, что в вахтовом посёлке Повх. Здесь фельдшер сделала мне обезболивающий укол и направила в когалымскую больницу. Перед отъездом в Когалым я бросил прямо возле медпункта на газон несколько монеток, случайно оказавшихся в кармане, и мысленно обратился к Хозяину Ватъёгана за помощью. В Когалыме поставили диагноз: «острый приступ гигантской язвы двенадцатипёрстной кишки» и назначили курс лечения. Через десять дней почувствовал себя лучше, и обследование

показало, что от язвы остался рубец в четыре миллиметра. Ещё через 3–4 дня и этот рубец полностью затянулся, и до сегодняшнего дня («тьфу! тьфу! – через плечо) больше меня не беспокоил.

УСТЬЕ АГАНА – 1973–74 годы стояли мы с Леной на **ЛАГЕРМЕ** с плашкоутом и принимали от рыбаков рыбу. Жили мы не на посудине в каюте, а вместе с рыбаками на берегу в отдельной палатке. У нас была собака Рембо. Однажды наша собака залезла в чужую палатку и испортила пакет со сливочным маслом. Хозяин масла (я сейчас точно не помню, это был либо Иуси Иту, либо Айваседа О'чаль) схватил ружьё и застрелил собаку. Раненая собака в предсмертных судорогах свалилась с берегового обрыва в реку и скрылась в воде. Вдруг в воде течение реки стало закручивать воронку. Воронка быстро увеличивалась, берег большими кусками стал обваливаться в реку. Мы кое-как успевали оттаскивать свои вещи, палатки, котлы. Тот, кто стрелял, в испуге восклицал: «Вэвс! Вэвс! Собака превратилась в *вэвс!* Зачем я стрелял в собаку!..» Когда всё успокоилось, мы не нашли того ружья из которого была застрелена собака. Решили, что ружьё ушло в водоворот. Там, где стояли наши палатки, образовалась заводь диаметром 50-60 метров. И Иту и О'чаль в тот год почти одновременно ушли из жизни.

ЛАГЕРМА – хантыйское произношение: **ЛАХЫР МЫХ** – *кольчужная земля*. Говорят, в былые времена здесь много воинов облачённых в кольчуги погибло.

МЫЛ СОЙЕМ – *глубокий ручей*.

В 1988 году было официальное открытие Варьёганского музея. До 1 января 1990 года музей существовал на общественных началах. В конце декабря 1989 года мы приняли решение передать музей муниципалитету, чтобы работники музея могли получать зарплату.

Глава Администрации района Сондыков Василий Семёнович выделил мне премию за создание музея

1000 рублей. Я попросил бухгалтерию перечислить мою премию в «Фонд восстановления храма Христа Спасителя». Так я от имени своей семьи совершил жертвоприношение Христианскому Богу на то, чтобы музей существовал, чтобы в нашей семье было благополучие.

Вечером мы с женой на снегоходе поехали в гости к родственникам. Ехали мы по краю автодороги Варьёган – Радужный. Вдруг под снегоход в свете фары мелькнул торчащий из мерзлоты уголок денежной купюры. Я остановился и сдал назад. Из дороги торчал уголок пятидесятирублёвки. Достав из бардачка отвёртку, выдолбил из мерзлоты денежку. В образовавшейся ямке показалась ещё одна бумажка. Так, из ямки диаметром 30–40 см я выдолбил и собрал 500 рублей.

Я жене пошутил:

– Бог принял нашу жертву и в качестве благодарности прислал свой подарок.

Случилось это рядом с ручьём МЫЛ СОЙЕМ.

С тех пор я один раз в год в этот ручей опускаю монетку. Когданибудь кто-то скажет: «Это личное святилище Юрия Кылевича».

ШИПУ МАЛҪ ВЬҢ – Не'шай' кантялама, петалаҥ поҥкна җайта, мал выҥ. «Чукәхена кантяна таҥно'к тилшаҥ катаны, канута' шипусамыҥ панчоты'» – таньше' мана' недьяна' тилимы' ла'кхәйна'. Талҗам чики нимча ниме'е.

Дословный перевод:

В эту тундру, расположенную последи водораздельных таёжных урочищ, собирались ненцы целыми семьями для охоты. «Тот, кто здесь охотится, добудет диких оленей столько, что все нарты, в том числе и нарты для постели – шипу, будут загружены мясом» – такая поговорка была среди моих родственников старших поколений. Поэтому от названия *шипу* идёт название тундры.

Дополнительная информация:

«Помню рассказ Тё'тат Талё о том, как Тяпту-кәхе – полу-бог, полу-воин собрался откочевать со своей семьёй на новое место – покинуть землю и отправиться на небо. Перед тем, как тронуться, он обошёл свой мют-аргиш, весь ли багаж хорошо уложен и добротнo увязан. Он наказал каждой из своих трёх жён, чтоб ни в коем случае никто не оглядывался назад. Но самая младшая не могла справиться со своим любопытством, и в то время, когда весь мют почти уже достиг облаков, она оглянулась назад. И все её нарты, а она сопровождала нарты *шипу* – постельные нарты, весь её мют попадал на землю. Якобы до сих пор в тундре ШИПУ МАЛҪ ВЬҢ, встречаются обломки нарт-шипу, торчащие из мха» – так рассказал Вэ'ла Аҗачи (Айваседа Пётр Ныневич).

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«Не брать лишнего в дорогу, не отягощать путь – характерная черта быта кочевых народов. В древнем предании рассказывается, что после Вознесения Человека жители Земли собрались на большой праздник. На него приехали и повзрослевшие сыновья Вверх Ушедшего Человека. Они охотно разговаривали с сородичами, рассказывали о жите-бытье. Наверху, исполняли обряды... А после праздника сели на свои нарты и уплыли в заоблачный мир.

На память людям остались заросшая травой и мхом лиственничная нарта Вверх Ушедшего Человека, которая в день отъезда до середины врезалась в мёрзлую землю. Накануне Человек сказал жене, чтоб та не брала с собой ничего лишнего. Но женщина не послушалась и всё лишнее сложила на последнюю нарту каравана-аргиша. Когда пришло время отъезда, она тронула своего вожака. Олени подняли вверх первую нарту её аргиша, подняли вторую, третью... Повозка легко катилась по прозрачной равнине неба. Но вдруг нарты резко дёрнулись – женщина оглянулась. Последняя нарта не могла оторваться от земли. Рванулись олени, напряглись их поводки от передней нарты. Ещё рывок – наконец, последняя нарта оторвалась от снега.

Медленно, с трудом поднимали олени нарту в небо. Скачок, ещё скачок – и лопнули постромки-ремни. Нарта с небесной высоты врезалась в мерзлую землю. Небо не смогло принять нарту с лишними, ненужными вещами».

ЛУ'КУ' ТО – Лу'ку' тиң кайви'та то. Ңамы'манта ма'ай хылаң кунтан нятешту. Маня' тельнянта ни'штума' ңайтадю'. Ма'ай', ванлу' тёлшкана тоң телня тас мют хэймай нятинан.

Дословный перевод:

ГЛУХАРИНОЕ ОЗЕРО – Озеро при Глухарином боре.
Озеро посреди зимы, говорят, имеет окна-живуны, где не бывает льда, только – снег. Здесь в древности, говорят, ушёл под лёд целый мют-аргиш. Мы, современные ненцы, ездим на снегоходах за озеро только кругом по краю, а – не посредине.

ЧИСТОБОРСК – развалины брошенного посёлка лесорубов. Мы, коренные жители реки здесь не останавливаемся, тем более вблизи не остаёмся на ночлег. Мои родственники говорят: «Слишком много сказок здесь».

Из дневника Аэлиты:

«Заехали в брошенную деревню Чистоборск. Всё перевернуто вверх дном. Стоят развалины домов. Жутко. Наверное, тут много привидений. Раньше здесь леспромхоз был, а сейчас временно стоят люди с техникой из сейсмопартии.

Заезжали на шлюпке на Лейковское кладбище. Очень много мошки и комаров. Штефана укусила мошка в губу. Губа распухла...»

МАЛДҔҔАЙВАҔҔ ТОТЯЙ – Однажды мой дядя Ынипо (старший брат моего отца) во время утиной охоты в кустах на берегу этого озера встретил «дикого волосатого человека».

Приехав на стойбище, он был растерян и бледен, и несколько дней вообще молчал, и ни с кем не вступал в беседу. Примерно только через неделю он смог рассказать о том, кого он встретил на берегу озера.

Потом кто-то из стариков вспомнил, что когда-то была такая информация, что некто тоже видел на берегу этого озера нечто подобное.

ХАҔҔИМЕ'ЕЙ – Через это озеро проходит **ҔҔАЛКА ҔҔОТУ** – Большая ненецкая дорога. На одном из мысов было семейное святилище Иуси Начу. Мы тоже проезжая здесь на снегоходах оставляем: кто монетку, кто тряпицу к веткам берёз привязывает, а кто и отрез ткани вешает к стволам деревьев.

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«Вдали показалось озеро *Хаңыме'ей* – «Хозяин подземных ручьёв». Оно состоит из двух отдельных озёр, соединённых подземной речкой. Оно, то течёт по поверхности, то уходит под землю, чтобы вынырнуть в другом месте. Возможно, в древности эти озёра имели разные названия. Ближнее было святым местом Начу Иуси. Мы остановились. Юрий Кылевич достал из кармана горсть монеток и разбросал их по кочкам. Здесь он однажды больше суток в дождь и снежную слякоть пролежал больным под примитивным шалашом из куска брезента. И теперь раз в год оставляет он на этом месте жертву богам в знак благодарности за своё спасение – такой обычай.

Сейчас озеро стало местом паломничества для буровиков. Наловив вдоволь рыбы, они оставляют здесь банки, бутылки, железо, бумагу и просто мусор. А ведь для северных народов непременным условием проживания было и есть поддержание чистоты в природе».

КÄХЕ ТЯХАҢ ТО – Когда-то здесь было родовое святилище семей Иуси. Сейчас иногда останавливаемся на льду озера, поклоняемся на разные стороны света, оставляем на льду монетку. А бывает, просто мимоходом, не останавливаясь, мысленно обращаемся к местным богам, чтоб путь наш был благополучным.

Дополнительная информация:

В своей книге «О чём твоя песня, Аули» В. И. Сподина писала:

«И снова новое озеро, и новое название – *Кахе тяхаң-то*. Дословно оно переводится как «Озеро лунговой речки» (лунг – дух). Окружающий мир представлялся ненцам населённым духами, которые принимали непосредственное участие в жизни людей. Они приносили им удачу или неудачу в промыслах, доставляли радость или огорчение, насылали различные болезни и т. д. Земля, реки, озёра, отдельные урочища имели своих духов-хозяев.

Наверное, это озеро имело для Аули Кольчевича какое-то особое значение, может быть более глубокое, чем

ориентиры его земли, оставленные позади. Казалось, что сидит он на снегоходе особенно торжественно, да и весь наш караван замедлил ход в знак почтения невидимым духам».

ТУ'ПКА НАТ – *яр топора* или *топориный яр*. Это яр, на котором стоит Варьёган. Напротив села очень много погибло наших родственников на воде. Старики говорят: «Если пьяный молодой человек начинает шалить, хулиганить на воде, то от удивления за подобную наглость у Хозяйки Агана отвисает нижняя челюсть, и она заглатывает наглеца».

МАХИ РÄП – *яр поворота (крутого)*. Здесь сейчас Новоаганск. Говорят, издревле это место считалось недобрым. В наши времена здесь вымерла семья Айпина Фёдора, в 1942 году зимой почти одновременно умерли мои прадедушка Анет и прабабушка Шаама, здесь кончилась семья Сардакова Степана...

КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ ИНФОРМАНТАХ

Бабушка Неџи (Ненги) – мать моего отца. Основные детские воспоминания, сказки, легенды, былички о родственниках, живших раньше нас, истории, связанные с названиями речушек, заводей, стариц, островов, песков или бориков вдоль Варьёгана – реки, на которой я родился и провёл детство – всё это я получил от бабушки Ненги.

Дунин-Горкавич А. А.

Биография

Окончил Лисинское лесное училище, инженер-лесовод. Принимал участие в русско-турецкой войне 1877–78 годов в звании унтер-офицера. А. А. Дунин-Горкавич трудился в Царскосельском лесничестве, в лесах Самарской, Нижегородской и Рязанской губерний. В 1880 году переведён в Сибирь, где возглавил Самаровское лесничество

Тобольской губернии. Служил губернским лесничим, чиновником особых поручений при министре земледелия, произведен в чин действительного статского советника.

Зима 1899–1900 – изучал леса бассейна реки Аган и жизнь аганского населения.

1917 год – научный консультант Уральской плановой комиссии исполкома Тобольского окружного совета рабочих и крестьянских депутатов, государственного рыбного промышленного центра, Тобольского окружного комитета Севера.

Преподавал курсы оленеводства и краеведения в Тобольском зооветеринарном техникуме.

Был деятельным участником Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, российских обществ рыболовства и судоходства и других.

- За участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 был награжден Медалью «За храбрость».

- Медаль имени Н. М. Пржевальского. Награжден малой золотой и большой серебряной медалями.

- Почетный член общества изучения края при Тобольском музее Севера.

- Награжден дипломами и почетными грамотами региональных и всероссийских союзов, торгово-промышленных и кустарно-промысловых выставок.

Труды

- Состояніе лесовъ Севера Тобольской губерні; эксплуатация ихъ въ настоящемъ и возможная въ будущемъ. «Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея», вып. VI 1896 г.

- Зверь Тобольской губерні. Опытъ описанія страны, ея естественныхъ богатствъ и промышленной деятельности ея населенія. Съ картой и 5 чертежами. Тобольскъ. 1897 г. Изданіе Тобольскаго Губернскаго Музея, выпускъ УШ. 196 стр. Ц на 1 руб.

- Географическій очеркъ Тобольскаго Севера. (Докладъ, читанный 22 апреля 1903 г. въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществе). «Известія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», томъ XL, выпускъ 1-й.

- Тобольскій Север, в 3-х томах.

- Русско-остяцко-самоедскій практическій словарь наиболее употребительныхъ словъ. Тобольскъ. 1910 г. 58 стр.

Память

- Именем исследователя, названа улица в городе Ханты-Мансийске в 2000 году.
- 15 июня 2007 года в Ханты-Мансийске был открыт памятник А. А. Дунину-Горкавичу.
- Департамент природных ресурсов Ханты-Мансийского автономного округа с 2005 года проводит ежегодную научно-практическую конференцию имени А. А. Дунина-Горкавича.

Митусова Р. П.

Раиса Павловна Кутепова, в замужестве Митусова, родилась 22 марта (9 марта по старому стилю) 1894 г. В г. Холмогоры Архангельской губ. в семье коллежского асессора Павла Александровича Кутепова. Мать Раисы Павловны – новгородская дворянка Ольга Андреевна Тимофеева. В браке с Кутеповым она родила две дочери – Раису и Александру. Семья Кутеповых была большой и дружной: Павел Александрович усыновил троих детей Ольги Андреевны от первого брака – Александра, Бориса и Сергея – и дал им свою фамилию. Александр Кутепов – впоследствии прославленный генерал и один из руководителей Добровольческой белой армии.

После Архангельской Мариинской женской гимназии Раиса окончила Осташковскую женскую гимназию с углублённым изучением русского языка и литературы и получила звание «домашняя учительница».

В 1913 году Раиса Павловна Кутепова переехала в Петербург и стала слушательницей Высших женских Бестужевских курсов. Учёбу совмещала с работой в географическом кружке, являясь его председательницей. По окончании Бестужевских курсов в 1918 году поступила на службу в Русское географическое общество.

В 1918 году Р. П. Кутепова выходит замуж за Степана Степановича Митусова. С. С. Митусов, как офицер, принимает участие в военных действиях на Северном фронте в составе белогвардейских частей армии Е. К. Миллера. После 11 месяцев замужества Раиса Павловна Митусова овдовела.

В 1921 году поступила в Петрограде на геологическое (с «уклоном в антропологию»). Одновременно Митусова работала в Российской академии истории материальной культуры. В университете её преподавателем антропологии, сравнительной этнографии и этнографии Сибири был С. И. Руденко. Летом 1921 года по приглашению Руденко она участвовала в антропологических и этнографических исследованиях на Южном Урале.

В 1922 г. Раиса Павловна в качестве «научного сотрудника по антропометрии» участвовала в Верхневолжской экспедиции Академии наук, руководимой Д. А. Золотарёвым. Она изучала карел и русских (пушкарей) в Весьегонском уезде Тверской губернии.

Для всестороннего изучения культуры северных народов привлекались в первую очередь этнографы. Одним из таких специалистов была Р. П. Митусова.

В ходе экспедиций (1923, 1924–1925 гг.) в малоисследованные районы Западной Сибири Р. П. Митусовой, был собран обширный этнографический материал по культуре аганских хантов, лесных ненцев и тазовских селькупов, проведены антропометрические измерения хантов и лесных ненцев...

В декабре 1930 г. Раису Павловну Митусову арестовали. На её судьбу трагически повлияло родство с генералом А. П. Кутеповым и, видимо, знакомство с С. И. Руденко, который был арестован 5 августа 1930 г.

По сфабрикованному делу Р. П. Митусову обвинили в связях с членами контрреволюционной кадетско-монархической организации.

25 апреля 1931 г. постановлением выездной сессии коллегии ОГПУ была приговорена к ссылке в Западно-Сибирский край.

После отбывания срока ссылки Митусова в 1935 году переехала в г. Кемерово.

25 июля 1935 г. Раиса Павловна была назначена директором Кемеровского краеведческого музея.

26 марта 1937 года Сергей Павлович Кутепов и 4 июня 1937 года Раиса Павловна Митусова были арестованы. Они

проходили по одному и тому же делу, сфабрикованному органами НКВД. С. П. Кутепова обвинили в создании на территории СССР по прямому заданию его родного брата – генерала А. П. Кутепова контрреволюционной организации «Русский Общевоинский союз» (РОВС). Р. П. Митусову «изобличили» в активном членстве в РОВС.

Сергей Павлович не признал... обвинений и покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна здания УНКВД.

7 декабря 1937 года «тройкой» НКВД Новосибирской обл. Раиса Павловна Митусова была приговорена по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 9 декабря 1937 г. в Новосибирске.

Р. П. Митусова реабилитирована 12 марта 1957 года «за отсутствием состава преступления» (Архив НИЦ СПб. «Мемориал»).

Так трагически закончилась жизнь талантливого исследователя, незаурядной и мужественной женщины Раисы Павловны Митусовой,...

Даша

Ярушина Дарья – в 2011 году она – девятиклассница, участница туристической группы, приехавшей на реку Аган из города Мегион. Руководитель группы Вера Алексеевна Сержант. Учится Даша в одной из мегионских школ. Пробует писать стихи. Вот одно из них, из дневника Даши:

ЛУНА

Дымятся облетевшие сады,
Ковшом из звёзд хрусталь налит в колодцы...
Луна заполнит реки и пруды,
Которые к утру осушит солнце.

Дрейфуют в темноте немые сны,
Законы гравитации нарушив,
Но скрыться невозможно от луны,
Она ломает грани, входит в души...

Подёрнут серой дымкой старый грот –
Свидетель неоконченного спора.
Пусть чистый, непорочный небосвод
Грозой и ливнем выльется в озёра.

Лучи заката выпиты до дна,
И смотрит беспощадно и жестоко
Огромная свирепая луна,
Как всюду проникающее око.

Сподина В. И. – Виктория Ивановна приехала в г. Мегион обычным школьным учителем. В школе, где преподавала историю, организовала школьный музей. В музее нашёлся уголок и для первого геолога, и для нефтедобытчика. Потом появился первый экспонат коренного жителя – ездовая нарта для оленьей упряжки с реки Аган Покачева Павла Ивановича, которую собственноручно волокла по бору, по болоту несколько километров...

Музей стал проводить выставки изобразительного искусства. Потом дни русской культуры, татарской и украинской... В музее появился живой уголок. Своё место нашлось экспонатам, собранным в старом Мегионе – экспонатам времён коллективизации. А предметам культуры коренных жителей уже стало тесно в отдельном просторном зале, и появился за пределами города филиал музея – площадка в лесу под открытым небом – Музей-Стойбище. И всё это обрело статус городского музейного комплекса...

У Сподиной В. И. появились публикации. И самые заметные – об особенностях культуры лесных ненцев.

Потом Виктория Ивановна стала работать со студентами. Она возглавила Институт истории и языков Югорского госуниверситета.

Сейчас она директор БУ ХМАО – Югры «Обско-югорский институт прикладных исследований и разработок», кандидат исторических наук.

Новикова Н. И. – Новикова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, исполнительный директор ООО «Этноконсалтинг».

Научные интересы:

Юридическая антропология, правовой плюрализм, этнография народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (ханты, манси, ненцы, эскимосы, ульга, нивхи), взаимодействие нефтяных компаний, коренных народов Севера и органов власти, антропология организаций.

Полевые исследования (1978 г. – по н. в.) в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах, Сахалинской области, Приморском крае Российской Федерации и Северо-Западных территориях Канады.

Организовывает и проводит этнологические экспертизы.

Автор около 130 научных публикаций.

Аэлита – моя третья дочь. Она принимала участие в фольклорной экспедиции «Почтовый маршрут». В то время, когда писала свой дневник, была студенткой первого курса Нижневартковского пединститута.

Атени (Татяне) – названия многих мест в нижнем течении реки Варьёган при работе над топонимическим словарём я уточнял у своей мамы.

Айпин В. Р. – Виктор Романович – друг детства. Мы вместе: детский сад, начальная школа в Варьёгане, школа-интернат в Агане, охотничьи годы. Иногда мне кажется, создание топонимического словаря вовсе не моя идея, а его.

Айпин С. А. – многие названия вокруг ЭНЭЛ УРИ были подсказаны Семёном Александровичем. Сейчас он преподаёт в варьёганской школе охоту, рыбалку, оленеводство и другие трудовые навыки коренных жителей реки Аган.

Айпина З. Н. – названия многих мест вокруг её стойбища, пока она была жива, я по телефону уточнял у неё – у Зои Николаевны.

Айпин А. А. – квартира Афанасия Антоновича в городе Покачи, а стойбище внутри КОЛМАҢ УРИ. Он охотно делился информацией о тех местах, где провёл детство.

Айваседа С. В. – с Семёном Валюмовичем мы вместе охотились. От него я много информации получил о самых крупных притоках Агана: Ватьёган и Ампута.

Айваседа (Вэлла) Ынипо, ещё одно его имя *Тя'пта Вэ'ла* – (*тонкий, стройный Вэлла*) – старший брат моего отца. Во времена моего детства заменил мне отца. Основные названия на местности по реке Варьёган, вместе с легендами, рассказывал мне он.

Айваседа А. А. – у Александра Алевича я уточнял названия на местности вокруг его стойбища.

Иуси Кули – с ним я охотился один год (зима 1979–80). За это время от него я получил много информации о названиях на местности по рекам Варьёгану и Ватьёгану.

Иуси Аули – не только названия на местности, но и некоторые истории связанные с этими названиями были поведаны им.

Иуси Ойся – его тема – это названия по реке Ампуте и не только.

Казамкин Е. С. – Егор Степанович – участник фольклорной экспедиции «Почтовый маршрут». Основные названия вдоль русла реки Аган были подсказаны им. Он в 60-е годы XX-го столетия несколько раз перевозил почту на обласе по маршруту Варьёган – Аган и обратно. Один раз ездил до Сургута в военкомат.

Казамкин В. Е. – Виталий Егорович подсказал названия вдоль реки ЛУХ КОПЛ.

Покачев Т. И. – основной информант топонимики реки Аган от деревни Интлетовы вниз по течению – это Тихон Иванович.

Покачев И. И. – Иосиф Иванович помогал вспомнить для потомков названия на местности вдоль реки НАҢК ЯВУН.

Покачев А. Н. – с Антоном Николаевичем я рыбачил вокруг Белого Яра (ЭНЭЛ СЫЙ) 1973–1975 гг. Вечерами у костра он делал мне расшифровку для многих названий на местности. Я тогда ещё не занимался топонимическим словарем, но любопытство к местной истории уже имел.

Покачев К. М. – основные названия на озере ИМНЛОР (ЙИМЫҢ ЛОП) я узнал от Кузьмы Михайловича, а также некоторые названия нижнего течения Ватьегана.

Сардаков И. М. – Иван Михайлович – основной информант по реке ЕГУРЬЯХ.

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Бюджетное учреждение ХМАО – Югры
«Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок»

Юрий Вэлла

РЕКА АГАН СО ПРИТОКАМИ

**Опыт топонимического словаря
Бассейн реки Аган**

**Часть третья:
дороги, населённые пункты, святилища,
аномальные места в бассейне реки Аган.
Справка об информантах**

Редактор, корректор: Шарова П. С.

Дизайн, верстка: Мохтаров М. Р.

Иллюстрации фотолюбителей:

Ева Тулуз, Париж,

Татьяна Юргенсон, Мегион,

Раиса Митусова, Ленинград

Подписано в печать 13.12.2012.

Формат 60x84/16. Гарнитура Roman Uralic, Palatino Linotype.

Усл. п. л. 9,4. Тираж 300 экз. Заказ № 16.

Отпечатано в Типографии ООО Издательство Юграфика
628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
г. Ханты-Мансийск, ул. Крупской, 26

042382014

Государственная библиотека Югры

Прямые потомки Юрия Вэллы (Айваседы) и Елены Тайлаковой:

Дочь – Карымова Тайна Юрьевна,
её дети: Карымов Евгений (Анет) Эдуардович – старший внук Ю. Вэллы,
Карымов Фёдор (Щётал) Эдуардович – внук Ю. Вэллы,
Василькова (Карымова) Елена (Утулу) Эдуардовна – внучка Ю. Вэллы,
Васильков Мирослав (Майлю, Майлю) Александрович – правнук Ю. Вэллы.

Дочь – Айваседа Лада (Лату) Юрьевна.
Её дети: Иуси Кольчу Тимофеевич – внук Ю. Вэллы.
Иуси Антон (Тоша) Тимофеевич – бабушкин внук – родился в день рождения бабушки Лены – внук Ю. Вэллы.
Айваседа (Вэлла) Николай (Хопли) Тимофеевич – родился после смерти Тимофея, поэтому Лада дала ему свою девичью фамилию, при получении паспорта он может записаться Вэллой – внук Ю. Вэллы.
Туркова Александра (Шура, Саша) Петровна – внучка Ю. Вэллы.
Турков Макар (Макале'ей) Петрович – самый младший внук Ю. Вэллы.

Дочь – Сафиулова Аэлита (Ымчи) Юрьевна,
её дети: Сафиулова Эльвина (Неңи, Ненги) Наилевна – внучка Ю. Вэллы,
Сафиулов Рамис (Лами) Наилевич – внук Ю. Вэллы,
Сафиулов Данил (Тани) Наилевич – внук Ю. Вэллы.

Дочь – Лялькина Сёма (Шомь'ку, Шомя'ку) Юрьевна,
её дети: Неттина Мария (Маруся, Катали) Андреевна – внучка Ю. Вэллы,
Лялькин Ликр (Альчи) Игоревич – внук Ю. Вэллы,
Лялькин Атэй (Артём) Игоревич – внук Ю. Вэллы.